

В. М. Пашута

АЛЕКСАНДР
НЕВСКИЙ
и
БОРЬБА
РУССКОГО НАРОДА
за
НЕЗАВИСИМОСТЬ
в
XIII ВЕКЕ

Государственное
Учебно-педагогическое
издательство
Министерства Просвещения
РСФСР
москва - 1954

Книга В. Т. Пашуто в популярной форме излагает политическую историю Северо-Восточной Руси в XIII в. Сосредоточив своё внимание на наиболее талантливом представителе великокняжеской власти — Александре Невском, — автор подробно освещает борьбу русского народа против немецко-шведской агрессии на восток, вдохновлявшейся папской курией. Значительное место в книге отведено и борьбе России против гатаро-монгольских захватчиков.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данные о жизни и деятельности нашего великого предка Александра Невского сохранились прежде всего в русских летописях, в отдельных юридических памятниках, а также и в иностранных источниках. Наиболее достоверный и полный материал находится в русских исторических произведениях — летописях. Летописи эти обычно составлялись в монастырях, особенно киевских, которые в то время были своеобразными центрами культурной жизни. Дополнительные данные о жизни Александра Невского даёт его «житие», которое составил современник Александра Ярославича русский митрополит Кирилл.

Важные сведения летописей и «жития» могут быть дополнены свидетельствами юридических памятников (киевскими договорами), а также иностранных источников и прежде всего немецких хроник. Но немецкие хроники требуют к себе весьма осторожного отношения ввиду их крайней тенденциозности. Это относится не только к известной «Хронике» Генриха, но также и к «Рифмованной хронике» конца XIII в., к орденской хронике Германа Вартберга, к «прусской» хронике Петра Дюсбурга и др. Все они проникнуты духом крестоносного разбоя.

Русские дворянско-буржуазные исследователи мало сделали для выяснения исторической роли Александра Невского, ограничившись более или менее точной передачей летописных фактов; они и не могли поступить иначе, поскольку сами в основном сводили историю общественного развития к действиям королей и полководцев, «завоевателей» и «покорителей» государств.¹

Однобоко и неверно толковали деятельность Александра Ярославича и те, кто, подобно Н. Рожкову, видели в нём только какого-то стяжателя, «сватинника по духу» а также те, кто вслед за М. Н. Покровским считали Александра Невского лишь проводником политики суздальского боярства, стремящегося навязать Новгороду свои порядки. Эти историки упускали из виду важнейший вопрос о прогрессивном характере великокняжеской власти во времена феодальной раздробленности, а также всё, что связано с военной и дипломатической защитой Руси от внешних врагов.

В корне иную оценку деятельности Александра Невского дали классики марксизма. К. Маркс в «Хронологических выписках» из массы исторического материала неоднократно выделял известия о нём.

¹ История ВКП(б). Краткий курс, стр. 116.

После того как было покончено с враждебной марксистской наукой «школью» Покровского, Советское правительство и большевистская партия широко развернули работу по созданию полноценных исторических учебников и, в частности, потребовали от советских историков «...правильной исторической оценки битвы на Чудском озере новгородцев с немецкими рыцарями, когда было приостановлено движение на Восток германских оккупантов (разбойничий тевтонский орден — «псы-рыпари», — как называл их Карл Маркс), осуществлявших колонизацию путём поголовного истребления и грабежа покоряемых народов».¹

Великий вождь советского народа И. В. Сталин в своём выступлении на Красной площади 7 ноября 1941 г., в суровую годину Великой Отечественной войны, назвал Александра Невского в числе тех наших великих предков, чей мужественный образ вдохновлял советских людей в героической борьбе с немецко-фашистскими варварами.² В честь великого полководца был учреждён орден, которым награждены тысячи славных воинов, сражавшихся за свободу и независимость нашей родины.

Советские историки, выполняя указание нашего правительства, немало сделали для изучения деятельности Александра Невского. Достаточно назвать работы Н. П. Грацианского, С. В. Бахрушина, М. Н. Тихомирова, А. Н. Насонова и др. Однако международные события, предшествовавшие историческим битвам на Неве и на Чудском озере, вопросы внешней политики Руси, изучены неполно, а в связи с этим недостаточно освещена и дипломатическая деятельность Александра Невского; мало исследовано военно-политическое, международное значение этих побед, одержанных русским народом, и особое значение их для народов Прибалтики; наконец, внутренняя классовая политика Александра Невского изучена также недостаточно.

Цель настоящей книжки заключается в том, чтобы, опираясь на критический анализ русских летописей, немецких, польских и иных источников и используя уже имеющиеся по ряду вопросов выводы советских историков, дать в научно-популярной форме возможно полный, разработанный на основе марксистско-ленинской методологии материал, связанный с именем Александра Невского.

Книга охватывает историю главным образом северо-восточной Руси. После характеристики политического положения Руси и её давних отношений с прибалтийскими народами — эстами, ливами, лэттами, литовцами и финнами — в книге даётся последовательное освещение борьбы русского народа с немецкими, шведскими и датскими феодальными крестоносцами. Должное место отводится выяснению классовой основы и характера внутренней и внешней политики владимиро-суздальских великих князей и боярских правителей Новгородской и Псковской феодальных республик. На основе обширного русского и иностранного материала характеризуется международное положение Руси и всемирно-историческое значение её военной и дипломатической борьбы за свою независимость. Эту борьбу Русь вела с татаро-монгольскими

захватчиками, с одной стороны, и с немецкими, шведскими и другими кре-
стоносцами, поддержанными папской курией,— с другой.

В ходе исследования этих вопросов и определяется историческое значение крупного русского государственного деятеля, выдающегося полководца и дипломата — Александра Ярославича Невского.

Разумеется, далеко не все эти вопросы освещены с должной полнотой, что объясняется, в первую очередь, скучностью источников. Огромное количество наших старинных летописей, литературных сочинений, государственных документов безвозвратно погибло во время стихийных бедствий и вражеских нашествий на Русь. Нужно надеяться, что дальнейшие поиски историков, а также всё более совершенствующееся мастерство советских историков в критическом изучении сохранившихся летописных текстов позволят со временем создать цельное представление об этой необыкновенно тяжёлой, но богатой бесчисленными славными подвигами эпохе в истории Руси, в истории великого русского народа.

¹ «К изучению истории». Сборник, М. 1946, изд. ВПШ при ЦК ВКП(б), стр. 37.

² И. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, М. 1950, стр. 71.

Глава первая.

СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ РУСЬ НА РУБЕЖЕ XIII ВЕКА

На рубеже XIII в. Русь, русская земля, была самым крупным из европейских государств. Придворный книжник того времени, живший во Владимире на Клязьме, в своём «Житии» князя Александра Невского так писал о родной Руси: «О светло светлая и красно украшена земля русская, и многими красотами удивлена еси: озера многими удивлена еси, реками и кладезьями месточестными, горами крутыми, холми высокими, дубравами чистыми, полми дивными, зверми различными, птицами бещисленными, города великими, села дивными, винограды обительными, дома церковными и князьями грозными, бояры честными, велможами многами: всего еси исполнена земля русская».

Однако, описав красоту и богатство русской земли, автор с тревогой говорит об ухудшении её международного положения, когда все правители соседних стран грозят её независимости: прошли те времена, когда они трепетали от одного имени русского, когда «литва из болота не выникаху», когда «угры (венгры) твердяху (укрепляли) каменые горы (т. е. Карпаты) железными вороты, абы на них великий Володемер (Мономах) тамо не выехал», когда «немцы радовахуся, далече будече за синим морем», — ныне не то — все они грозят Руси. А на самой Руси не спокойно, ибо приключилась русским «болезнь».

Эта «болезнь» — феодальные распри, ссоры и войны русских князей между собой. Не вдруг начались эти распри.

Со времён киевского князя Ярослава Мудрого терзали они русскую землю. К середине XII в. былое государственное единство Руси, осуществлявшееся из Киева князьями и боярской землевладельческой знатью, стало далёким воспоминанием. Киев, незадолго до того величием «подобный Константинополю» — столице Византийской империи, утратил прежний блеск, уступая своей экономическое и политическое значение таким городам, как Владимир на Клязьме, Галич на Днестре, Великий Новгород.

Это произошло потому, что Киев уже не мог содействовать росту отдельных княжеств, образовавшихся внутри древнерусского Киевского государства. Напротив, требуя с них дани и людей, Киев задерживал их рост. В Смоленщине, Ростовской земле, Галичине и других землях сложились новые, феодальные отношения. Киевские дружины и местная знать, давно перешедшие от сбора дани с подвластного крестьянского населения к захвату крестьянских общинных земель, построили в этих землях свои замки-крепости, принудили работать на себя большинство прежде свободного крестьянства, т. е. стали феодалами-землевладельцами. Чтобы сделать это принуждение постоянным и относительно прочным, они создали здесь свой государственный аппарат (управление, суд, армия и т. п.), способный осуществлять власть над крестьянством, над народом, и защищать захваченные земли от внешних врагов.

В новых условиях Киев не имел достаточных военных и экономических сил, чтобы помочь множившимся и крепнувшим феодалам держать в узде подчинённое ими крестьянство, не имел он средств удержать и самих этих феодалов в повиновении.

При этих условиях единая Русь стала распадаться на отдельные самостоятельные феодальные «полугосударства». Государственный строй приобрёл расчленённую форму, типичную для европейских государств изучаемого периода; реальная государственная власть перешла к феодальному сословию отдельных «полугосударств». Местная знать отдельных земель освобождалась из-под власти Киева и провозглашала самостоятельность «своих» князей, которые в свою очередь начинали проводить собственную политику, связывая свои интересы с интересами местной знати, стремясь увеличить свои земельные владения за счёт захвата соседних земель, в том числе земель соседних русских князей, стремясь повысить свои доходы за счёт феодального угнетения крестьян-смердов и меньше всего думая об общерусских интересах. Начавшиеся непрерывные войны правителей феодальных княжеств несли разорение крестьянству и городам; эти войны продолжались даже тогда, когда внешние враги угрожали русской земле; они ослабляли военную мощь Руси и затрудняли

борьбу русского народа за свою независимость. Обо всём этом с глубокой горечью писал в конце XII в. знаменитый автор «Слова о полку Игореве»:

И когда ж в те злы дни Олега..
Погибала жизнь Даждьбожевых внуков,
Сокращались веки человекам...
В дни те редко ратан за плугом
На Руси покривкали в поле:
Только враны каркали на трупах,
Галки речь вели между собою,
Далеко почтуя мертвичину...
Невесёлый час настал, о братя!

Так звучат бессмертные строки «Слова» в переводе поэта А. Н. Майкова.

Виной всему тому были князья с их бессмысленными усобицами:

Рекоста бо брат брату: «се мое, а то мое же».
И начаша князи про малое: «се велико» молвити,
А сами на себе крамолу ковати, а погания с всех
Стран приходжаху с победами на землю Русскую.

Киевское княжество уже не только не вело самостоятельной политики, но само стало яблоком раздора между более сильными соседними князьями, ни один из которых, однако, не мог укрепиться на киевском столе.

Но в то же время зарождались и обратные явления. Правители крупнейших «полугосударств» (некоторые из которых по своим размерам не уступали иным западноевропейским государствам) с течением времени всё настойчивее стали выступать претендентами на роль объединителей Руси на феодальной основе, объявляя себя «великими князьями всей Руси», стремясь использовать в своих целях и захват «Киевского великого княжения». С притязаниями на роль объединителей всех русских земель не раз выступали князья галицкие, волынские, черниговские, владимиро-суздальские... Опираясь на сочувствие всех, кто страдал от грабительских феодальных войн, отдельные князья находили в осуществлении объединительной политики поддержку со стороны служилых (главным образом мелких и средних) феодалов и развивающихся городов. Время от времени они объединяли относительно крупные части русской земли и при этом особенно стремились утвердиться в бывшей столице Руси — Киеве, а также в крупнейшем торговом её центре — Новгороде Великом.

Но эти объединения не были прочны, так как условия для создания централизованного общерусского государства ещё не созрели: экономические и торговые связи, как правило, не выходили за рамки отдельных княжеств, и хотя князья уже приходили к мысли о необходимости пускать купцов торговать «без рубежа» и договаривались друг с другом об этом, но на практике торговые нити часто обрывались; растущее феодальное боярство отставало независимость своих земельных владений и

¹ «К изучению истории». Сборник, стр. 21.

Ярославово дворище; слева направо: церковь жён-мироносиц, XII—XVI вв., церковь Прокопия, 1359—1529 гг., Вечевая башня, 1472 г., Николо-Дворищенская церковь, 1113 г.

срывало усилия отдельных князей, направленные к централизации. Само городское население и его торгово-ремесленная верхушка оказывались ещё неспособными надолго закрепить объединительные попытки своих князей. Тем не менее неудачи этих попыток не прекращали стремления к объединению, за ним было будущее.¹

Стремление к объединению Руси нашло своё выражение и в письменности того времени — и прежде всего в летописании. Идея единства русской земли, русского народа зародилась весьма рано, начиная с XII в., и на протяжении ряда веков она чётко выступала в наших памятниках письменности. Княжеские летописцы всегда старались обосновать первенствующую роль своего княжества во всей русской земле и оправдать права местного князя распоряжаться её судьбами. Княжеские и церковные книжники, где бы они ни составляли свои летописи, всегда хранят известия о «русской земле», «русском бое», «обычае русском».

Основой существования этой идеи являлось то, что все русские феодальные княжества были населены русским народом, который говорил, в основном, на одном языке, пользовался одинаковыми светскими («Русская Правда») и церковными (уставы)

¹ Ф. Энгельс, О разложении феодализма и развитии буржуазии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 443, 445.

законами, имел свою, русскую (гривенную) денежную систему, возводил во Владимире, в Галиче, в Суздале, в Холме, в Смоленске и в Чернигове постройки, близкие по стилю; в Киеве и в Переяславле, в Новгороде и Владимире-Волынском он создавал схожие литературные памятники. Сам народ, основную массу которого составляли крестьяне, никогда не забывал о своём единстве, о том, что живёт на русской земле, не забывал он и о былом единстве русской земли... Эта идея нашла своё особенно яркое выражение в народном творчестве — былинах. По народному представлению, за русскую землю сражаются вместе «задорливый» галичанин Дунай, муромец Илья, волынец Михаило Казарин, ростовец Алёша, рязанец Добрыня... Они все друг другу — братья, и потому ни Дунай Добрыню, ни Добрыня Дуная даже в ссоре ранить не могут как «русский от русского». Поэтому понятно, что в те моменты, когда всей Руси, русской земле, угрожали враги — весь народ поднимался против них.

Во второй половине XII в. и в начале XIII в. значительной политической силой, выступившей с объединительными стремлениями, явилась Владимиро-Сузdalльская Русь.

Из всех русских княжеств только Владимиро-Сузdalльское в борьбе за верховенство на Руси достигло ощутимых результатов. Оно лежало в северной части Волжского бассейна; первоначально киевские князья присыпали в эти земли своих «мужей» для сбора дани, а затем здесь стали править и князья, как правило, сыновья киевского великого князя. Уже в правление Юрия Долгорукого (1107—1157) Ростово-Сузdalльское княжество сбросило верховную власть киевского князя. Более того, оно само стало решительно притязать на руководство всей русской землёй. После смерти своего отца Владимира Мономаха князь Юрий первый из ростово-сузdalльских князей властно провозгласил торжество нового, феодального порядка на Руси и право Ростово-Сузdalльского княжества на господство в русской земле, и в первую очередь в Киеве и Великом Новгороде.

В результате неоднократных военных выступлений князь Юрий достиг своей цели: овладел Киевом и заставил Новгород Великий признать свои права. Именно поэтому князь Юрий Владимирович и получил в народе прозвище «Долгорукий». Потомки и преемники князя Юрия — Андрей Боголюбский, Всеволод «Большое гнездо», Ярослав Всеволодович — продолжали его политику, довершая упадок Киевского княжества и с возрастающей силой наступая на Новгородскую боярскую республику. Вместе с тем они всё настойчивее проводили мысль о том, что их княжеству принадлежит исключительное право быть руководителем русской политической жизни.

Сильная княжеская власть, которая складывалась в Северо-Восточной Руси, в тогдашних условиях «всеобщей путаницы» мелких феодальных княжений способствовала созданию будущего национального объединения. Правда, процесс сплочения всех

Софийский собор XI в. Южный фасад.

русских земель не успел достичь ощутимых результатов, будучи прерван татаро-монгольским нашествием, но всё же Северо-Восточная Русь сумела сохранить свои объединительные стремления, закрепив их в политике князя Александра Невского и его преемников, при которых основанная Юрием Долгоруким Москва стала центром Русского национального государства.

Ростово-, а позднее Владимиро-Сузdalское княжество охватывало обширную территорию от Нижнего Новгорода до Твери по Волге, до Ржева, Можайска и Коломны, включало Устюг и Белоозеро на севере. Его границы соприкасались с границами Рязанского, Черниговского, Смоленского княжеств и особенно тесно с границами Новгородской феодальной республики, через территорию которой тянулся северный конец Волжского торгового пути; в Новгородскую землю владения владимиро-сузальских князей вдавались глубокими клиньями — в северное Поморье, к Прионежью и менее глубоким клином — к Торжку.

Новгородская феодальная боярская республика не случайно привлекала к себе взоры владимиро-сузальских князей и бояр.

Новгород Великий, один из древнейших русских городов, находился в центре водных путей, связывавших Русь с другими странами. Через него шёл главный торговый путь, соединявший моря Балтийское, Чёрное и Каспийское. Через Волхов — Ладогу — Неву по Балтийскому морю мимо острова Готланд новгородские купцы вели торговлю с другими странами северной Европы (Германия, Дания, Швеция и др.), как сказано в былине о Садко, богатом госте (т. е. купце):

Поехал Садко по Волхову,
Со Волхова в Ладожско,
А с Ладожска в Неву-реку,
А со Невы-реки в сине море.

Кроме того, из Новгорода на запад шёл торговый путь по суше — «городом» — проходя через Юрьев к Двине и далее к Неману и Висле — в славянское Поморье. По Ловати через волок в Днепр направлялись новгородские суда в Чёрное море, т. е. в киевское Олешье на Днепре, Белгород и Галич на Днестре, Галац на Дунае и далее, вдоль болгарских берегов, в Константинополь; по рекам Мсте и Тверце плыли новгородские купцы к Волге, а по ней, через владения владимиро-сузальских князей, в Каспийское море, в страны арабского Востока.

Местные «мужи», а затем бояре с помощью киевских князей энергично и успешно расширяли новгородские государственные границы. Они подчиняли соседние племена и народы, основывая на их территориях свои крепости и устанавливая «погосты» — административные центры сбора дани. Так на Волхове выросла Ладога, защищавшая торговые пути от ударов с севера и служившая исходным центром подчинения Карелии; на западе — Юрьев, основанный в 1030 г. Ярославом Мудрым и ставший русским опорным пунктом в эстско-ливских и отчасти литовских землях. Таким образом, владея берегами Невы и Финского залива, новгородские бояре держали под своим контролем южную прибалтийскую территорию до Двины, а на севере управляли Карелией. Их сборщики дани проникали в землю еми (финнов) и далее к границам Норвегии. Далеко на север — по Терскому берегу Белого моря, Заволочью, Печоре, Югре — тянулись новгородские владения.

Сам Новгород был сильно укреплён, в XII в. его окружили земляным валом, поверх которого шла стена, а перед ним — ров. Вокруг города возникли монастыри, имевшие немалое оборонительное значение. Новгород расположился по двум сторонам реки Волхов, соединённым мостом. На одной стороне — Софийской — в центре находилось каменное укрепление — детинец с Ярославовым двором, на котором со времён Ярослава Мудрого устраивалось вече — собрание новгородцев для решения важнейших государственных вопросов. В детинце стоял храм покровительницы города, новгородской Софии. Это было центральное обще-

ственное здание — здесь принимали послов, на площади собирались вече, вокруг были расположены дома бояр.

На другой, восточной — Торговой — стороне находился торг, где можно было встретить купцов со всех концов Руси, а также купцов немецких, шведских, датских, греческих, арабских... Здесь стояли купеческие дома и жили многочисленные ремесленники, составлявшие основное население Новгорода.

Торговля хлебом и мёдом в Новгороде (миниатюра).

В политической, хозяйственной и культурной жизни Новгорода крупной силой являлись объединения кончан (жителей концов), уличан (жителей улиц), сотни и купеческие братчины. Особенно возросла роль концов и улиц в половине XII в., когда кончанские и уличанские старости скрепляли своими печатями важнейшие государственные грамоты феодальной республики. Уличанские органы власти и даже местные попы были выборными. Разумеется, в этих выборах решающая власть оставалась в руках близживущих бояр, которые умели находить средства контролировать городской аппарат управления. Целые районы (концы) города именовались сообразно занятиям ремесленников

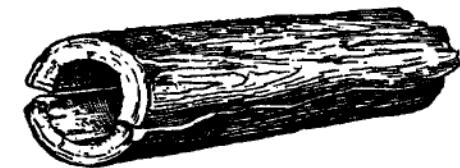
населения: Плотницкий, Гончарный... Каждый конец имел своё самоуправление и известную власть над определённой территорией новгородской области. Ремесленники объединялись в цеха, члены которых жили обычно рядом, согласно выступали при ве-чевых спорах и когда напряжённая классовая борьба выливалась в прямые городские восстания. Купеческие объединения — братчины — тоже имели своё управление. Они избирали старост, строили церкви, в которых хранили товары, деньги, а также орудия труда и весы; здесь происходил и суд. В других русских княжествах (Киеве, Владимире-Волынском и др.), а также за рубежом в Висби (на Готланде), в Риге, Любеке, Сигтуне новгородские купцы жили колониями, имели свои дома и церкви.

По своему благоустройству Новгород оставил позади себя многие города Западной Европы — уже в XI в. здесь мостили улицы, тогда как, например, в Париже мостовые появились лишь к концу XII в. Эти мостовые недавно обнаружены нашими археологами, ведущими в Новгороде большие раскопки. Вдоль улиц шли желоба и трубы сточных вод. Ярославово дварище имело первый в северной Европе водопровод, по которому в деревянных трубах шла чистая ключевая вода.

Как и Киев, Новгород был уже в XI в. крупнейшим культурным центром Руси. История его культуры отражает развитие Новгорода по пути от княжеской волости в феодальную республику. В произведениях культуры того времени ярко отражался социальный заказ новгородских или иных феодалов, проникнутый господствующей идеологией — христианством. При введении в Новгороде христианства князь Владимир Святославич поставил здесь дубовый храм Софии. В 1044 г. Ярослав Мудрый заложил каменный детинец, а в 1049 г. новгородский князь Владимир Ярославич построил новый каменный софийский храм, в котором воплотились основные черты новгородского зодчества — простота и ясность форм. Этот храм с переделками и достройками просуществовал до наших дней, и только немецкие фашисты разорили его.

В начале XII в. в Новгороде строится ещё ряд замечательных храмов — три собора на берегу Волхова были воздвигнуты в течение 1112—1119 гг. Построенные русскими мастерами, эти соборы создавали определённый архитектурный стиль города. Внутри соборы были украшены прекрасной фресковой живописью.¹

¹ Фреска — письмо водяными красками на сырой штукатурке.

Водопроводная труба из Новгорода.

Церковь Спаса-Нередицы близ Новгорода.

С установлением в Новгороде феодально-республиканских порядков боярско-купеческое строительство второй половины XII в. выработало новый тип четырёхстолпного, квадратного в плане, храма, меньшего по размерам и более простого по формам, чем грандиозные княжеские соборы. Купцы и ремесленники стремились в каждом конце и на каждой улице построить такую церковь. К новому типу церквей принадлежала и всемирно известная церковь Спаса-Нередицы, варварски разрушенная немецкими фашистами. Она была построена в 1198 г. и расписана фресками. Интересно отметить, что направо от входа в ней был изображён отец князя Александра Невского Ярослав Всеволодович в княжеских одеждах и с моделью церкви Нередицы в руках. Полагают, что это изображение было выполнено по заданию князя Александра вскоре после гибели его отца в Каракоруме (1246). Все эти великие творения средневекового искусства были созданы русскими мастерами.

В 1017 г. в Новгороде, раньше, чем в Киеве, и раньше, чем в Польше, Чехии, Венгрии, появилось местное летописание, с тех пор продолжавшееся непрерывно вплоть до включения Новгорода в состав Русского централизованного государства.

С установлением республики местная летопись, как отметил Д. С. Лихачев, изменила свой характер. В ней больше внимания стало уделяться местным политическим и хозяйственным событиям, вплоть до состояния посевов, повышения цен на хлеб, неурожаев, стихийных бедствий и т. д. В ней не раз звучит деловая

Развалины церкви Спаса-Нередицы, разрушенной немецкими фашистами.

народная речь. Позднее новгородская летопись вошла в состав грандиозных московских летописных сводов.

До 30-х годов XII в. Новгород продолжал числиться под властью киевских князей, которые управляли им через своих сыновей; однако уже в то время власть князя в Новгороде ограничивалась получением определённой дани, которую ему давали новгородские бояре. Пользуясь ослаблением власти киевских князей, новгородцы в 1136 г. подняли восстание. Кроме новгородских низов, использованных торжественно-ремесленной верхушкой и частью боярства, в восстании участвовали также псковичи и ладожане. Князь был смешён, и Новгород получил общественное устройство в форме боярской феодальной республики, где правили бояре и их ставленник — епископ. Эксплоатируя массы крестьян-смердов, ведя широкую торговлю, они находили средства, чтобы держать в руках органы власти в республике, включая и вече. Вече существовало в Новгороде уже в начале XI в. Созывал вече посадник из бояр, тысяцкий, иногда сам князь. Сроков созыва не было: по звуку колокола сходились все, кто считал себя новгородцем, иногда участвовали псковичи и ладожане. Власти ставили вопрос, а вече постановляло, избирало, решало споры. После событий 1136 г. роль вече возросла: оно избирало посадника, тысяцкого и даже архиепископа (с 1156 г.), который прежде назначался киевским митрополитом, а с этой поры лишь утверждался им. Формально вече имело верховную власть; однако на деле оно находилось в руках богатого боярства, хотя последнему не раз приходилось считаться с мнением вече, особенно в тех случаях, когда оно подкреплялось вооружёнными выступлениями городских «чёрных» людей.

Исполнительная власть, таким образом, принадлежала боярской верхушке (архиепископ, посадник, тысяцкий). Во главе исполнительной власти оказался новгородский архиепископ — богатейший землевладелец города, к которому перешли права, доходы и земельные владения киевского князя. В его ведение перешла также софийская казна, он ведал внешними сношениями Новгорода, он приобрёл право суда, наблюдения за торговыми мерами и т. п.

Однако установление республиканского строя не избавило новгородских бояр от необходимости приглашать в Новгород князей: Новгород был богат, и ему приходилось многократно отбивать нападения извне: в течение трёхсот лет, с середины XII до середины XV в., Новгород воевал 26 раз со Швецией, 11 раз с Ливонским орденом, 14 раз с Литвой и 5 раз с Норвегией. Новгородское боярство нуждалось в князе, способном привести опытное и сильное войско. Поэтому князья приглашались в Новгород вечем в качестве прежде всего военных руководителей. При вступлении в город князь должен был заключить с Новгородом «ряд» — договор, которым новгородское боярство оформляло защиту своих сословных прав; князь в знак нерушимости своего слова обязан был целовать крест на «грамотах новгородских»; князя лишили большинства доходов, прав, земельных владений, его ограничили в праве на охоту, в праве на суд, князя выселили из детинца за город — на Городище. Договоры специально запрещали князьям любым способом приобретать землю в Новгородской республике или принимать в зависимость (в «заклад») новгородских крестьян. «А закладников ти, княже, не принимати, [ни] твоей княгыни, ни твоим бояром; ни сел ти держати по Новгородской волости, ни твоей княгыни, ни бояром твоим, ни твоим дворянам; ни слобод ставити по новгородской волости» — таково одно из основных требований бояр к князю. Бояре запрещают закладничество, т. е. выход смердов-крестьян в княжеские земли; кроме того, в заклад шли и горожане средней руки (мелкое и среднее купечество — «купчина»), которые, оставаясь в новгородской области, в то же время «позоровали» князю — делались зависимыми от него: это также запрещалось.

Явление это было не единичным, и под власть князей в то время бежали, спасаясь, видимо, от более суровой боярской кабалы, холопы, должники, половники и другие обедневшие люди.

В случае нарушения этих условий князь изгонялся.

Бирюч,
созывающий на вече.

Однако, несмотря на все эти ограничения, князья соседних земель с охотой шли в Новгород, ибо это было хотя и опасно, но выгодно, потому что за военную охрану боярство выжимало из смердов и городского люда дополнительный доход князю: со всех новгородских волостей он получал определённый «дар»; кроме того, в Волоцкой земле он имел право держать своего чиновника — тиуна, ведавшего административно-хозяйственной жизнью, правда, не всей, а «на половине» волости; в Торжке с областью такой же княжеский тиун ведал уже не половиной, а лишь «частью» земли. Кроме того, князь имел право осуществлять суд в городе Русе — один раз в три года. Правда, это право не всегда оказывалось реальным, т. е. не всякому князю удавалось три года продержаться в Новгороде. Кое-где по новгородской волости княжеские суды также наезжали осуществлять суд. Кроме того, для князя открывались важные торговые пути, а в случае военной удачи — поступала часть добычи.

Стремясь занять зыбкий новгородский стол, смоленские, черниговские, владимиро-суздальские и даже далёкие волынские князья старались обзавестись сторонниками из числа новгородских бояр и купцов и постоянно враждовали друг с другом из-за влияния и власти в Новгороде. Среди новгородской знати в свою очередь возникали группировки, партии, связанные с тем или иным княжеством. Всё это осложняло и без того накалённую атмосферу классовой борьбы в Новгороде. Маркс сравнивал Новгород с Флоренцией, говоря, что в нём бушевала классовая борьба «между патрициями и плебеями».¹

Ни один князь не мог прочно утвердиться в Новгороде. Конфликты князей с боярством, неоднократные городские движения приводили к частым сменам князей. Только между 1215 и 1236 гг., т. е. за 21 год, князья в Новгороде сменились 13 раз, иные князья сидели в Новгороде по нескольку раз. Например, отец Александра Невского, князь Ярослав Всеволодович, четыре раза сидел на новгородском столе, пока в 1236 г. не покинул его окончательно, оставив в городе своего сына Александра.

В результате долгой и упорной борьбы за влияние в Новгороде наибольших успехов добились владимиро-суздальские князья. Эти «низовские» князья имели сильное средство давления на Новгород: они закрывали волжский торговый путь и прекращали подвоз продовольствия в город, используя при этом выступления «чёрных» новгородских людей против князя-соперника. Кроме того, владимиро-суздальские князья имели крупные военные силы, способные весьма быстро оказать помощь или создать угрозу Новгороду. Уже Юрий Долгорукий обзавёлся в Новгороде влиятельной группой своих сторонников из бояр; его сын Андрей Боголюбский искал Новгород «добром или ликом»; ту же политику продолжали Всеволод и особенно его сын

¹ К. Маркс, Секретная дипломатия XVIII века.

Ярослав. Александр Невский, как увидим, также много сделал для укрепления власти владимирских князей в Новгороде — «старейшей русской республике» (Маркс).

Боярство и купечество Новгородской феодальной республики, используя противоречия между владимиро-суздальскими князьями, с одной стороны, и вражду к ним князей смоленских — с другой, вели политику, наносившую ущерб мощи Руси. В начале XIII в. они добились в результате поражения, нанесённого владимирскому князю в 1216 г., в битве на Липице, серьёзного ослабления его влияния в Новгороде. Но после битвы на Калке (1223) владимирский князь, сохранивший своё войско, оказался в военном отношении наиболее сильным на Руси и способным надлежащим образом защитить северо-западные рубежи Великого Новгорода от внешних врагов. Новгородское боярство хотело использовать вооружённые силы владимирского князя, но в то же время любыми способами боролось с его попытками занять прочные позиции в экономике и политике республики.

В чём был корень разногласий новгородских бояр с владимирским великим князем?

Внутренняя политика владимирских великих князей была направлена на усиление великокняжеской власти как государственной; она была направлена на подчинение власти владимирского великого князя не только всех князей и феодалов Владимира-Суздальской Руси, но и вообще всей Руси, и в первую очередь крупнейшего торгового центра — Великого Новгорода и бывшей столицы — Киева; тем самым она была направлена на поддержание и развитие торгово-ремесленных отношений и экономических связей; она была направлена на укрепление государственного аппарата (суд, администрация, войско и т. п.), который бы обеспечил князю и всему классу феодалов удержание в узде феодально зависимых трудящихся масс и который бы охранял земли феодалов от покушений врагов извне.

Материальную основу этой политики обеспечивали феодально зависимые крестьяне и горожане, из среды которых «служащее» великому князю боярство и городская торгово-ремесленная верхушка комплектовали также и великокняжеское войско.

Понятно, что в таких условиях первостепенное значение в политической жизни получила земельная собственность, т. е. прежде всего земля, обрабатываемая крестьянами, особую важность приобретала борьба за эту землю и за крестьян.

Господствующее сословие в XIII в.— боярство — не только прочно обосновалось на народной земле, но и энергично продолжало захватывать крестьянские земли, объявляя их с утверждения князя своими вотчинами. Основой материальной жизни этих вотчин, в отличие от прежних, был уже не труд челяди, которая частично оставалась для работ на дому, частично была посажена на землю, а труд прежде свободного крестьянина-общинника.

Крестьяне продолжали вести собственное хозяйство, но над ними ещё в XI—XII вв. стоял облечённый различными льготами землевладелец, который в силу внеэкономического принуждения пользовался прибавочным трудом своих подданных. Он становился «государем» в своих владениях и зачастую переставал подчиняться власти великого князя.

Сами князья были весьма крупными землевладельцами, оставившими далеко позади первых киевских князей. Кое-что об этом

Кузница (миниатюра).

мы можем узнать из летописей. Например, владимирский князь Андрей Боголюбский сделал пожалование церкви Богородицы: «и дая и много имения и слободы купленыя и с даньми и села лепшая». По этому факту можно составить заключение о богатствах самого князя.

О том, как составлялись эти богатства, мы узнаём из летописи, характеризующей хозяйственную деятельность ростовского епископа Фёдора во второй половине XII в., который «у многих бо сущих под властью его села и дома отнимая, насилием и заточением»; другой церковный летописец поясняет, что особенно плох был этот епископ тем, что грабил «че токмо

простыцем (т. е. мирян), но мнихом, игуменом, иереем», т. е. своих же собратьев по сословию.

Духовные отцы древности, отлично понимая, что «княжение и мир не может без греха быти», захватывали чужую собственность, как могли. Например, киевский Печерский монастырь сумел захватить чужую церковь: «Печеряне переяша Церковь святого Дмитрия, со грехом и неправдою великою, и нарекоша ю святого Петра», т. е. обманом заняли чужую церковь (конечно, с землями) и поспешили её переименовать. Сведения о другом ростовском епископе Кирилле (начала XIII в.) говорят о том, что он был ещё богаче Фёдора: «богат зело кунами (деньгами) и села и всем товаром и книгами и просто речи тако бе богат, яко ни един тако прежде бывших епископов в Ростовьстей земли». Богатство его привлекло внимание владимирского князя Ярослава Всеволодовича, который сумел сделать так, что всё это имущество было секуляризировано в пользу княжеской власти: «и все богатство отъяся от него некакою тяжею, судившю Ярославлю тако». Лишённый собственности, епископ был пострижен в монахи.

Не приходится удивляться тому, что князья начинали друг с другом войны не то что из-за спорного города или слободы, а из-за погоста: так, в 1179 г. киевский князь Мстислав Ростиславич вместе с новгородцами предпринял поход на своего зятя полоцкого князя Всеслава по тому поводу, что «ходил бо бяше дед его (Всеслава) на Новгород», «и погост один завел за Полтеск».

Нетрудно поэтому понять, какие напряжённые отношения складывались между владимирским князем и крупнейшими землевладельцами — новгородскими боярами, которые правили в Новгородской республике и в то же время приглашали князя защищать её от внешних врагов. Князь изыскивал любые способы для захвата новгородских земель, даней, для сманивания из Новгорода купцов, горожан, крестьян, сплошь и рядом кое-чего в этой политике достигая. Боярство, в частности новгородское, дорого ценило населённые земли и тщательно их оберегало.

Новгородская знать в развитии своего политического могущества не знала тех сдерживающих препятствий, которыми в своих землях стремились ограничить местное крупное боярство галицко-волынские или владимиро-суздальские князья. У новгородских бояр с середины XII в. находилась вся полнота власти, ограничиваемая только время от времени проявлявшимися вспышками народного гнева. Настойчивые оговорки в договорах с князьями о неприятии закладников, о невыводе ими в свои земли людей, о запрещении приобретать землю и образовывать слободы в Новгородской республике жителям других княжеств, предупреждение о незаконности жалоб холопов на своих господ, требование возврата ушедших из Новгородской земли смердов и ремесленников — всё это являлось следствием значительного обострения

классовых и внутриклассовых противоречий в новгородско-псковском обществе XIII в.

Князья, стремясь прочнее обосноваться в Новгороде, должны были, охраняя интересы боярства, серьёзно считаться с соотношением классовых сил. Так, например, князь Михаил черниговский, приглашённый в Новгород в 1229 г., принял меры к тому, чтобы задержать отлив сельского населения из Новгородской

Жатва (миниатюра).

в другие земли. Освобождением на пятилетний срок от платежа податей он старался вернуть бежавших из новгородских пределов крестьян-смердов; и эту политику должны были ценить и бояре и широкие народные массы: «бысть легко по волости Новгороду», — заметил летописец. Но это были чрезвычайные меры, принимаемые под угрозой взрыва народного возмущения, восстания смердов и «чёрных» городских людей. А затем восстанавливалось прежнее положение. То же происходило и в новгородском пригороде — Пскове.

Но с другой стороны, используя затруднительное внешнеполитическое положение республики в XIII в., владимирские князья,

Народное восстание в Новгороде; восставшие сбрасывают бояр с моста в р. Волхов (миниатюра).

и в особенности Ярослав Всеволодович и Александр Невский, немало сделали для усиления княжеской власти в Новгороде, не раз нарушая условия договора с боярством.

Исходя из материала Новгородской летописи, можно видеть, что Ярослав Всеволодович, например, заняв в первый раз новгородский княжеский стол в 1215 г., ясно обнаружил свои цели. Он поставил в город своего наместника, ввёл свою дружины («дворяны»), лишил должности и арестовал новоторжского посадника, а сам, заняв Торжок и Волок, прервал новгородскую поволжскую торговлю и арестовал около двух тысяч знатных новгородцев. В Новгородской земле в этом году был неурожай, который, в сочетании с торговой блокадой, вызвал голод. Разумеется, бояре не голодали, но простой народ — «меньшии» люди, спасаясь от голодной смерти, — бежали в соседние русские земли: «а меньшии они разидашася, и иное померло голодом». Новгородскому боярству удалось использовать силу смоленских князей и нанести владимирским князьям серьёзное военное поражение в Липецкой битве 1216 г. Однако это не надолго ослабило стремления владимирских князей, которые, особенно после битвы

на Калке и ослабления других князей, с ростом военных затруднений новгородского правительства, вновь развернули борьбу за власть в Новгороде.

Особенно долго помнили новгородские бояре шестнадцатилетнее (1236—1252) княжение в Новгороде Александра Ярославича Невского. Из договоров, заключавшихся боярами с его преемниками, известно, что князь Александр отнимал у бояр земли — так он, вопреки договору, захватил у них пожни, «посуживал грамоты», т. е. выносил от своего имени судебные решения, выводя тем самым судимых лиц из-под судебной власти республики; пользуясь наличием княжеских тиунов — чиновников — в Торжке и Волоке, он переводил под свою опеку, под свою экономическую власть залогников в этих волостях. Кроме того, князь Александр прихватил у новгородских бояр богатую северную область Тре («Терскую сторону»), куда вместо боярских посыпал за дорогой меховой данью свои княжеские «ватаги» данчиков, а на Новгород возложил обязанность по всему «данничу пути», т. е. по пути следования данчиков, давать им «корму и подводы по пошлине с погостов»; вопреки договору, при нём проводилась покупка новгородских сёл.

Борясь с враждебной владимирским князьям партией новгородского боярства, князь Александр лишал своих противников политической власти, отнимая из их «держания» отдельные новгородские волости, и затем, также вопреки договору, сам раздавал эти волости своим сторонникам. И долго потом новгородские бояре делали попытки, приглашая в Новгород княжить потомков Александра Ярославича, восстановить свои права, требуя от приглашаемого: «А что, княже, брат твой Александр деял насилие на Новегороде, а того ся, княже, отступи». Об этом они вспоминали и через 70 лет, требуя: «А что будеть дед твой сильно деял... того ти не деяти». Но князья в поисках источников земель и средств не «отступали», а напротив, всё энергичнее вторгались в общественно-политическую жизнь боярской республики.

Это стало непременной частью программы «продолжателя» политики Александра Невского — его внука Ивана Калиты и преемников последнего на московском княжении.

Государственными интересами великокняжеской власти и интересами защиты независимости Руси от внешних врагов князь Александр руководствовался в решении отдельных вопросов новгородско-псковской политики. Об этом достаточно ярко свидетельствует случайно уцелевший документ, относящийся к судебной деятельности князя. В конце 30-х годов князь Александр совместно с псковским посадником Твердилом разбирал дело между крестьянами-общинниками, населявшими Рожицкий остров, у западного берега Псковского озера, и представителями Спасско-Мирожского монастыря, который захватил часть принадлежавшей крестьянам на побережье озера земли.

Князь, основываясь на представленной крестьянами «смердьей грамоте», решил дело в их пользу. Сделал он это, конечно, не потому, что чтил закон или любил крестьян больше, чем духовенство, а потому, что Псковское озеро было объектом неоднократных нападений западных соседей из-за рубежа, и князь понимал, что необходимо иметь здесь в приграничье резерв свободного крестьянства — наиболее боеспособного защитника русской земли. Как ниже увидим, князь Александр, высоко ценя и широко используя силы простого народа при защите русской земли от врагов, в то же время жестоко подавлял попытки народных масс выступить против своих классовых угнетателей.

Имеющийся материал позволяет утверждать, что противоречия между владимирскими князьями, с одной стороны, и Новгородской боярской республикой с псковским боярством, с другой стороны, вытекали из самого существа социально-экономического строя Руси и были одним из ярких проявлений борьбы нарождавшейся единой государственности с феодальной раздробленностью, которая мешала осуществлению политики объединения всех сил русского народа на борьбу с врагами, в XIII в. особенно усилившими напор на русские земли.

Глава вторая

РУСЬ И НАРОДЫ ПРИБАЛТИКИ

В торжение немецких крестоносцев в Восточную Прибалтику являлось лишь одним из этапов их пресловутого «натиска на Восток», т. е. захвата славянских земель немецкими светскими и духовными феодалами. В X—XII вв. немецкие феодалы организовали наступление на заэльбских славян, населявших южное побережье Балтийского моря между Эльбой (Лабой) и её притоком Салой, с одной стороны, и нижним течением Вислы и прилегающими островами — с другой. На юге земли заэльбских славян соприкасались с Чехией и Польшей.

Здесь жили сербы — лужичане (между рекой Салой и притоком Одера Бобром), ободриты и лютичи (севернее по Эльбе, а также между Эльбой и Одером) и поморяне (за Одером, до Вислы). Они знали хорошо развитое пашенное земледелие, разнообразное скотоводство, рыболовство, садоводство и виноделие. Немецкие церковные разведчики-миссионеры с восторгом писали о богатстве славянского края: «Вся страна,— сообщал один из них,— изобилует множеством дичи — оленей, диких быков и коней, медведей, вепрей, свиней и [иных] всяких зверей. [Там множество] масла от коров, молока от овец, жира от баранов и козлов, обилие мёда, пшеницы, конопли, всякого рода овоцей... и фруктовых деревьев».

У моря при больших заливах и на морских островах были расположены крупные торговые славянские города, такие, как

Волынь (Винета) на острове в устье Одера, Старград — у вагров, Микелин — у ободритов, Дымин и Велегош — у лютичей, Штеттин, Камина, Колобрг, Белград — в Поморье. Эти города вели значительную торговлю солью, хлебом, рыбой, невольниками. В Винету съезжались купцы из многих стран, в том числе из Руси и из Саксонии; колобргская соль вывозилась на Русь и в Польшу. В городах были развиты ремёсла по обработке дерева, кожи, металла. Русский автор «Повести временных лет» знал большинство западнославянских племён Прибалтики; он писал: «Словене же ови пришедше и седоша на Висле и прозвавшиеся Ляхове, а от тех Ляхов прозвавшиеся Поляне Ляхове (т. е. центральная Польша), друзии Лютице (Лютчи), инии Мазовшане, а инии Поморяне». Автор подчёркивает родство западных славян с восточными: «тако же и те же словене пришедше седоша по Днепру».

Но прибалтийские славянские племена не были едины, феодализм у них только зарождался, господствующая верхушка различных племён ещё не сложилась в единую феодализирующуюся группу и не создала большой хорошо вооружённой дружины для охраны отнятых у народа богатств и для захвата земель соседних государств. Немецкие же императоры, задавшись целью завоевать богатую Прибалтику, бросали в поход против отдельных племён крупные отряды феодальных рыцарей и добивались перевеса; так как славяне храбро защищались и немецкие войска терпели неоднократно поражения, то немецкие правители, кроме оружия, использовали взаимные несогласия славянских князей, широко применяли подкуп и обман славянской знати. Завоевание славянских земель сопровождалось невиданными жестокостями, это были воины, «...ставившие своей целью полное истребление...»¹ Заливая кровью славянские земли, немецкие феодалы продвинулись к Висле, где столкнулись с Поморским польским княжеством.

В конце XII в. немецкие правители, не оставив своей цели овладеть землями между Вислой и Неманом, в то же время решили создать второй очаг наступления на Двине для захвата прибалтийских земель до р. Наровы и коренных русских земель к востоку от неё, а также и для подчинения земель к западу от неё — до Немана. Немецкие правители хорошо знали политическое и экономическое положение языческих земель Подвилья, так как немецкие купцы и католические миссионеры папской курии достаточно изучили этот край в течение XII в.

Юго-восточное побережье Балтийского моря от Нижней Вислы до Финского залива издавна было заселено литовскими (prusсы, жмудь и др.) и иными племенами (ливов, лэттов, эстов).

Земли восточнобалтийских народов были не менее богаты, чем земли западных поморских славян. Здесь тоже было разви-

тое пашёное земледелие; основными орудиями труда были соха и лёгкий плуг, а также борона, серп, коса, топор; в качестве рабочего скота использовались конь и вол; здесь сеяли овес, рожь, пшеницу, ячмень, горох. Имелось молочное скотоводство; кураны даже вывозили овец. Были развиты некоторые ремёсла, например кожевенное, а также производство ткани и пряжи нескольких сортов; например, у пруссов «женщины и мужчины имели обыкновение ткать одни полотняные, другие — шерстяные [ткани]».

Эти народы вели торговлю, особенно по морю; судостроение было у пруссов и семигаллов, но особенно внушительный флот был у эзельцев и куронов, которые выводили в море до трёхсот судов.

Уровень общественного развития этих народов не был одинаков, но все они уже вышли из первобытно-общинной организации общества, знали частную собственность на землю. Из среды общинников выделилась знать, которая хотя и имела земельные владения, но жила ещё в основном сбором дани с подвластного населения и добычей от войн с соседями. Для защиты своих богатств от ограбленного крестьянства и от внешних врагов знать образовывала военные дружины, которые группировались вокруг сильнейших князей. У отдельных князей, владевших сёлами, замками, стадами скота, запасами ценностей, дружины достигали тысячи воинов.

К началу XIII в. верховная власть формально продолжала числиться за народным собранием бывших племенных территорий, но фактически находилась в руках советов старейшин, т. е. знати. Отношения между отдельными князьями и этими советами местной знати не отличались прочностью; лишь общность религиозных языческих верований и наличие сильного и богатого жречества связывала их.

У ливов, лэттов, эстов ещё не сложились условия для национального объединения княжеских, дружинных и общинных земель под властью сильнейшего из князей. Но в Литве эти условия уже имелись: страной управляла группа князей во главе со «старейшими», более сильными. С нарастанием внешней крестоносной угрозы после продолжительных междуусобных войн в Литве установилось единовластие в форме раннефеодальной монархии с великим князем во главе.

Исторические судьбы Руси издавна связаны с судьбами народов Восточной Прибалтики и Литвы. Уже в договоре киевского князя Игоря с Византией (944) при перечислении представителей Киевского государства от его «внешних» владений (так называемые «общини сли») упомянуты наряду с другими Альфастов Либи (т. е. из области ливов), Пётр Ямндров (т. е. из области финнов — еми), а также ятвяг Гунарев (Ноунарев), т. е. киевский друдинник, наместник из области Нарева (приток Западного Буга близ впадения его в Вислу).

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 444.

Автор Киевского летописного свода, так называемой «Повести временных лет» (начало XII в.), знал, что отношения Руси с прибалтийскими народами возникли давно и, видимо, продолжали существовать в его время. В «Повести временных лет» сказано: «А се суть инии языце, иже дань дают Руси: Чудь (т. е. эсты), ям (т. е. финны), литва (т. е. аукстоте), Зимегола (т. е. Семигалия), Корсь (литовское племя на Нижнем Немане), Нерома (литовское племя жмудь), Либь (т. е. Ливы)». Что касается литовских земель, то бесспорно, что подчинение Руси ятвяжских племен было закреплено при Владимире I; археологи говорят о наличии существенных славянских элементов и на восточном берегу реки Неман, к северу до реки Невяжи (например, в раскопках Кривого города, предполагаемой столицы кривичей, в Вильно).

К сожалению, наши летописи сохранили лишь отрывочные известия о русско-литовских отношениях времён Киевского государства, что объясняется отчасти общей тенденцией летописания того времени, скучно освещавшего отношения Руси с «неправославным» Западом. Однако, что Киевское государство внимательно относилось к западным территориям, видно из упоминаний о походах киевских князей: в Судавию (на ятвягов) — 983, 1038, 1112 гг., в собственно Литву — 1040, 1044, 1132 гг., в Семигалию — 1106 г. Былины помнят это время. Илья Муромец с гордостью говорит:

«Жил я во хороброй Литве,
По три году пору времени
Выхаживал выходы от князя Владимира».

За времена от распада Киевского государства и до оформления Владимира-Суздальской и Галицко-Волынской Руси граница русских владений отодвинулась с Немана к востоку на Двину. На землях между Неманом и Двиной стало заметно расширять свои границы раннефеодальное Литовское государство. Охватив земли по нижнему течению Немана, оно включило славянские территории, лежащие по его верховьям, и продвигалось далее на восток к Полоцку, Смоленску и Витебску.

Если во второй половине XII в. ещё встречались факты использования литовских войск полоцкими и смоленскими князьями в феодальных войнах на Руси, то ближе к XIII в. такие факты исчезают. «Слово о полку Игореве» отметило утрату русскими князьями былых позиций в Литве.

И Двина болотом течет оным грозным Полочаном
Под кликом поганых,
Един же Изяслав, сын Васильков, позвони своими
Острыми мечи о шеломы Литовьскыя,
Притрепа славу деду своему Всеславу,
И сам под чръвлеными щиты на кроваве траве
Притрепан Литовскими мечи.

XIII в. стал переломным в истории литовского народа. Именно в это время определилось место литовского народа в последующей истории, наметилась основная его территория, сплотились силы его — «приумножиша языка литовского». С начала века литовский народ вступил в борьбу с немецкими крестоносцами, грозившими ему порабощением. Победы, одержанные в XIII в. русскими войсками над феодальными захватчиками, сыграли решающую роль в борьбе великого княжества Литовского за независимость.

Несколько иначе сложились отношения Руси с другими народами восточной Прибалтики — эстами, ливами, лэттами. Киевские князья освоили эти земли прочнее, чем земли литовские. Летописи свидетельствуют, что киевские князья в прибалтийских владениях строили русские крепости, устраивали погосты, насление облагали регулярной податью.

Отношения с эстами установились весьма давно. Из летописи мы узнаём, что эсты — чудь — признавали власть уже первых русских князей и в качестве подданных принимали участие в их военных мероприятиях, например, в походах Олега на Киев (882) и в Византию (907); имена эстских дружиинников встречаются в перечне «общих послов» при заключении договора 944 г. Игоря с Византией («Искусеви» — дружиинник княгини Ольги, «Куницар» из Переяслава). Чудь участвовала в походе Владимира I на Полоцк (980).

Князь Владимир, видимо, сумел использовать в своих интересах знатную верхушку чуди — эстов; в частности, сооружая в 991 г. укреплённую линию городов по рекам Десне, Суле, Стугне и др., князь для поселения на ней «нача нарубати мужи лутши», с подвластных Киеву земель, в том числе «и от Чуди». И позднее при киевских князьях служили дружиинники — выходцы из Чуди. Таков был Микула Чудин, современник сыновей Ярослава Мудрого, при которых он жил в Киеве в своём «дворе», «держал» Вышгород и был участником съезда трёх Ярославичей, где составлялся древнерусский феодальный законодательный сборник «Правда Ярославичей». Брат Микулы — Туки — был в составе дружины князя Изяслава в дни киевского восстания 1068 г., а позднее (в 1078 г.) погиб, сражаясь как дружиинник князя Всеволода.

Власть над землёю эстов киевские князья поддерживали оружием. Летописи свидетельствуют о походах киевских и подвластных им князей на землю эстов — чуди. В 1030 г. такой поход организовал князь Ярослав Мудрый, который тогда же основал город Юрьев (Дерпт, ныне Тарту) на месте эстонского укрепления, носившего имя бога Тора. Новый город стал главным центром господства киевских князей в земле эстов; там находился русский гарнизон и жили дружиинники, имевшие «сёла о Юрьеве»; в 1060 г. Изяслав Ярославич подчинил эстонскую область Саккала («Сосолы»), наложил на неё определённую дань

Георгиевский собор Юрьева монастыря в Новгороде,
1119 г.

в 2 тысячи гривен, взял заложников и оставил русских данщиков. Попытка эстов оказать сопротивление, выразившаяся в нападении на Юрьев и Псков, была подавлена. В начале XII в. киевские князья совместно с новгородскими войсками провели ряд походов на отдельные чудские области. В 1117 г. русские войска заняли город эстов Оденпэ (Медвежья голова) «и погост бенцисла взяша и возвратиша во свояси со многом полоном». В 1131 г. поход на Чудь организовал князь Всеволод Мстиславич; «и взяша и возложиша на не дань» — записано по этому поводу в киевской летописи, а в Новгородской уточнено: «самих изсече, а хоромы пожъже, а жены и дети приведе домов», в 1133 г. — тот же князь вернул занятый было эстами город Юрьев.

В 30-х годах XII в., после разрыва новгородского боярского правительства с Киевом, отношения с землёй эстов перешли

целиком в руки новгородского боярства. Последнее укрепило аппарат своей власти в земле эстов; кроме гарнизонов в городах и погостах, там имелись и другие атрибуты русской феодальной государственности, ибо туда ссылали политических деятелей, не угодных новгородскому боярству. Например, в 1141 г. новгородские власти «заточиша Якуна в Чудь с братом, окованше руце к шеи». В Новгороде появились значительные группы господствующего класса, заинтересованные в доходах с Чуди, о чём свидетельствует упоминаемая в летописи под 1176 г. Чудинцева улица в городе.

Развитие феодальной экономики в Новгородской республике приводило к усилению эксплуатации земли эстов, вызывая ответное сопротивление, порой довольно значительное. Так, в 1176 г. «Чудска земля» напала на Псков, но была отбита. Но движение в земле эстов было, видимо, значительно шире этого эпизода, ибо новгородские бояре пригласили себе на помощь киевского князя Мстислава Ростиславича. Выступая на вече, князь признал, что «се обидять нас поганыя» (т. е. язычники). По данным киевской летописи, ему пришлось двинуть в поход 20-тысячное войско. В результате похода князь «пожъже всю землю их, а сами эсты. — В. П.) отбегоша к морю, но и ту их досыта паде».

Ещё одно столкновение с поморскими эстами имело место в 1190 г. уже в связи с началом немецкого вторжения в восточную Прибалтику. В 1188 г. произошли какие-то осложнения в новгородской торговле с немецкими городами, что, быть может, связано с разорением карелами в 1187 г. шведского города Сигтуны и последующим нападением шведов, немцев и готландцев на русские владения в земле эстов. Из хроники Генриха мы узнаём, что в 1188 г. немецкие и шведские феодалы на судах «пристиали в Виронии, эстонской области, и в течение трёх дней разоряли её».

В том же году немецкие и шведские власти арестовали новгородских купцов («рубоща», т. е. посадили в «поруб», в тюрьму) на Готланде, в Нючепинге («Новоторжец») и Горсхэлле («Хоружск»). Тогда, в ответ, новгородское правительство весной «не пустиша из Новгорода своих [купцов] ни одного мужа за море», а «варягов» «пустиша... без мира» и даже не дало им «съла» (т. е. посла для урегулирования конфликта). Таким образом, новгородские власти закрыли свою гавань для судов под чёрным вымпелом с белым крестом, закрыли они и сухопутную торговлю.

Немцы не замедлили предложить мирное урегулирование конфликта; так возник русско-немецкий предварительный договор 1189 г., повидимому, основанный на прежних русско-немецких договорах. Он содержит намёки на причину прошедшего конфликта: «Оже убьют таль (заложники) или поп новгородское или немецкое Новегороде, то [платить] 20 гривен серебра за голову». В договоре есть ещё статья, подходящая к данному

столкновению: «оже родится тяжа в Немцах новгородцю, либо немчину Новегороде, то рубежа не творити (т. е. не прерывать торговли), на другое лето жаловати». Но основным пунктом договора новгородцы выставили следующее: «Первое. Ходити новгородцю послу и всячому новгородцю в мир в Немечьску землю и на Гоцк берег (т. е. на о. Готланд); также ходити немечем и готянам в Новгород без пакости, не обидим никым же».

Начавшееся вторжение немецких захватчиков замедлило оформление этого договора, но торговая блокада, объявленная Новгородом, побудила немецких купцов ускорить возобновление торговых отношений, и в 1201 г. «на осень придоша варязи горю (т. е. сущей) на мир», и новгородцы «даша им мир на всей воли своей», вероятно, на основе предварительных условий 1189 г.

Можно думать, что, воспользовавшись именно этими событиями, «поморская Чудь» на 7 шнеках (судах) прошла в 1190 г. через пороги («оболочилися») во Псковское озеро, где была разбита псковичами. Однако и на этот раз движение эстов было, повидимому, шире, чем о нём сообщают летописные данные, ибо зимой 1191 г. князь Ярослав Владимирович предпринял специальный поход на Чудь с новгородскими, псковскими войсками «и с оболостью своею», вернул занятый эстами город Юрьев «и пожъгоша землю их, и полона бещисла приведоша»; в следующем 1192 г. небольшое новгородское войско, княжеский «двор» и псковичи предприняли ещё один поход, во время которого вновь заняли и сожгли город Оденпэ.

Итак, земля эстов находилась под властью киевских князей, а позднее, с 30-х годов XII в., под властью новгородского боярства; в земле эстов имелись русские укрепления, были устроены погосты (эстонские «Vakk») и собиралась регулярная подать; наиболее прочно были включены под контроль новгородского боярства чудские земли между реками Невой и Нарвой. Попытки эстов выйти из подчинения русским властям подавлялись оружием. Однако русские власти не проводили насильтвенной христианизации эстов, они не организовали сколько-нибудь широкого отчуждения в свою пользу земель эстов, они не меняли в этой земле общественных отношений. В то же время экономические связи с феодально развитой Русью способствовали развитию элементов эстской культуры; русское влияние нашло своё отражение, например, в эстском словаре. Оно видно в таких словах, как *turg* (торг, рынок), *vara* (товар), *määr* (мера), *sool* (солы), *put* (пуд), *rubl* (рубль), *teng* (деньга) и др.

Вторжение немецких крестоносцев, захват ими лучших эстских земель, превращение эстонского крестьянства в феодально зависимое от немецких светских и духовных феодалов, массовое истребление населения во время следовавших один за другим походов — всё это привело, наконец, к повсеместному восстанию эстов, которые сами стали искать помощи у Руси. Героическая борьба с немецкими крестоносцами в XIII в.— тяжёлая, но

славная страница в истории эстонского народа, который заставил немецких колонизаторов дорого заплатить за захват эстонской земли.

Отношения Руси с ливами и лэттами значительно слабее освещены в наших летописях, хотя они были не менее (если не более) тесными. Выше мы отмечали, что в договоре 944 г. упомянут киевский дружинник из «Либи», т. е. области ливов, а также, что киевский автор начала XII в. среди народов, платящих дань киевским князьям, упомянул и «Либы» (т. е. ливов). Эти упоминания, конечно, не случайны. Однако, поскольку эти земли находились в некоторой их части под управлением полоцких князей, а полоцкие летописи погибли, то скудость наших сведений о русско-ливских и русско-лэттских отношениях вполне объяснима.

Полоцкие князья явились преемниками власти князей киевских над землёй ливов. Об этом свидетельствует и хронист Арнольд Любекский: «Король Русии из Полоцка,— писал он,— имел обыкновение время от времени собирать дань с этих ливов». Местные князья использовали ливские вооружённые силы во время феодальных войн. Киевская летопись под 1180 г. отмечает, что «Либы» участвовала в походе вместе с «полочаны». Этот факт не случаен, ибо через четыре года, в 1184 г., агент папской курии монах Мейнард именно у полоцкого князя Владимира, «которому ливы, ещё язычники, платили дань», испрашивал разрешение на ведение проповеди в их земле. Даже папская курия, и в частности папа Климент III, в своей булле (послании) от 1188 г. признавала, что епископство Икскульское на Двине основано «в Русии». Немецкая рифмованная хроника прямо утверждает, что земли ливов, лэттов и зелов принадлежали Руси. Это и понятно, ибо издавна бассейн Двины от семигалльской гавани — устья реки Семигалльской Аа — до узов (место причала и выгрузки судов) в Полоцке и Витебске находился под контролем Руси.

Это обстоятельство должны были признать на первых порах и немецкие крестоносцы; так, одним из условий мирного договора 1210 г. Риги с полоцким князем было то, что «королю (полоцкому) ежегодно платилась должна дань ливами или за них епископом рижским».

Таким образом, разнообразные источники свидетельствуют о власти русских, вначале киевских, а затем полоцких князей, над землёй ливов, расположенной в низовьях Двины и к северу от неё, вдоль побережья до границ земли эстов. Немецкие феодалы своим вторжением прервали эти давние русско-ливские отношения, превратив землю ливов в ядро немецкой феодальной колонии.

Несколько иной оказалась судьба отношений Руси с лэттами. Киевский книжник начала XII в. упоминает в числе народов, платящих дань Руси, «Зимеголу», т. е. семигаллов. Земля семи-

галлов, составляя западную часть земли лэттов, лежала к западу от Двины, южнее земли ливов. Расположенная вдоль Двины, эта земля, конечно, находилась в определённых отношениях с Русью, но, кроме приведённого известия, источники сохранили об этих отношениях только один факт, а именно, что в 1106 г. «победиша Зимегола Всеславич и всю братию и дружины у них убираша 9 тысящ». Из этого факта можно сделать вывод, что охрана подвинского торгового пути от семигаллов была делом для русских князей нелёгким.

Гораздо больше известно нам об отношениях Руси с основной частью земли лэттов — с Лотыголой (Лэттигалией), расположенной главным образом к северо-востоку от Двины, и граничившей на севере с землёй эстов, а на северо-востоке — с Русью. В южной Лэттигалии к началу XIII в. находились две крупные русские крепости. Одна из них называлась — Куконос, т. е. «мыс (нос) Коконы» — реки на Двине.

Здесь в начале XIII в. княжил Вячеслав (Вячко), охранявший двинский путь и державший под своим влиянием часть земли лэттов и землю селонов, с которых он собирал дань. Значительно выше по Двине был расположен другой русский замок — Герцикэ; это был крупный город, в котором было несколько церквей. К городу прилегала обширная область, с ним был связан ряд замков — Дубен, Лепенэ, Гердинэ, Беберинэ и др. В Герцикэ княжил Всеволод.

Оба русских князя зависели от Полоцка. Из этих двух центров полоцкая власть осуществляла управление и сбор дани в южной Лэттигалии.

Что касается северной части Лэттигалии, области Толовы, лежавшей у границ земли эстов, то ею управляли и собирали ежегодную дань власти города Пскова. Часть северной Лэттигалии в районе Адзеле (русская «Очела») находилась под управлением Новгорода. Власть Новгорода в Лэттигалии поддерживалась военными походами; таков был поход из города Луки воеводы Нездила Пехчинича, предпринятый им в 1200 г., когда он с малой дружиной прибыл в Лотыголу «и засташа я [их] в одринах (амбарах?) и убираша и 40 муж, а жены их и дети поимаша».

После вторжения в восточную Прибалтику крестоносцы стремились захватить и Лэттигалию. Воспользовавшись изменой части псковского боярства, порвавшего с общерусской политической владимиро-суздальских князей, немцы вступили с боярами в соглашение. Псковские бояре «подвели» под немецкую власть в 1228 г. земли эстов, лэттов и ливов. Разумеется, новгородское правительство не одобрило этой сделки. После Ледового побоища 1242 г. оно заставило немцев по договору 1243 г. признать, что Лотыголу немцы «зашли мечем», и принудило крестоносцев очистить её и возвратить, но, вероятно, уже не только псковским боярам, а и новгородским.

Церковь Иоанна Предтечи Ивановского монастыря в Пскове
(постройки 1240 г.)

Новгород контролировал и Финский залив, ибо до начала XIII в. он занимал господствующее положение не только на территории эстов, но также и в землях еми и карелов.

Племя емь занимало основную часть территории нынешней Финляндии, побережье Финского залива от района нынешнего города Хельсинки до реки Кюммене и большую часть внутренней территории страны. Емь — это главное племя, то основное ядро, из которого образовался финский народ. Второе племя — карелы — населяло Карельский перешеек и земли, простиравшиеся далее на север и северо-восток. Лишь третье сравнительно небольшое племя сумь, занимавшее юго-западное побережье Финляндии от полуострова Ханко до р. Кумо, не было подчинено Новгороду.

Зависимость еми от Руси установилась ещё при первых киевских князьях: в договоре Игоря с Византией 944 г. с русской стороны упомянут Пётр Ямнов, т. е. дружинык, державший землю еми; в «Повести временных лет» начала XII в., среди народов, платящих дань Руси, также упомянута емь.

И позднее киевские князья поддерживали свою власть над ней; так, в 1042 г. князь Владимир Ярославич предпринял поход на емь «и победи я»; но дорога в страну еми была трудна, и киевляне потеряли много коней; в 1123 г. поход провёл с новгородцами Всеволод Мстиславич, он тоже «победи я», но и в этот раз летописец отметил, что «лют бяше путь» и, в частности, войску нехватало хлеба.

В половине XII в. управление землёй еми перешло к новгородскому боярству, которое поддерживало свою власть вооружённой рукой, используя сплошь и рядом для удержания еми в повиновении силы карел. Новгородское владычество над емью не сопровождалось ни постоянным занятием подвластной территории войсками, ни массовой колонизацией её русскими переселенцами-феодалами, ни насильтвенной христианизацией местного населения. Новгородские данщики издавна собирали с еми «оброки и дани», что предполагает существование здесь известной администрации и погостов. Сбор дани, в частности «скорою» (т. е. мехом), ещё в первой половине XII в. носил регулярный характер. Новгородское боярство, видимо, и в финских землях, как и в прибалтийских, заменило «полюдье», т. е. поездки для сбора дани, правильным сбором дани («оброком») посредством доставки её в определённые для этого места («погосты»), где дань принимали представители новгородских властей. Не случайно финский язык усвоил из древнерусского языка слово «оброк» («аргакка»). Языковеды установили, что свыше 200 слов заимствовано финнами из древнерусского языка, причём слова, связанные с земледелием и бытом, например, «серп», «коса», а также «грамота», «сани», «ковш», «чарка» и др.

К началу XIII в. часть местной социальной верхушки, несомненно, владевшая пахотной землёй, была связана с новгородским боярством и, приняв православие, даже вошла в его состав.

Значительно прочнее были отношения Новгородской республики с землёй карел, особенно с наиболее развитой частью Карельского перешейка и северо-западным Приладожьем, которые входили в состав Новгородской республики. Там имелись значительные новгородские опорные пункты: Олонец, Карельский город (будущий Кексгольм) и др., где управление также проводилось через погосты, о чём свидетельствует Устав Святослава (1137). Карелы, как отмечалось, неоднократно участвовали в русских походах на емь.

Шведское правительство, имея целью овладеть землёй финских племён и заливом, проводило пиратские действия на воде и вторжения с суши. Так, в 1142 г. шведский князь и епископ

на 60 судах (шнеках) напали на три новгородских торговых корабля; нападение было неудачно, новгородцы «отлучиша их 3 лодье» и «избиша их полутораста». Несколько позднее шведские феодалы начали вторжение в землю финнов. В 1157 г. с благословения папской курии король Эрик Евардсон («святой») организовал свой «крестовый поход». Уже этот первый поход ясно обнаружил, что несли шведские «крестоносцы» покоряемой стране.

Переправившись через Ботнический залив, шведы высадились на берег в устье реки Аурапоки в земле народа сумь в районе нынешнего Або. Выйдя на берег, король предложил финнам креститься. Встретив отказ, закованные в железо шведские феодалы принялись истреблять беззащитное население. Вскоре шведы покорили всю землю суми, построили замки и укрепления, в которых поставили гарнизоны, в том числе крупный замок Або, ставший центром шведского владычества в Финской земле. Шведские духовные и светские феодалы захватывали лучшие земли, заставляя финнов их обрабатывать, кроме того, на финнов пали различные поборы и церковная десятина, ради которой проводилась насильтвенная христианизация. Финны отвечали восстаниями и уничтожали своих угнетателей; так, ими был в 1158 г. убит епископ Генрих, глава шведской церкви, родом англичанин; следующих двух епископов постигла та же участь, что даже дало повод папе Иннокентию III горько сострить, что епископы в страну финнов посылаются «не столько для почётной кафедры, сколько для мученического венца». Понятно, что шведские феодалы могли удерживать власть над сумью, только получая недорывную помощь из Швеции через залив.

Одновременно шведские крестоносцы стремились расширить завоёванную территорию и, в частности, завладеть Ладогой, которая в то время являлась единственной русской крепостью, прикрывавшей с севера подступы к Новгороду, и одновременно служившей базой новгородского господства в Карельской и Ижорской землях. В 1164 г. шведы внезапно на 55 шнеках появились перед Ладогой и, высадившись, стали разорять ладожский посад. Считая по 50 человек на шнеку, их было около 2 750 человек.

Ладожане, во главе с посадником Нежатою, укрылись в крепости, а в Новгород отправили гонца. Шведы четыре дня безуспешно штурмовали крепость, а на пятый, понеся большие потери, отступили на реку Воронай. Подошедшее новгородское войско, предводимое князем Святославом Ростиславичем и посадником Захарием, 28 мая того же года разбило шведов наголову, уничтожив 43 шнеки. Остатки шведских войск бежали на 12 оставшихся судах.

В 1178 г. произошло большое нападение карел на шведскую колонию в юго-западной Финляндии. Шведское правительство воспользовалось этим и в 1185 г. при содействии папы Александра III организовало новый крестовый поход на земли эстов,

Башня в Старой Ладоге.

финнов и карел. Тогда в 1187 г. состоялся ответный поход подчинённых Руси карел на Сигтуну — самый сильный и богатый город Швеции, «в котором одновременно правили 4 бургомистра и обойти который по валам можно было не менее чем в 6 часов». Русские и карелы хорошо знали путь в этот город; здесь находился русский торговый двор с каменной церковью.

Карельские войска проникли до озера Мелар, и укреплённый город был ими занят и разрушен. Глава шведских католических церковников, архиепископ упсальский Иоанн, был убит, а его замок Альмарстен, стоявший вблизи города, разорён.

Уничтожение Сигтуны было одним из крупнейших событий истории северной Европы в XII в. Победители с большими трофеями (включавшими, повидимому, и знаменитые «Сигтунские врата»), возвратились на родину. Сигтуна с той поры утратила былое значение. Позднее, в 1252 г., ярл (князь) Биргер, с целью загородить вход в озеро Мерлар, построил новый город Стокгольм, к которому и перешло значение Сигтуны.

Но и после этого печального урока шведские феодалы продолжали нарушать интересы новгородского правительства в земле финнов, следствием чего были русские походы на шведские феодальные колонии на территории суми. Например, в 1198 г. новгородское войско прошло огнём и мечом по шведским опорным пунктам в земле суми; оно осадило, заняло и сожгло замок Або, весь гарнизон вместе с епископом Фолквином был истреблён. Но русский отряд тогда не смог удержать столь отдалённую территорию и возвратился в Новгород; шведские же феодалы вновь завладели этой землёй.

В начале XIII в., пользуясь неустойчивым политическим положением в Новгороде, его занятостью в обороне западных владений, шведские феодалы развернули наступление на землю еми. Это не замедлило отозваться на новгородско-емьских отношениях, свидетельством чего является поход князя Ярослава Все-володовича с новгородцами на емь в 1227 г., когда он «повоева всю землю, и полон приведе бещисла». Владимирская летопись по этому поводу говорит: «ведый множество полона, якож сушии с ним не возмогша всего полона отнести, но овых сечаху,

Развалины шведского города Сигтуны, разрушенного карелами в 1187 г.

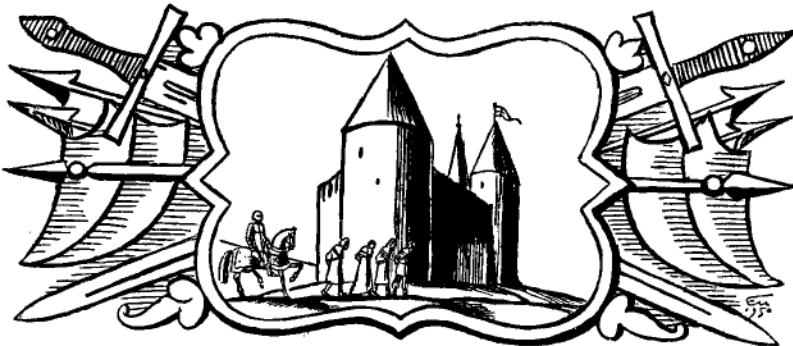
а иных множество пушахуть опять в свояси». В том же году, в противовес шведскому крестоносному движению (подобно тому, как это делалось в земле эстов и лэттов), Ярослав Все-володович «послав, креши множество корел, мало не все люди».

Таким образом, наши источники обнаруживают глубокую давность отношений Руси с народами восточной Прибалтики, в начале (до XII в.) с Киевским государством, а после его распада — с крупнейшими феодальными центрами северо-западной Руси — Новгородом, Псковом, Полоцком, Смоленском.

Характерным для русской власти в землях этих народов, несмотря на некоторые местные различия, было фактическое сохранение раннефеодальных форм их подчинения: повсеместно был установлен правильный сбор подати («оброк»), посредством доставки её («повоз») в определённые для этого места («погосты»). Здесь дань принимали местные власти и под контролем русских чиновников доставляли в основные центры русского управления, такие, как Юрьев, Куконос, Герцик, Олонец и др. Русское господство в Прибалтике не сопровождалось ни постоянным занятием подвластной территории войсками, ни массовой колонизацией её русскими переселенцами-феодалами, ни целенаправленным насильтвенным уничтожением местного язычества и заменой его феодальной христианской религией.

В то же время тесные связи с Русью способствовали распространению в этих землях феодальной культуры и ускоряли формирование новых социально-экономических отношений.

Таковы были отношения Руси с Литвой, эстами, ливами, лёттами, карелами и финнами на рубеже XIII в., когда территория восточной Прибалтики стала объектом немецкой католической крестоносной агрессии.

Глава третья

ВТОРЖЕНИЕ НЕМЕЦКИХ КРЕСТОНОСЦЕВ В ВОСТОЧНУЮ ПРИБАЛТИКУ

Немецкие купцы, часто посещавшие Двину ещё в XII в. в её низовьях, в земле ливов (по имени которых всю территорию, простиравшуюся до Эстонии, немцы потом стали называть Ливонией) основали торговые фактории и, «сблизившись с ливами, часто ходили в Ливонию на судне по реке Двине». Но это было спорадическое, неустойчивое проникновение, тогда как политические цели германских императоров и папской курии требовали создания здесь постоянных феодальных колоний, опираясь на которые, можно было бы контролировать Балтийское море, оказывать давление на Швецию, Норвегию и Польшу, а главное — иметь базу для решительного наступления на Русь с целью обеспечения новыми землями алчных германских феодалов и уничтожения основного источника антикатолической «схизмы». Таким образом, в наступлении на восток интересы германских императоров и папской курии целиком совпадали.

Предварительная разведка была возложена на монахов-миссионеров. Гартвик II, архиепископ города Бремена, заинтересованного в восточно-балтийской торговле, направил в землю ливов августинского монаха Мейнарда. Прибыв в 1184 г. вместе с немецкими купцами в устье Двины, он обосновался в их стоянке у селения Икескола. Хотя католические проповеди этого

монаха не имели успеха у местного населения (ливов), архиепископ Гартвик поспешил учредить новое ливонское епископство, а Мейнарда поставить во главе его. Однако дело христианизации продвигалось крайне тяжко. Ливы едва не принесли в жертву своим богам помощника Мейнарда — Теодориха — и не отпускали из своей земли самого Мейнарда, справедливо опасаясь, «что потом придёт христианское войско».

Предприимчивый монах сумел, однако, послать извещение папской курии, и папа Целестин III провозгласил крестовый поход для насильственного обращения ливов в христианство, для ограбления и захвата их земель; при этом папа дал отпущение грехов «всем тем, кто, приняв крест, поедут для восстановления первой церкви в Ливонии».

Крестовый поход состоялся уже после смерти Мейнарда, при его преемнике Бертольде, которого ливы успели уже изгнать из своей земли. Зимой 1198 г. Бертольд с немецким войском высадился на Двине в районе селений Икескола и Гольмэ; местные ливы оказали вооружённое сопротивление пришельцам, был убит и Бертольд; однако, огнём и мечом опустошая поля ливов, крестоносцы принудили их к миру; ливы обещали креститься, оставить у себя монахов и выделить им содержание — меру зерна с плуга (т. е. с участка земли, вспахиваемого одним плугом). Но по уходе немецких войск ливы отвергли условия насильственного мира и изгнали монахов.

Между тем бывший бременский каноник Альберт, назначенный новым ливонским епископом, подготавливал окончательный захват Подвина, предполагая создать здесь сильное церковное княжество, вроде тогдашних прирейнских архиепископств (Майнцское, Кёльнское, Трирское) в Германии. Заручившись поддержкой папы Иннокентия III, германского короля Филиппа Швабского и датского короля Канута VI, новый епископ с крестоносцами из немецких феодалов и купцов на 23 кораблях ворвался в 1200 г. в Двину. Разбив отряды ливов и разорив семигалльскую гавань, крестоносцы основали на Двине крепость Ригу (1201) с самостоятельной гаванью, поставив, таким образом, под свой контроль морскую торговлю подвинских земель.

Епископ Альберт принимал меры, чтобы привлечь на свою сторону часть местной ливской и куронской знати, заключая с ней соглашения или забирая у неё заложников. Чтобы иметь постоянную военную силу, был учреждён в 1202 г. орден рыцарей-меченосцев, которым был дан устав тамплиеров. Меченосцы носили на белом плаще изображение красного меча и креста и подчинялись епископу, у которого добились (в 1207 г.) согласия на уступку им одной трети всех завоёванных земель. По уставу ордена, каждый рыцарь должен был давать четыре обета: послушания, целомудрия, бедности и постоянной борьбы с противниками католичества. Из всех этих обетов крестоносцы более или менее сносно выполняли только последний.

Члены ордена делились на три разряда: 1) «братьев-рыцарей», главным занятием которых была война; 2) «братьев-священников», составлявших духовенство ордена, и 3) «служащих-братьев», выполнявших обязанности оруженосцев, ремесленников и др. Во главе ордена стоял магистр, избираемый орденом из числа сочленов. При магистре состоял совет из знатнейших рыцарей, совместно с которыми решались важнейшие вопросы жизни ордена. В провинциальных замках, которые возводились на захваченных землях, суд и управление сосредоточивались в руках командоров или фогтов.

Завоёванные земли немцы раздавали своим вассалам и духовенству, подчиняя их власти местное население, которое было обязано содержать своих поработителей, работать на них и участвовать в их военных мероприятиях. Среди немецких крестоносцев не было единства. С первых же лет их вторжения началась борьба за земли и доходы между епископами, обосновавшимися в Риге, и орденом, имевшим свой центр в Вендене.

Особое положение в Прибалтике занимал ряд вновь основанных городов, в их числе и Рига; они пользовались полным самоуправлением. Городская власть находилась в руках выборных магistratov, каковыми являлись эльдермены гильдий и старейшины ремесленных цехов, т. е. в руках торгово-ремесленной верхушки, эксплуатировавшей городские низы. Города ревниво берегали свои вольности от покушений ордена, который был бы непрочно прибрать их к рукам.

В этой связи можно отметить, что, несмотря на провозглашённую папской курией торговую блокаду Руси и почти непрерывные военные действия в восточной Прибалтике, немецкие (особенно рижские) бургеры-купцы стремились к экономическим соглашениям с Русью и прежде всего с Новгородом, Полоцком и Смоленском. Новгород имел для всей Прибалтики и северной Европы первостепенное торговое значение, он контролировал и торговлю с Востоком. Впоследствии, когда выяснилось, что немецким крестоносцам не суждено овладеть русскими землями, купечество северогерманских городов поспешило заключить с Новгородом торговый договор (1269), по которому вопросы торговые отделялись от военных: «А будет вражда между новгородцами и соседними с ними землями — гостю ехать бес пакости водой и горой, повсюду, где новгородская власть». Аналогичные формы торговых отношений установились с немецкими купцами и у Полоцка, Смоленска и Витебска. Это явилось вынужденным признанием политической силы и экономической значимости Руси.

Торговля с Русью велась, видимо, в больших масштабах, которые лимитировались следующей статьёй немецкого купеческого устава (так называемой «Скры»). «Никто не должен иметь права привозить во двор (имеется в виду двор немецких купцов в Новгороде) [товаров] более, как на тысячу марок серебра».

В товарном выражении это означало, что каждый немецкий купец мог привозить в один раз, например, 8 000 хлебов, или 4 000 пудов мёду и т. д. Купцов же приезжало в Новгород немало, судя по тому, что они здесь (подобно тому, как русские купцы в немецких городах) имели свой двор с церковью, отведённые луга для коней и ездили из Новгорода торговать, например, в Карелию.

В условиях напряжённых политических отношений, установившихся в то время между Новгородской Русью и Германской империей, торговый устав, выработанный немецким купечеством, предусматривал полную отчуждённость немецких купцов в отношении местного населения: под страхом крупных штрафов немецким купцам запрещалось самовольно торговать с русскими, новгородцами или иногородними, занимать у них деньги в долг, приобретать совместно с ними какое-либо имущество и т. п.

Не следует думать, что с учреждением ордена меченосцев немецкая власть без труда распространялась в восточной Прибалтике. Местные народы оказывали жестокое сопротивление захватчикам, которым приходилось к тому же считаться с мощью Руси и нарастающими ударами Литвы. Первоначальным успехам немецких феодалов немало способствовало отсутствие единства среди народов восточной Прибалтики, а также и среди правителей отдельных русских княжеств.

Полоцкий князь, в зависимости от которого находились земли ливов, не имел достаточных сил для того, чтобы сбросить немецких крестоносцев в море. В 1206 г. он организовал в помощь ливам поход на Гольм, но не только не смог уничтожить немецкую крепость, но и сам потерял Куконос. Князь Куконоса Вячеслав, вассал полоцкого князя, нанёс немцам ряд ударов, но в 1207 г., не получив помощи из Полоцка, сжёг свой замок и ушёл в Русь; на месте Куконоса немцы в 1209 г. построили новый замок.

В 1209 г., сосредоточив большие силы, немецкие феодалы неожиданным ударом овладели подвластным Полоцку городом Герцыкэ, который буквально опустошили. Сам немецкий хронист откровенно сообщает: «Тот день всё войско оставалось в городе, собрало по всем углам большую добычу, захватило одежду, серебро и пурпур, много скота, а из церквей колокола, иконы, прочее убранство, деньги и много добра... На следующий день, растащив всё, приготовились к возвращению, а город подожгли». Князь Всеялод, хотя и сохранил часть своих владений, но фактически попал в зависимость от Риги.

Так начались первые столкновения немецких рыцарей с русскими княжествами, но решающие столкновения с Русью были ещё впереди.

Немецким феодалам приходилось опасаться и литовцев, зачастую выступавших совместно с русскими. Идеолог крестоносного разбоя епископский хронист Генрих писал, касаясь поло-

жения в Подвинье: «Власть литовцев до такой степени тяготела тогда над всеми живущими в этих землях племенами, что лишь немногие решались жить в своих деревушках, а больше всего боялись лэтты». Боялись не только лэтты, но и у самих тевтонов дрожали руки, когда они в 1205 г. «с миром и питьём» встречали у ворот Риги проходивший на север для сбора дани двухтысячный литовский отряд.

Отдельные литовские князья в поисках дани и добычи (пленников, скота, ценностей) издавна совершали набеги на Лэттигалию, доходя до Валка и даже до Саккалы в земле эстов; ливы и лэтты, по выражению хрониста, «были кормом и пищей» литовцев, и если прежде литовские князья сталкивались здесь с русскими, то теперь они сплошь и рядом в контакте с русскими вступали в борьбу с немецкими крестоносцами.

Русские князья с своей стороны стремились поддержать с литовцами мирные отношения.

Так, подчинённый Полоцку, князь Всеволод, правивший в Герцыке, был женат на дочери крупного литовского князя Даугеруте: — «Будучи как зять его, для них (литовцев) почти своим,— писал хронист,— связанный с ними сверх того дружбой, [он] часто предводительствовал их войсками, облегчал им перевозку через Двину и снабжал их съестными припасами». Например, вместе с литовцами он совершил в 1203 г. успешный налёт на Ригу. Использовали литовцы в своих целях и главный замок в земле селов — Зелен.

Литовцы неоднократно (например в 1204, 1206, 1208, 1210 гг.), иногда совместно с ливами, нападали на немцев, нанося им немалый урон. Потери немцев были настолько велики, что епископ Альберт чуть не ежегодно ездил в Германию набирать пополнения. Так в 1206 г. он «обходил в Тевтонии каждый квартал, улицу и церковь, ища пилигримов». Однако литовские походы не привели к изгнанию крестоносцев. В 1208 г. крестоносцам удалось занять Зелен.

Немцы широко использовали в своей политике не только междоусобную борьбу правителей прибалтийских народов, но и разобщённость отдельных русских князей.

Расширяя захваченную территорию, немцы проникли в землю северных лэттов и основали здесь рыцарский замок Венден, создав этим постоянную угрозу не только Лэттигалии, но и землям южной Эстонии. Провоцируя и используя разногласия между правителями ливов, лэттов и эстов, крестоносцы в 1208 г. организовали нападение на землю эстов, в результате которого был подожжён замок Оденпэ.

Занятие ими в 1211 г. крепости Феллина и разорение области Саккала вызвало против крестоносцев выступление эстов всего побережья вплоть до Виронии (т. е. Вика, Ревеля, Саремаа). Стремясь использовать против эстов силы ливов, немецкие фео-

далы даже пошли на уступки: уменьшили ливам повинности, заменив десятину ежегодным взносом меры зерна с коня.

В 1210 г. крестоносцы отправили посольство в Полоцк к князю Владимиру «узнать, не согласится ли он на мир и не откроет ли рижским купцам доступ в свои владения». Дав обязательство выплачивать Полоцку ливскую дань, немцы склонили князя подписать «вечный мир». Полоцкий князь, подписывая мир, не интересовался тем, какие последствия может он иметь для Новгорода. А между тем немцам важно было получить передышку на Двине с тем, чтобы укрепить свои позиции в земле эстов, «и рады были все, что теперь безопаснее могут воевать с эстами... Так и оказалось», — писал немецкий хронист.

Однако приближение немецких захватчиков к коренным русским землям вызвало ответные мероприятия других русских князей. Главной силой был Великий Новгород, имевший возможность использовать полки «низовских» владимиро-суздальских князей. Однако неустойчивость политических отношений в Новгороде, обострение борьбы новгородского боярства с владимиро-суздальскими князьями, а также обособленность Пскова, Полоцка и Смоленска не могли не отразиться печальным образом на обороне подвластной северо-западной Руси прибалтийской территории. Поэтому, хотя походы новгородских войск проводились довольно часто, они не давали решительных результатов, так как у новгородского боярства не было достаточно единой и чёткой военно-политической программы действий.

Вероятно, в 1211 г. княживший в Новгороде Мстислав Удай, совместно со своим братом Владимиром, державшим Луки и Псков, предприняли большой поход в землю эстов, в область Торма (Вайга), расположенную на западном берегу Чудского озера, «и много полониша скота бешисла приведоша». Зимой они двинулись в область Унгавнию, осадили город Оденпэ, занятый эстами, и бились там восемь дней. «Так как в замке нехватило воды и съестных припасов, осаждённые просили мира у русских. Те согласились на мир, крестили некоторых из них своим крещением, получили четыреста марок ногат, отступили оттуда

Серебряный кратир софийской ризницы работы новгородских мастеров Кости и Братилы, 30-е годы XII в.

и возвратились в свою землю, обещавши прислать к ним своих священников для... [их] крещения».

Таким образом, подтвердив свои права на эстские земли, новгородское правительство тогда же решило упрочить свою власть в них проведением массового крещения эстов, чтобы политически затруднить продвижение крестоносцев. Это была чрезвычайная мера, ибо, как правильно отметил немецкий хронист, «русские короли, покоряя оружием какой-нибудь народ, обыкновенно заботятся не об обращении его в христианскую веру, а о покорности в смысле уплаты податей и денег»; другими словами, русские князья и бояре, не считая нужным вводить в ряде подвластных им земель феодальные порядки, ограничивались данью, а потому и не внедряли в них феодальной идеологии.

Со своей стороны крестоносцы, стараясь ослабить силы Руси, сумели установить связь с псковским князем Владимиром Мстиславичем, скрепив её браком князя с племянницей Альберта. Поэтому в 1211 г., когда немецкие войска вновь вступили в землю эстов, совместно с ними действовал «очень большой отряд русских» из Пскова, который был «в мире» с Ригой. Правда, псковские правящие круги не одобрили тогда этой недальновидной политики и изгнали князя Владимира из Пскова «со всей дружиной»,¹ но тем не менее в 1212 г. немцы доходили уже до реки Эмбах и были в непосредственной близости от русских земель.

Обеспокоенное потерей своих позиций в Подвинье и ростом немецкого захватнического вторжения, новгородское боярство с помощью Мстислава Удалого организовало в 1212 г. новый поход в землю эстов. В этом походе участвовали псковский князь Всеволод Борисович и торопецкий князь Давыд; соединённое войско насчитывало по немецким данным 15 тыс. человек. По сведениям, сообщаемым новгородской летописью: «Иде князь Мстислав с новгородцами на Чюдь (т. е. эстов) на Ереву (т. е. Гервию, центральную и наиболее богатую часть Эстонии), сквозе землю Чудскую к морю, села их потрати и осеки (укрепления) их возма, и ста с новгородцами под городом Воробиином (Варболэ, в земле Гаррия), и Чуть поклонишася ему, и Мстислав же князь взя на них дань». Две трети этой дани он отдал новгородцам, а третью часть своим феодалам — «дворянам».

То же сообщает и немецкая хроника, уточняя сумму дани: «когда великий король Новгорода Мстислав услышал о тевтонском войске в Эстонии, поднялся и он с пятнадцатью тысячами воинов и пошёл в Вайгу, а из Вайги в Гервен; не найдя тут

¹ Пользуясь правом вассала менять сюзерена, князь Владимир Мстиславич в начале своей деятельности не раз изменял интересам Руси. Феодальные порядки того времени создавали условия для появления в пограничных землях такого рода опасного княжеского дружины элемента, который служил тому, кто больше платил.

тонов, двинулся дальше в Гариэн, осадил замок Варболэ и бился с ними несколько дней. Осаждённые обещали ему семьсот марок ногат, если он отступит, и он возвратился в свою землю».

Следовательно, можно думать, что новгородское боярство, не будучи в состоянии организовать контрнаступление против немцев, всё же добивалось от эстов уплаты традиционной данни.

Любопытно, что поход Мстислава вызвал в Литве стремление к сближению с Русью, и в 1213 г. литовский князь Даугеруте «с большими дарами отправился к великому королю новгородскому и заключил с ним мирный союз». Однако на обратном пути он был перехвачен немцами и кончил свои дни в венденской тюрьме. Всё же литовцы в этом году совершили нападение на Нижнее Подвинье.

Положение новгородского правительства в эти годы затруднялось тем, что ему ещё приходилось наталкиваться на враждебное отношение некоторых эстонских старейшин. Например, старейшина Саккалы Лембито, «пока русские были в Эстонии», направил войска в Русь. Они «ворвались в город Псков и стали убивать народ», но когда горожане «подняли тревогу... тотчас побежали с добычей и кое-какими пленными назад в Унгавию». Об этом событии остался след и в русской летописи: «изъехаша Литва (переписчики так исправили непонятное «Лембито») безбожная Пльсков и пожгла: пльсковицы бо бяху в то время... на озере. И много створиша зла и отъидаша».

Нападения крестоносцев на страну эстов всё учащались. В 1215 г. немцы предприняли из Вендана поход на Унгавию и Вайгу. Как пишет немецкий хронист, они, «не щадя никого: мужского пола всех перебили, женщин и детей увели в плен и... весело возвратились домой со всей добычей». В том же году немцы предприняли из Риги первый поход на остров Саремаа (Эзель), население которого было тесно связано с эстами и затрудняло действия немцев в Рижском заливе.

Несколько упрочив свои позиции в земле эстов, епископ Альберт ещё в 1212 г. добился прекращения выплаты ливской дани Полоцку («епископ иногда платил за ливов королю эту дань»). По условиям нового соглашения, князь Владимир был вынужден предоставить епископу «всю Ливонию безданно, чтобы укрепился между ними вечный мир, как против литовцев, так и против других язычников, а купцам был бы всегда открыт свободный путь по Двине». Этот шаг князя Владимира был вызван его обострёнными отношениями с литовскими князьями. Но эта неосмотрительная мера не улучшила положения Полоцка.

Неоднократные мужественные попытки эстов отбить наступление немецких феодалов, а также бесчеловечная жестокость последних на занятых ими эстских землях вскоре привели эстских старшин к выводу о необходимости искать помощи против немцев на Руси. Не считая удобным обращаться в Новго-

род, с которым отношения не были дружественными из-за прекращения выплаты дани, эсты в 1215 г. послали к полоцкому князю Владимиру «просить, чтобы он с многочисленным войском пришёл осаждать Ригу, а сами обещали в это время теснитьвойной (подчинённых немцами) ливов и лэттов, а также (с помощью эзельцев) запереть гавань Дюнамундэ».

Князь полоцкий Владимир, «так как он всегда стремился разорить ливонскую церковь», одобрил предложение эстов; он отправил послов «в Руссию и Литву и созвал большое войско из русских и литовцев». Подготавливаясь крупный поход; однако в день выступления князь Владимир внезапно умер, и поход расстроился. Но всё же 1215 г. примечателен как начало оформления русско-эстонского антинемецкого союза.

Псковским боярам, как и новгородским, всё труднее становилось собирать дань в земле эстов. В 1216 г. псковские власти «разгневались на жителей Унгавии за то, что те, пренебрегши их крещением, приняли латинское и, угрожая войной, потребовали у них оброка и податей». Эти требования псковичи подкрепили походом к Оденпэ и, видимо, добились своего. Крестоносцы по уходе псковичей так же пришли под Оденпэ и, соорудив здесь замок, сильно укрепили его и поставили гарнизон. В том же году, когда русские пришли «по обычаю, в землю лэттов Толовы собирались свой оброк», рыцари из Вендана пытались им помешать и захватили данщиков. Но по требованию «короля новгородского» (Мстислава Удалого), Бертольд венденский «освободил пленных и с почётом отпустил в Руссию». Однако следом за этим событием рыцари из Оденпэ вновь совершили набег на русские земли.

Встревоженные потерей Оденпэ, Новгород и Псков сейчас же стали подготавливать крупное наступление с целью изгнания немцев из Эстонии. Для начала были отправлены послы к эстам «по всей Эстонии, чтобы шли эсты осаждать тевтонов... в Оденпэ»; на призыв русских откликнулись «не только эзельцы и гарционцы, но и жители Саккалы, уже давно крещёные (немцами), надеясь таким образом сбросить с себя игу тевтонов...».

В то время Мстислав Удалой был в отъезде в Киеве, и поход возглавил Владимир Мстиславич, вновь ставший псковским князем, и новгородский посадник Твердислав. Русские в 1217 г. «сташа» под городом Оденпэ и осаждали его семнадцать дней; к ним на помощь пришли эстонские отряды, в том числе и эзельские. Чтобы отсрочить штурм, осаждённые начали переговоры, а сами отправили гонцов к немцам. Пока русские совещались, подошло основное немецкое войско во главе с магистром Волквином, со вспомогательными отрядами ливов и лэттов. Используя момент смены русских сторожевых постов, это войско прошло в город, правда, понеся при этом немалый урон: «убиша новгородцы два воевода, а третий руками яша, а конев отъяша 700», тогда был убит и Бертольд венденский.

Приход подкреплений не спас немцев от поражения: «из-за множества людей и коней сделался голод в замке, недостаток съестного и сена, и стали кони объедать хвосты друг другу». На третий день немцы сдались и вынуждены были очистить замок. Видимо, эта победа русско-эстонских сил восстановила русские права в земле эстов, ибо епископ Альберт вынужден был отправить послов в Новгород и в Саккалу «для утверждения мира», заключённого в Оденпэ. Удар по немецкому рыцарству был на сей сильный, ибо епископ Альберт срочно направился в Германию набирать пополнения и привёл немало новых войск.

Русские также шли на мир с целью подготовить новое, ещё большее наступление на крестоносцев, ибо немецкий хронист тут же записал, что «люди там (в Новгороде) полны надменной спеси и в гордости своей весьма заносчивы, они пренебрегли и просьбами епископа и миром с тевтонами, а сговаривались с эстами, обдумывая способы, как бы раздавить тевтонов».

Тогда же «эсты отправили русским много даров, прося прийти с войском...» Новый новгородский князь Святослав Мстиславович (сын князя киевского), отправив послов в Эстонию, обещал прийти с большим войском «вместе с королём Владимиром (псковским) и множеством других королей». «И обрадовались эсты и послали людей по всей Эстонии и собрали весьма большое и сильное войско и стали у Палы в Саккале», — сообщает немецкая хроника.

Возглавил эстов князь и старейшина земли Саккала — Лембито, в прошлом враждебный Руси; он собирал силы со всей Эстонии: «и явились к ним и роталийцы, и гарционцы, и виронцы, и ревельцы, и гервенцы, и люди из Саккалы». Всего собралось шеститысячное войско, оно стояло в Саккале, ожидая прихода русских полков. Магистр Волквин, собрав трёхтысячное войско и вспомогательные отряды ливов и лэттов, опередил русских и сумел разбить эстов и последующим разорением области Саккала ослабить их сопротивление.

Однако «великая война русских и эстов против ливонцев» разгоралась всё сильнее, и епископ Альберт вынужден был обратиться за помощью к датскому королю Вальдемару, который «обещал на следующий год быть в Эстонии». Между тем русское войско, предводимое новгородским князем Всеволодом Мстиславичем (другим сыном киевского князя), предприняло новый большой поход, на этот раз на Венден, бывший форпостом немцев, нападавших на юго-восточную Эстонию; из эстов, после поражения у Саккалы, в походе участвовали лишь гарционцы; тогда же эзельцы напали на устье Двины. Всё русское войско, по немецким данным, насчитывало 10 тыс.: «иде князь Всеволод с новгородцами к Бертуеву (так наши летописи называли Венден по имени первоначально управлявшего им Бертольда, т. е. «Бертольдов») и устретоша сторожи немци, литва, либь; и бишася и пособи бог новгородцем...» (т. е. они разбили дозоры) и

«...идоша под город и стояша 2 недели, не взяша города, и придоша здорови». По немецким данным, в походе участвовали псковичи во главе с князем Владимиром Мстиславичем и его сыном Ярославом. Таким образом, если русско-эстонский поход на Ригу и не состоялся, то всё же была проведена внушительная демонстрация сил.

В 1219 г., согласно договорённости с епископом Альбертом, в северную Эстонию вторглись войска датского короля Вальдемара, подкреплённые силами его вассала правителя Рюгена и части Померании Вацлава I. Отстаивать Эстонию русским становилось всё труднее. Датские войска захватили часть северной территории эстов и основали Ревель. Датские короли давно стремились утвердиться в Эстонии. Ещё в 1100 г. датский король Эрик Эйегод присвоил себе титул герцога Эстонии; с той поры датские правители, а равно и шведские, не раз покушались на независимость эстов, которые отвечали жестокими набегами на датские и шведские владения. Их набегов боялись, и не случайно жители о. Готланд «предпочитали быть в мире с эстами». В 1206 г. король Вальдемар сделал неудачную попытку захватить часть острова Саремаа (Эзель), но должен был отступить.

Вторжение датских феодалов серьёзно ухудшило позиции русских в Эстонии, во-первых, потому, что датчане постоянно грозили северной Эстонии; во-вторых, потому, что во всех походах русских на крестоносцев датская крепость оставалась у них на фланге. Датские крестоносцы вели себя в стране эстов так же, как и немецкие: они занялись завоеванием земли, порабощением и крещением населения.

Любопытно, что тех, кто был уже крещён немцами, датчане перекрецивали, а тех, кто принимал крещение у немцев после прихода датчан, они вешали как государственных преступников. Этот факт является лишним свидетельством того, что крещение было лишь лозунгом грабежа, а принятие христианства имело в глазах завоевателей чисто политическое значение как признание их власти.

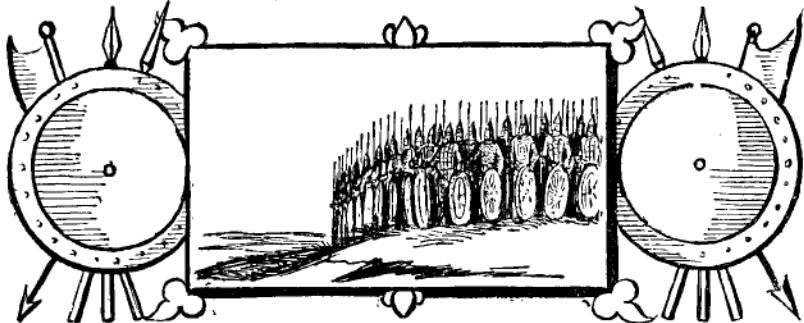
Вторжение датского короля до некоторой степени усложнило и положение епископа Альберта, которому теперь приходилось оберегать захваченные земли не только от покушений немецких рыцарей-крестоносцев, но и датских. Римская курия не разделяла опасений епископа, полагая, что датский король «всегда высказывал себя верным апостольскому престолу» и будет полезен в создавшихся трудных условиях.

В поисках новых союзников епископ Альберт в 1220 г. ездил ко двору германского императора Фридриха II, прося поддержки. В этот момент Фридрих II не счёл возможным поддержать епископа, как он это сделал позднее; он «уделил епископу немного благожелательного внимания» и «убеждал его и уговаривал держаться мира и дружбы с датчанами и русскими, пока над молodyм насаждением не вырастет впоследствии крепкое здание».

Между тем датский король, стремясь подчинить себе рижского епископа, в 1220 г. запретил городу Любеку давать корабли для подвоза подкреплений в Ригу, т. е. блокировал её. В 1221 г. епископ был вынужден признать власть Вальдемара над Эстонией и Ливонией.

На Руси, в Новгороде Великом, постепенно начало вновь возрастили влияние владимиро-суздальских князей, что не могло не сказаться на усилении новгородских вооружённых сил. В 1221 г. владимирский князь Юрий Всеволодович отправил в Новгород княжить своего брата Святослава, и тот предпринял новый поход на Венден: «идоша новгородцы со Святославомъ ко Кеси (так как Бертолд уже погиб, то город именовали по-латвийски от «Zehsis») и придоша Литва на помощь же; и много воеваша, но города не взяша».

Немецкий хронист сообщает, что русские, разорив венденский посад (внешний город), опустошили также область Торейду, расположенную в непосредственной близости от Риги, и «где русские нанесли меньший вред, там приложили руку литовцы». Всё происходившее в восточной Прибалтике ясно свидетельствует, что Русь, несмотря на её раздроблённость, являлась единственной силой, которая могла положить предел немецкому натиску; не случайно народы, противостоявшие немцам (литовцы, эсты, лётты), искали помощи на Руси.

Глава четвёртая

ПЕРВОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ ТАТАРО-МОНГОЛОВ И БИТВА НА ҚАЛКЕ

Исторические судьбы Руси сложились так, что именно в то время, когда готовилось наступление на немецких и шведских феодалов, ей был нанесён первый и весьма серьёзный удар с востока, со стороны татаро-монголов. Этот удар не замедлил отозваться и на положении в Прибалтике.

В начале XIII в. из глубин Азии началось татаро-монгольское нашествие, сыгравшее в истории большей части человечества огромную роль. Татаро-монголы образовали сильное государство, во главе которого стояла кочевая знать, располагавшая огромными стадами скота, пастбищами и эксплуатировавшая массы зависимых мелких скотоводов, а также рабов, добываемых в войнах. Степная аристократия — нойоны — опиралась на военные дружины нукеров. К началу XIII в. в ходе острой классовой борьбы кочевые феодалы собрались на курултай (съезд) и провозгласили в 1206 г. одного из виднейших представителей степной аристократии, Темучина, всемонгольским правителем — великим ханом — под именем Чингис-хана. Власть его была огромна: он стоял во главе всех «поколений, живущих в войлочных кибитках, все монгольские племена и роды — его улус, и вся территория, на которой они живут,— его юрт».

Нарождавшиеся монгольские феодалы создали государственный аппарат насилия для удержания в своих руках земель и скота, отнятых у трудящихся, для порабощения самих трудящихся татар и для завоевания территорий соседних народов. Это было раннефеодальное общество, где класс растущих феодалов пока что единодушно поддерживал завоевательные устремления великих ханов.

Управление отдельными частями государства распределялось между родственниками великого хана, в подчинении которых находилась местная знать с дружинами и с массами зависимых мелких скотоводов и рабов. Вся эта иерархия соответствовала одновременно и военной организации, состоявшей из «тем» (10 000), «тысяч», «сотен», «десятков», укомплектованных из масс зависимого населения. Во главе крупных делений (тымы, тысячи) стояли крепнувшие крупные кочевые феодалы, обязанные являться со своими ополчениями по первому зову великого хана. Великого хана окружала личная гвардия, сформированная из знати. Огромное войско было основано на суровой дисциплине. По свидетельству Марко Поло (XIII в.): если из десятка бежал один боец — убивали весь десяток, если отступал десяток, то наказывалась сотня, в составе которой был этот десяток, и т. д. Твёрдая организация войска позволяла великому хану осуществлять большие военные мероприятия.

В этом заключалась сила монгольского государства, которое, предприняв наступление против народов Средней Азии, Кавказа и Восточной Европы, встретило здесь уже зрелое феодальное общество, расколотое на множество отдельных княжеств. Правители княжеств враждовали друг с другом и тем самым лишили народы возможности оказать наступлению кочевников единый и организованный отпор.

Начатые в 1210—1211 гг. завоевательные войны принесли монголам невиданные успехи: менее чем в десять лет были подчинены Китай и Средняя Азия. Монголы широко использовали свою военную и политическую разведку и, учитывая разобщённость противников, разбивали их по частям. Такие крупные города Средней Азии, как Бухара, Самарканд, Мерв, Ургенч и другие, были взяты поодиночке, при очень плохой организации обороны. Средняя Азия была совершенно опустошена: в первые годы после завоевания города и селения представляли собой развалины и пепелища.

Одна из монгольских армий под командованием воевод Джебе и Субедэ в 1220 г. из Средней Азии вторглась в Иран — разорила его северную часть, вышла на Кавказ, взяла здесь ряд городов, разбила военные силы Грузии и двинулась на Северный Кавказ, где нанесла поражение аланам, а затем кыпчакам (половцам).

Местные половцы, покинув свои кочевья, отступили на запад к половцам, кочевавшим между Волгой и Днепром, в надежде

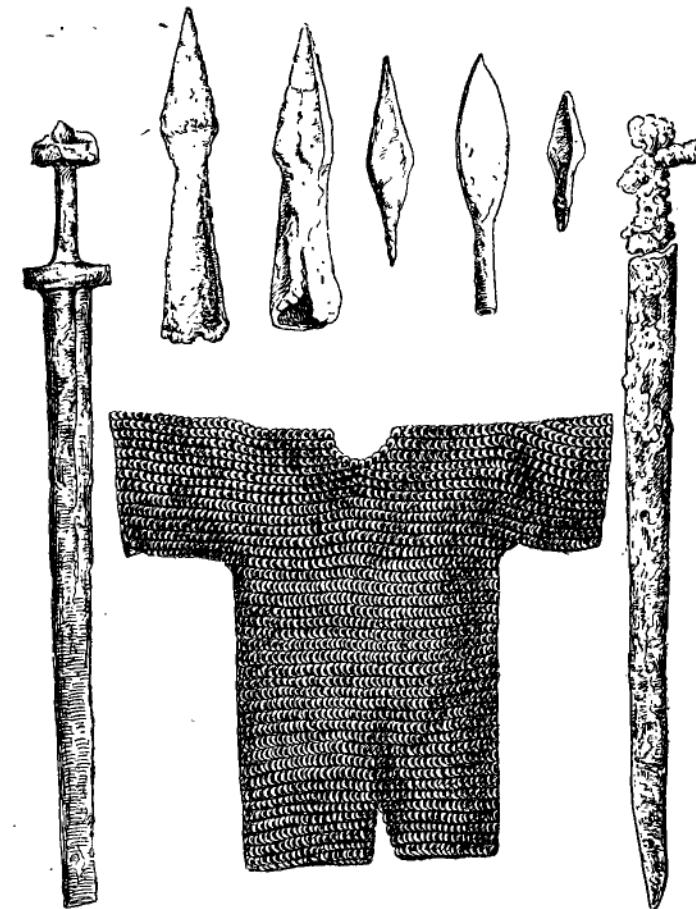
получить у них помощь. Преследуя их, татаро-монголы дошли до Крыма, где взяли город Судак. Половцы, собрав все силы, выступили им навстречу во главе с сильнейшим своим ханом, сыном известного Кончака, Юрием Кончаковичем. У него «было болище всех Половець», но и он «не може стати противу лицю их», и «бегающи же ему и мнози избъени быша», и бежали половцы «до реки Днепра».

Половецкие ханы, кочевавшие к западу от Днепра, во главе с ханом Котяном спешно приехали к Мстиславу Удалому, зятю Котяна, тогда княжившему в Галичине, и заявили ему: «Нашю землю днесъ отъяли (татары), а ваше заутро възята будет». Князь Мстислав со вниманием отнёсся к этому заявлению и разослал всем русским князьям предложение собраться в Киев для обсуждения сложившегося положения. «Оже мы, братье, сим (половцам) не поможем,— писал Удалой,— то си имуть придатися к ним (татарам), то онем (татарам) больши будеть сила»,— таким образом, он отмечал угрозу соединения половцев с татаро-монголами. Далеко не все русские князья думали о судьбах Руси. Поэтому не все князья откликнулись на призыв Удалого. Если Мстислав Романович киевский, Мстислав Мстиславич галицкий, Мстислав Святославич черниговский и козельский, которые «беху старейшины в Руской земли», съехались на совет в Киев, то владимиро-суздальский князь Юрий Всеволодович отказался приехать, и его «не бы в том свете» (т. е. совете). Участвовали в совете также и «млади князи»— Даниил Романович Волынский, Мстислав Немой Пересопницкий и др. Князья отвергли мирное предложение татар, направленное на раскол русско-половецкого союза, и решили выступить против татаро-монголов: «луче бы нам есть прияти я (т. е.их) на чужой земле, нежели на своей».

В поход двинулись киевские, галицкие, черниговские, смоленские, волынские и другие русские полки, а также половцы. Войско было значительным по размерам, но по организации чисто феодальным, когда не было единого командира, когда каждый князь сражался сам по себе. Это привело к роковым последствиям. Русские полки спустились по Днепру, перешли его у Олешья и двинулись на восток. Мстислав Удалой и Даниил Романович разбили передовой татарский отряд. Двигаясь вслед за ним, русские рати 31 мая 1223 г. на берегу реки Калки (Кальчик, приток Кальмиуса) столкнулись с основными силами противника. Произошло кровопролитное сражение, в котором феодальная междуусобная вражда князей и трусость половцев помешала использовать первоначальный успех русских войск.

Когда русские войска, предводимые Мстиславом Удалым, имея впереди половцев, двинулись на противника, то киевский князь задержал свои полки, так как был в ссоре с Удалым. В разгар боя половцы «побегоша не успевше ничтоже... назад и потопташа бажаще станы русских князь», поэтому последние

«не успела бо исполнится противу» татар. Бой был отчаянный — «и бысть сеча зла и лютя». Но силы были неравны, ибо Мстислав киевский так и не вступил в бой. Он укрепился на горе над Калкой и оставался безучастным зрителем разгрома рус-

Русское вооружение XIII—XIV вв.
(кольчуга, мечи, наконечники копий и стрел).

ских дружин. Русские полки были разбиты, убито шесть князей, а князья Мстислав Удалой и Даниил галицкий едва успели спастись бегством через Днепр, уничтожив за собой все суда, чтобы затруднить монголам переправу; «а прочии вои десятый приде каждо во свояси».

Разбив главное войско, враги окружили лагерь киевского князя и в течение трёх дней осаждали его. Наконец, Мстислав

вынужден был сдаться, положившись на слово татар и воеводы «бронников» («бронники» — славянские поселенцы с низовьев Дона) Плоскыни, обещавших отпустить его с войском домой. Однако татары нарушили обещание: всё войско было истреблено, а князья задавлены досками помоста, на котором пировали победители.

Так жестоким поражением закончилась первая встреча объединённых войск русских князей и половцев с татаро-монголами: «и погибло много бешисла людей,— писал новгородский летописец,— и бысть вопль, и плачь, и печаль по городом и по селам... Татары же возвратившись от реки Днепра, и не сведаем откуду суть пришли и где ся деша опять». Татары было двинулись вверх по Днепру, но, не доходя Переяславля, повернули обратно. Их силы были подорваны битвой на Калке, и на возвратном пути они были разбиты волжскими булгарами.

Завоевание монголами Средней Азии в 1219—1221 гг. и поход Джебе и Субедэ в северный Иран, на Кавказ и в юго-восточную Европу (1222—1224) произвели большое впечатление на современников. В 20—30-х годах XIII в. о татаро-монголах говорили во всех странах Средней Азии, северной Африки и Европы, как о величайшем несчастье, которое постигло тогдашний мир. Народный эпос именно с битвой на Калке связал кончину русских богатырей, когда «могучие витязи» после долгой, кровопролитной, но безуспешной битвы впервые отступили и решили укрыться от врага. Они

Побежали в каменные горы,
В тёмные пещеры:
Как подбежит витязь к горе,
Так и окаменеет.

Битва на Калке и угроза новых татаро-монгольских вторжений не вызвали на Руси никаких политических перемен. Напротив, именно в эти годы вновь серьёзно обострились политические отношения в Новгородской Руси, усилилась борьба владимиро-суздальских князей с новгородским боярством.

Глава пятая

ПАДЕНИЕ ЮРЬЕВА И НАСТУПЛЕНИЕ КРЕСТОНОСЦЕВ НА РУСЬ И ЛИТВУ

Поражение русских войск на Калке не замедлило отозваться на политическом положении в восточной Прибалтике.

В крестоносной Риге рассчитывали, что уничтожение отборных войск многих русских князей позволит расширить немецкие завоевания на востоке. Немецкий хронист, сообщив о битве на Калке, с удовлетворением отметил, что «тогда король смоленский, король полоцкий и некоторые другие русские короли отправили послов в Ригу просить о мире». Однако мир был возобновлён «во всём такой же, какой заключён был уже ранее».

Наступил решающий этап борьбы с немецкими захватчиками в стране эстов. Понимая это, объединяли силы немецкие и датские феодалы. Еще в 1222 г. германский император Оттон IV признал «права» ордена на земли вне Ливонии, а в 1223 г. датский король Вальдемар так же вернул епископу и ордену «права на... Саккалу и Унгавнию», с тем, однако, чтобы они «всегда были верны ему и не отказывали его людям в помощи против русских и против язычников».

В 20-х годах в земле эстов вновь поднялось восстание против крестоносцев. Инициатива исходила от мужественных эзельцев. На их острове датский король соорудил свой замок, но они разрушили его и тогда же направили послов во все земли эстов, уговаривая «сбросить с себя иго датчан и уничтожить в стране христианство», они «учили людей строить осадные машины,

патереллы¹ и прочие военные орудия. И пришла беда в страну», — горестно заключает немецкий хронист.

Поднялись приморские области Вик, Гарния, а также Саккала, Вирония, Гервия и Унгавния; в последней эсты истребили крестоносцев в Юрьеве (Дерпте) и Оденпэ. «По всей Эстонии и Эзелю прошёл тогда призыв на бой с датчанами и тевтонами, и самое имя христианства было изгнано из всех тех областей», — признаёт немецкий хронист. Далее он продолжает: «Русских же из Новгорода и Пскова эсты призвали себе на помощь, закрепили мир с ними и разместили — некоторых в Дорпрате (Юрьеве), некоторых в Вилиэнде (Феллине), а других — в других замках, чтобы сражаться против тевтонов», при этом эсты «разделили с ними (русскими) коней, деньги, всё имущество братьев-рыцарей и купцов и всё, что захватили, а замки свои весьма сильно укрепили. Выстроили по всем замкам патереллы и, поделив между собой много баллист, захваченных у братьев-рыцарей, учили друг друга пользоваться ими». «И начались вновь войны на всём пространстве Эстонии».

Под руководством русских из Феллина было проведено наступление на земли Метсеполэ, Торейда и другие к северо-востоку от Риги. Во время развернувшихся здесь боёв пал глава русских в Феллине Варемар. Немецкие феодалы, подтянув свежие силы («многих пилигримов из Тевтонии»), а также насиливо двинув в поход отряды из ливов и лэттов, направились в землю эстов; они, пользуясь превосходством вооружения закованного в железо рыцарского клина, разбили эстонское войско на р. Имере, и, хотя «эсты сопротивлялись весьма храбро», им пришлось отступить и укрыться в Феллине.

Крестоносцы окружили крепость и осаждали её 15 дней, неся большие потери от крепостных баллист. Недостаток воды заставил осаждённых прекратить сопротивление. Гарнизон крепости был беспощадно истреблён, «что же касается русских, бывших в замке... то их после взятия замка всех повесили перед замком на страх другим русским».

Тогда вновь «старейшины из Саккалы посланы были в Руссию с деньгами и многими дарами попытаться, не удастся ли призвать королей русских на помощь против тевтонов и всех латинян». В то время наиболее значительными силами располагал владимиро-суздальский князь Юрий Всеволодович, он же укрепил своё влияние и в Новгороде. Защита русских политических и торговых интересов в Прибалтике входила в круг его внешнеполитических задач. «И послал король суздальский своего брата (Ярослава Всеволодовича) и с ним много войска в помощь новгородцам, и шли с ним новгородцы и король псковский (Владимир Мстиславич) со своими горожанами, и было всего в войске около двадцати тысяч человек».

¹ Патереллы — самострелы.

Об этом походе сохранила известие и Новгородская летопись: «Приде князь Ярослав от брата, и иде со всею областю к Колыванию (Ревель), и повоева всю землю Чюльскую, а полона приведе бешисла, но города не взяша, злата много взяша и придоша вси здрави». Немецкий хронист уточняет, что князь Ярослав из Руси пришёл к Юрьеву, где жители дали ему «большие дары, передали в руки короля братьев-рыцарей и тевтонов, которых держали в плена, коней, баллисты и многое другое, прося помощи против латинян. И поставил король в замке своих людей, чтобы иметь господство в Унгавнии и во всей Эстонии»; то же сделал он в Оденпэ; затем Ярослав вместе с отрядами эстов-унгавнайцев направился в землю ливов.

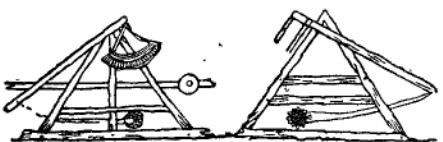
На пути его встретили жители с о. Саремаа и посоветовали, изменив направление, сперва нанести удар по датчанам. Войско свернуло на север, прошло мимо разорённого Феллина в Гервию; здесь присоединились к нему отряды гервенцев, виронцев, варбальцев. В течение месяца русско-эстонские войска осаждали Ревель, уничтожая повсеместно крестоносцев, а затем русское войско вернулось в свою землю. Итак, наиболее крупный поход, организованный уже после битвы на Калке, вновь показал, что для успешной борьбы с немецко-датской агрессией нужно объединение значительно больших сил.

Тогда же новгородское правительство и владимиро-суздальский князь послали в Юрьев князя Вячеслава, или Вячка, который когда-то правил в Куконосе, дав «ему денег и двести человек [лучников] с собой, поручив господство в Дорпрате и других областях». Юрьевцы, по словам немецкой хроники, приняли его «с радостью, чтобы стать сильнее в борьбе против тевтонов, и отдали ему подати с окружающих областей». Князь Вячко управлял областями Унгавния, Вайга, Вирония, Саккала, т. е. большей частью земли эстов. Очевидно, восстановились отношения, бывшие в земле эстов до вторжения немецких феодалов.

В 1224 г. немецкие крестоносцы предприняли генеральное наступление с целью уничтожить власть Новгорода над землёй эстов. Походу предшествовала очередная поездка Альберта в Германию, откуда он, как обычно, прибыл «со многими пилигримами». Тогда же епископ вновь урегулировал споры с рыцарями о том, как делить завоёванные земли эстов. По новому соглашению одна треть земель поступала Альберту, одна треть — епископу Эстонии Генриху и одна треть — рыцарям. Предшествующий опыт взаимных ссор, драк и измен принудил захватчиков в целях поддержания единства заключать подобного рода сделки до походов.

Большое немецкое войско, подкреплённое отрядами ливов и лэттов, разоряя Эстонию, выступило на Юрьев. Князю Вячко немцы «предлагали свободный путь для выхода с его людьми, конями и имуществом, лишь бы он ушёл...», но король, в ожидании помощи от новгородцев, упорно отказывался покинуть

замок». Началась осада Юрьева. Немецкий хронист оставил подробное её описание. Поля покрылись шатрами. Немцы строили малые осадные машины и патереллы, подняли осадную башню из брёвен, которую восемь дней сооружали из крупных и высоких деревьев, так что она возвышалась до уровня стен замка. Башню надвинули поверх рва, а внизу начали вести подкоп. Для рытья земли днём и ночью отрядили половину войска. Когда вал над подкопом обрушивался, то башню продвигали вперёд, к стенам крепости. Русские и эсты из луков баллист и метательных машинсысыпали немцев стрелами, камнями и наносили им большой урон. Немцы в свою очередь забрасывали в город камни, огненные горшки. Так бились много дней. По мере продвижения подкопа осадная башня приближалась к замку.

«Пороки» — метательные машины XIII в. (миниатюра).

шие огни, открыли широкое отверстие в вале и стали через него скатывать вниз колёса, полные огня, направляя их на башню и подбрасывая сверху кучи дров; немцы сбивали пламя и в свою очередь подожгли мост у крепостных ворот.

Отступая в вход в крепость, русские все сбежались к воротам для отпора; воспользовавшись этим, крестоносцы бросились на крепостную стену, защищавшуюся эстами, тесня их мечами и копьями с вала; враг ворвался в Юрьев. Русские воины, «оборонявшиеся дольше всего, наконец, были побеждены»; они укрылись в центральном внутрикрепостном укреплении (детинце) и героически пали в бою во главе с князем Вячко. Немецкие захватчики «тотчас стали избивать народ и мужчин, а даже некоторых женщин, не щадя никого», как свидетельствует сам немецкий хронист. Из бывших в замке мужчин «остался в живых только один — вассал великого короля суздальского, посланный

своим господином вместе с другими русскими в этот замок»; его отправили в Новгород и Сузdal сообщить о произошедшем. Город Юрьев был сожжён. Русское войско, которого так ждал князь Вячко, не поспело из Пскова во время.

Тогда же новгородский летописец внес в свою летопись известие о том, что «убиша князя Вячко немцы в Гюргеве, а город взяша».

В том же году Новгород и Псков заключили мир с Ригой, по которому отношения в Эстонии оставались неурегулированными, но немцы должны были признать права русских на землю лэттов, «и подать, которую те (т. е. русские) собирали в Толове, возвратили им». Падение Юрьева дало известный перевес немцам, получившим возможность жестоко подавить сопротивление эстов.

На следующий год под руководством папского легата (посла) Вильгельма Моденского был организован большой поход 20-тысячного войска из Риги и Готланда по льду на остров Саремаа (Эзель). Эзельские замки Монэ и Вальдэ были взяты, сопротивлявшиеся жестоко истреблены, а всё население острова принуждено к крещению и обложено тяжёлыми повинностями. Папская курия со своей стороны обратилась с воззванием ко всем русским, нагло требуя от них оказания помощи... епископу Ливонии; курия поспешила организовать в 1224 г. дерптское епископство, что не помешало, впрочем, новому епископу в том же году признать себя вассалом соперничавшего с папой германского императора, который взял под свою «защиту» всех «вновь обращённых» в Ливонии, Эстонии, Самбии, Пруссии, Семигаллии. По возвращении легата из Ливонии папа Гонорий III в 1227 г. обратился «ко всем королям Руссии», склоняя их подчиниться своей власти и прекратить борьбу с немецкими захватчиками, а в противном случае, угрожая вторжением; «твёрдо соблюдая мир с христианами Ливонии и Эстонии,— писал папа,— не препятствуйте успехам веры христианской, чтобы не подвергнуться гневу божьему и апостольского престола, который легко может, когда пожелает, покарать вас...»

Итак, всем русским княжествам, их независимости, русской культуре угрожала смертельная опасность. С одной стороны, на востоке татаро-монголы подготавливали новый удар, с другой стороны, с запада Русь теснили крестоносцы, которых поддерживали Германия, папская курия, Дания, Швеция.

В то же время в юго-западной Галицко-Волынской Руси продолжалась напряжённая борьба с постоянными вторжениями венгерских королей и польских князей, которые стремились подчинить и поделить между собой галицко-волынские земли; за спиной Венгрии и Польши, освящая их войну с русскими «схизматиками», стояла та же папская курия, жаждавшая взвалить новое ярмо на плечи русского народа, отнять у него земли, разорить его «десятиной» в пользу церкви, уничтожить самобыт-

Шлем великого князя Ярослава Всеволодовича.

своим ставленником Арсением; нарушая договор, он рассыпал своих судей по Новгородской земле, т. е. укреплял свой аппарат власти.

В 1228 г. Ярослав Всеволодович решил предпринять крупное наступление на немецких крестоносцев. Он привёл свои полки из Переяславля и властно заявил боярскому совету: «хочю ити на Ригу». Шатры княжеских полков раскинулись под Новгородом, а часть войск стала на постой в самом городе. Новгородские бояре со своей стороны решили использовать поход как средство избавиться от энергичного князя.

Псковское же боярство пошло ещё дальше. Уже в 1227 г. оно фактически порвало отношения с Ярославом. Когда же князь вздумал посетить Псков, то местные бояре, не без содействия новгородских, распустили слух, что он «везет оковы, хотя ковать вяцьше (т. е. знатные) мужи», и, затворив город, не впустили Ярослава.

Узнав о подготовке похода на Ригу, эти бояре официально порвали с Новгородом и вновь заключили договор с Ригой, по которому даже предусматривалась рижско-псковская взаимопомощь в случае осложнений между Псковом и Новгородом. Псковские бояре прямо заявили немцам: «то вы, а то новгородцы, а нам не надобе, но оже пойдуть на нас (новгородцы), то вы нам помозите». Рижские правители с готовностью ответили со-

ную культуру Руси и русский язык насильственно заменить латинским. Грозные годы переживала русская земля, и опасность усиливалась тем, что далеко не все князья и правители на Руси сознавали нависшую над родиной угрозу.

При таких условиях князь Ярослав Всеволодович, внук Юрия Долгорукого, в 1226 г. по приглашению бояр в третий раз занял новгородский стол. Он прибыл в город вместе со своими малолетними сыновьями Фёдором и Александром. И на этот раз князь, пользуясь тем, что ему удалось осуществить успешные походы против литовцев (1226) и противами (1227, 1228), принял меры к усилению своей власти в Новгороде. Он добился отставки новгородского архиепископа Антония, заменив его

Вид псковского кремля в ХХ в.

гласием, а для гарантии «союза» получили у псковских бояр 40 мужей в залог.

Тогда же псковские изменники, предав русские интересы, самовольно «уступили» немецким захватчикам «права» на земли эстов, лэттов и ливов, а княжескому послу, который требовал участия Пскова в походе на немцев и выдачи политических главарей, ответили отказом.

Пытаясь оправдать эту измену, псковские бояре и купцы ссылались на то, что предыдущие походы на немецких крестоносцев не были удачны, не привели к миру и что псковская земля и торговля вследствие этого терпели ущерб. Таким образом, отсутствие твёрдой власти в Новгороде, отсутствие чёткой военно-политической программы в прибалтийском вопросе ослабило позиции Руси не только в прибалтийских землях, но и усилило противокняжескую оппозицию в среде городского боярства и купечества.

Воспользовавшись отказом псковских бояр, новгородские правители в свою очередь заявили князю: «мы бес своея братья, бес Пльсковиц не имаем ся на Ригу». Князь Ярослав долго спорил с боярами, «нудив» их, но не решался выступать один, имея позади враждебное боярство; наконец, он отправил полки своей домой, и поход был отменён.

Между тем псковские правители, предав русские национальные интересы, поспешили расправиться с теми, кто стоял за союз с Ярославом Всеволодовичем; бояре-правители «выгнаша [их] ис Пльскова [со словами]: «пойдите, по князь свою, нам есте

не братья». Так распрая псковских и новгородских феодально-боярских правителей с великокняжеской властью подрывала военно-политическую мощь Руси.

В сложившихся условиях сидеть без войска в Новгороде не имело смысла, и князь Ярослав уехал в Переяславль, оставил в Новгороде своих сыновей — Фёдора и Александра — под охраной боярина Фёдора Даниловича и тиуна Якима. Можно полагать, что пребывание одиннадцатилетнего Александра Ярославича в эти годы в Новгороде должно было оставить определённые впечатления в его сознании, тем более что дальнейшие события были достаточно яркими.

После отъезда князя новгородское боярство сумело использовать крупное выступление новгородских масс; оно «воздвиже» новгородскую «простую чадь» и разгромило княжеских сторонников: архиепископ Арсений был выгнан в «шию», как сказано в летописи. Во главе боярского совета вновь встал владыка Антоний, а при нём два мужа-соправителя — Якун Моисеевич и Микифор щитник. Вооружённые бояре прямо с веча устроили разгром двора тысяцкого (т. е. начальника новгородских войск) Вячеслава и его брата. Был разграблен двор Андрея, стольника при прежнем архиепископе, а также дворы старост Давида Софийского и Душильца Липенского, последний

Созыв веча на Ярославовом дворище (миниатюра).

едва успел бежать в Переяславль. И «бысть мятех в городе велик». — заключает летописец.

Поставив нового тысяцкого Бориса Негочевича и подтвердив свою независимость от князя, бояре послали к нему послов с предложением вернуться в Новгород «на всей воле» боярской. Но эти условия не устраивали князя, и по его указанию однажды ночью боярин Фёдор Данилович вместе с княжескими детьми бежал из Новгорода в Переяславль.

Порвав с владимирским князем, бояре решили пригласить князя черниговского Михаила Всеходовича; несмотря на противодействия Ярослава и смоленского князя, Михаил в следующем 1229 г. всё же прибыл в Новгород и принял власть «на всей воли новгородьстей».

Напряжённые общественные отношения в Новгороде принуждали князя принять какие-то срочные меры для успокоения масс. Видя массовое бегство крестьянства и городской бедноты из-под власти новгородских бояр, он распорядился, чтобы крестьяне, бежавшие из пределов республики, в случае возвращения освобождались на пять лет от «даней» в пользу бояр, но

Избрание посадника (миниатюра).

с другой стороны, он вновь запретил тем крестьянам, которые остались на месте, отказываться от уплаты дани: «а сим повеле, кто где живеть», так платить дань, «како уставили передний князи». Это сочетание вынужденных льгот с угрозами по адресу волновавшегося крестьянства, конечно, имело целью упрочить власть боярства.

Затем бояре и князь постарались ещё более обезвредить сторонников Ярослава. С них были взысканы крупные суммы денег на строительство новгородского моста. Был «избран» новый посадник Вцезд Водовик и новый владыка — Спиридон, так как

прежний архиепископ Антоний не мог выполнять своих обязанностей; от всего пережитого он, «онеме и ничтоже глаголя», удалился в монастырь. Итак, за короткий срок, вторично, на этот раз с помощью черниговского князя, новгородское боярство сделало попытку уйти из-под влияния владимиро-суздальских князей.

Но это ему не удавалось уже потому, что князь Ярослав занял и продолжал удерживать Волок и некоторые другие новгородские земли. Сам черниговский князь в 1230 г. ушёл из Новгорода на юг, куда его призывали местные дела, а в Новгороде оставил своего сына Ростислава. Уход Михаила и продолжающаяся торговая блокада, которая совпала с неурожаем, не замедлили сказаться на политической жизни города и республики. Оживились сторонники Ярослава, в частности, сын бывшего ставленника суздальцев Твердислава Степан Твердиславич организовал выступление против посадника Водовика. В ответ посадник погромил дворы сторонников Степана Твердиславича, из которых некоторые были убиты, а другие бежали. Тем не менее летопись отметила растерянность среди бояр-правителей.

В 1230 г. в Новгороде произошёл новый переворот. Под руководством Степана Твердиславича городская и сельская беднота была поднята на разгром имений черниговской партии бояр; разорению подверглись «двор и сёла» посадника Внезда Водовика, его брата, тысяцкого Бориса Негочевича и др. Все они бежали в Чернигов. Посадником стал Степан Твердиславич, тысяцким — Микита Петрович, разграбленное имущество своих противников они в демагогических целях поделили среди жителей Новгорода по сотням, городским и областным.

В город был приглашён в четвёртый раз князь Ярослав, тогда же и псковские бояре приняли княжеского наместника Вячеслава Гориславича. Правда, вскоре же Ярославу пришлось уехать в Переяславль, где собирался княжеский съезд по вопросу о владимиро-черниговском конфликте из-за Новгорода, но он вновь оставил в Новгороде своих сыновей Фёдора и Александра.

Кроме того, князь поспешил освободить своих сторонников от оплаты строительства новгородского моста. Он издал специальный «Устав о мостах», по которому денежные взносы на строительство были разверстаны по улицам и сотням города и по сотням Новгородской земли среди горожан и смердов. Под угрозой владимиро-суздальского войска черниговский князь отступил от претензий на Новгород.

Между тем в Новгороде свирепствовал голод, потому что в тот год по всей Руси был неурожай. Бояре и купцы спекулировали зерном.

Страшные дни стояли в городе, когда «сусед суседу не уломляше хлеба», когда дети городской бедноты умирали с голода и «бяше туга и печаль, на улици скорбь друг с другом, дома тоска, зряще [на] детий плачуще [прося] хлеба, а другая уми-

рающа»; бедняки продавали богатым своих детей в рабство. Дело доходило до того, что «простая чадь (т. е. простой народ) резаху люди живыя и ядаху», а другие, доведённые до отчаяния, «пochaша добрых (т. е. богатых) людий domы зажигати, где чаюче рожь, и тако разграбливахут имение их». Только в 1231 г., когда в Новгород прибыли корабли с зерном, положение изменилось. В 1232 г. в Новгород возвратился князь Ярослав.

За время его отсутствия большая группа бояр из антисуздальской партии — бывший тысяцкий Борис Негочевич, сын бывшего посадника Пётр Водовикович и другие проникли в город Псков, где встали у власти, арестовав княжеского «мужа» Вячеслава Гориславича. В Новгороде тоже имели место отдельные антикняжеские выступления. Прибывший князь блокировал торговлю Пскова, арестовал псковичей, бывших в Новгороде, и принудил псковские власти, во-первых, изгнать Бориса Негочевича и бывших с ним; во-вторых, принять княжеского наместника князя Георгия Мстиславича, сына Мстислава Удалого. Характерно, что враждебные князю бояре-изгнанники ушли за рубеж, к немцам в Оденпэ. Пользуясь удобным моментом, немецкие крестоносцы начали нападения на собственно русскую землю.

В следующем 1233 г. бояре-изменники, или, как их именует летопись, «Борисова чадь», соединившись с немцами и привлекши на свою сторону князя-изменника Ярослава (сына псковского князя Владимира Мстиславича), напали на новгородский город Изборск. Однако псковичи захватили их здесь в плен и передали князю Ярославу. Так феодально-боярская оппозиция в Новгороде смыкалась с силами немецких захватчиков. Требовались срочные меры. Они и были приняты князем Ярославом.

В 1234 г. он привёл «полки своя» и двинул их вместе с новгородскими силами в поход на Юрьев. Русское войско подошло к городу и начало разорять окрестности. Немцы выступили из Юрьева и Оденпэ и, столкнувшись с русскими дозорами, сражались с ними до подхода основных русских сил. Русские опрокинули немецкое войско, убили «лучших немец (т. е. рыцарей) неколико» и загнали их на реку Эмбах; как рассказывает летописец, «ту обломиша [лёд] и истопе их много, а инии язвени вобегоша» в Юрьев, а другие — в Оденпэ. В тот поход русские войска «много попустошиша земле их и обиление потратиша». После этого похода немцы «поклонишаася» Ярославу Всеволодовичу, и он «взя с ними мир на высей правде своей». Успешный русский поход 1234 г. на несколько лет упрочил русско-немецкую границу.

Походы русских войск должны были способствовать сохранению прав Новгорода или Пскова на сбор дани в Толове, Лэтигалии и в отдельных землях эстов, но немецкая оккупация части этих территорий, повидимому, сохранялась. Ярослав Всеволодович княжил в Новгороде до 1236 г., когда он, оставив

Новгород, вмешался в борьбу черниговских, смоленских и волынских князей за Киев и сам стал князем киевским. Уходя в 1236 г. в Киев, он «в Новгороде посадил сына своего Александра»; так семнадцатилетний Александр Ярославич стал князем новгородским.

В это время немецкие рыцари получили тяжёлый удар со стороны литовцев.

В течение первой трети XIII в. Новгороду, Пскову и охранявшим их князьям приходилось не раз иметь дело с нападениями литовцев. До 40-х годов XIII в. это были грабительские набеги мелких князьев, искавших добычи; последние, как говорили тогда на Руси, «татем (воровски) воевахуть». Но позднее, с укреплением великокняжеской власти в Литве, особенно же после татаро-монгольского нашествия на Русь,— овладение Полоцком, Смоленском и Витебском стало одной из задач государственной политики великого княжества Литовского. Древнерусское относительно единое раннефеодальное государство сложилось при Миндовге, который, имея опору в русских землях и большой дружине, силой подчинял местных князей (нальшанских, жмудских и др.), обеспечивая феодализирующуюся знать власть над народом и одновременно возглавляя борьбу литовских племён против крестоносцев.

В рассматриваемое же время, однако, гораздо чаще можно было наблюдать совместные русско-литовские действия, направленные против вторжения немецких захватчиков. Немецкие крестоносцы, продвигаясь по восточной Прибалтике, в то же время стремились обосноваться и на литовских землях, встречая, правда, почти всегда сурный отпор. Крестоносцы понимали, что они не могут считать свои позиции в Прибалтике прочными, пока Литва свободна и независима.

Поэтому, достигнув в основном своих целей в землях ливов и эстов немецкие феодалы начали подготовку к походу на Литву. Пробный набег магистра Волквина на литовскую землю был успешным: немцы угнали две с половиной тысячи лошадей. В 1236 г. в Ригу прибыло много крестоносцев, и был организован большой поход на Литву, окончившийся, однако, полным поражением. Немецкие захватчики в битве под Шавлями (Шауляй) были разбиты наголову. В этой битве были уничтожены магистр Волквин, предводитель крестоносцев из северной Германии Газельдорф и свыше сорока других крупных рыцарей. О разгроме свидетельствует и тот факт, что из 200 псковичей, отправленных псковскими боярами в помощь «союзной» Риге, лишь «каждо десятый придоша в domы своя». Успеху боя способствовал переход семигальских войск на сторону литовцев.

Шауляйская битва — важная веха в борьбе литовского народа и всех народов восточной Прибалтики против немецкого вторжения. В результате этого поражения немцы к западу от Даугавы оказались отброшенными едва ли не к границам 1208 г.,

а литовский великий князь Миндовг восстановил своё влияние в Куронии и Семигаллии.

Это крупное поражение побудило немцев объединить все свои силы. Ещё в начале XIII в. участились набеги литовских князей на соседние польские земли — Хельминскую область, Мазовию и Куявию, и польский (мазовецкий) князь Конрад, стремясь обезопасить свои владения от их набегов, допустил роковой политический просчёт: он отказался от союза с русскими волынскими князьями, поддерживавшими дружбу с Литвой, и пригласил на помочь против Литвы и Руси немецких рыцарей Тевтонского ордена.

Этот духовно-рыцарский орден был основан немцами-крестоносцами в 1198 г. в Палестине, где они сражались в составе армии крестоносцев против мусульман. Предвидя, однако, печальный исход этой ближневосточной авантюры правителей феодальной Европы, «добротные» рыцари, предводимые магистром Германом фон Зальца, постепенно перенесли центр своей деятельности на европейский континент.

Тевтоны обзавелись землями в Германии и Силезии, а затем при содействии папы Гонория III, по приглашению венгерского короля, обосновались в Семиградье, посулив королю нести охрану его восточных границ от половцев. Однако венгерский король, убедившись вскоре, что крестоносцев больше интересует венгерская земля, чем войны с кочевниками, выслал их в 20-х годах из страны, отказавшись от услуг сомнительных наёмников.

Вскоре после этого Конрад Мазовецкий и обратился к магистру Герману, предлагая его ордену поселиться на Висле и воевать против Литвы с тем условием, что ордену отойдут земли, отнятые у литовцев. Герман Зальца ловко воспользовался удобным случаем: он немедленно добился утверждения папой и императором «пожалования» князя Конрада и стал действовать в Хельминской земле и в земле пруссов самостоятельно, на правах имперского князя. Так обосновались на польской земле ее злейшие враги — немецкие крестоносцы. Их орден, в отличие от действовавшего на Даугаве Ливонского ордена, назывался Прусским, или Тевтонским. В 1230 г. Зальца послал в Хельминскую область отряд орденских рыцарей во главе с ландмейстером Германом Балка, и началось кровавое завоевание земли пруссов. завоевание, длившееся более полутора столетий.

«Для обремененного долгами голодного немецкого рыцарства, — писал Маркс, — это занятие было гораздо более удобным, чем опротивившее ему дело в святой земле; немецкие горожане присоединились к рыцарству, так как им было разрешено «основывать» свободные города; так же и «свободное крестьянство», которому была предложена собственность на сносных условиях.

«Рыцари» неистовствуют, как испанцы в Мексике и Перу; пруссы храбро сопротивляются, но все более и более изнемо-

гают».¹ Следовательно, крестоносцы сумели обеспечить себя достаточноенным притоком людских пополнений из Германии; кроме того, они широко использовали разногласия в среде славянских и литовских правителей.

В 1231—1232 гг. на Висле были сооружены опорные пункты крестоносцев — замки Торн (Торунь) и Кульм (Хельмно); в 1233 г. был построен замок Мариенвердер, закрепивший захват земли пруссов ниже по Висле. В том же 1233 г. папская курия объявила крестовый поход в помощь тевтонам. Пользуясь своей властью, курия сумела привлечь к походу князей польских и тесно связанных с ними князей поморских. Прусы были разбиты на реке Сигрунне. Эта победа обеспечила крестоносцам продвижение к Фришгафу и по его побережью — до реки Прегель. Здесь были построены крепости Эльбинг, Бальга, Крейцбург и др. К началу 40-х годов крестоносцы обосновались довольно прочно на побережье южной и западной Пруссии.

В конце 30-х годов Конрад Мазовецкий попытался использовать тевтонов и для борьбы с галицко-волынскими князьями, которые попрежнему сохраняли союз с Литвой и имели устойчивые позиции также в земле ятвягов. Мазовецкий князь направил на Волынь отряд рыцарей во главе с магистром Бруно; он «ожаловал» рыцарям русский город Дорогичин, которым сам не владел.

Однако волынский князь Даниил Романович решительно пресек попытку тевтонов продвинуться на юго-восток, в русские земли. По словам волынского летописца, он заявил: «не лепо есть держати наше отчины крижевникомъ (т. е. крестоносцам) тепличемъ (т. е. храмовникам) ... и поиодаша на не в силе тяжьце» и «приаста град (Дорогичин)... а старейшину их Бруна яша и вои изоимаша».

Это произошло в марте 1237 г.

Итак, немецкое вторжение в Восточную Европу охватывало всю Прибалтику, Литву, угрожало северо-западной и даже юго-западной Руси. Конечно, такие операции немецких Ливонского и Прусского орденов были возможны только потому, что они получали непрерывную и всё возрастающую поддержку крупнейших политических сил тогдашней Западной Европы — империи и папства.

Поражения, нанесённые немецким крестоносцам на Эмбахе (1234), при Шавлях (1236), в Дорогичине (1237), не остановили немецких феодалов для продолжения захватнических войн; для подготовки к вторжению в собственно Русь и великое княжество Литовское требовалось объединение сил агрессоров, в частности, Ливонского и Прусского орденов.

В результате длительных переговоров, при деятельном участии папской курии, объединение было достигнуто, о чём папа

возвестил буллой от 12 мая 1237 г. После объединения магистр Ливонского ордена стал подчинённым ландмейстером ордена Тевтонского.

Наступление на Русь потребовало также объединения сил немецких и датских крестоносных феодалов. С помощью папской курии в 1238 г. было заключено немецко-датское соглашение в Стенби, по которому, в частности, определялись немецкие и датские владения в Эстонии.

Из Германии и Дании прибывали свежие пополнения в Ригу и Ревель. Готовилось новое наступление на Русь, само существование которой порождало постоянную тревогу у крестоносных грабителей, обосновавшихся на её границах.

Исторические судьбы Руси сложились так, что именно в эти годы русской земле был нанесён второй страшный удар с востока, со стороны татаро-монголов.

¹ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. V, стр. 342.

Глава шестая

БОЛЬБА РУССКОГО НАРОДА С ТАТАРО-МОНГОЛЬСКИМ НАШЕСТВИЕМ

Татаро-монголы после битвы на Калке (1223) и понесённого ими поражения на Волге не оставили планов продвинуться на запад. На курультаях в 1229 и 1235 гг. в Каракоруме обсуждался вопрос о походе на Европу.

Русские, в частности владимиро-суздальские, князья знали о подготовке наступления, так как через князя Юрия Всеволодовича было переслано татарское письмо венгерскому королю Беле IV, от которого монголы требовали покорности; кроме того, во Владимирской летописи под 1229 г., например, отмечено отступление пограничных сторожевых булгарских отрядов на реке Яик под ударами татар («сторожевые болгарьскии прибегоша бъени от татар близ рекы ей же имя Яик»).

В 1236 г. монгольские правители приняли решение о походе для завоевания всей Европы. Во главе сотен тысяч войск был поставлен внук Чингис-хана — Бату (Батый). В 1236 г. татаро-монголы вышли на реку Каму и полностью разорили землю местных булгар: «и взяша славный Великий город болгарский и избиша оружием от старца и до уного и до сущего младенца, и взяша товара множество, а город их пожегша огнём, а всю землю их плениша».

Пройдя сквозь мордовские земли, завоеватели зимой 1236 г. вступили в Рязанское княжество: «Того же лета на зиму придоша от восточные страны на Рязанскую землю лесом безбож-

нии татари и почаша воевати Рязанскую землю и пленоваху и...». Они отправили послов к рязанским князьям, требуя у них десятую часть всего, чем те владели: «просяще у них десятины во всем: и в людех, и в князех, и в коних — во всякомъ десятоё».

Рязанские князья собрались во главе со старшим Юрием Игоревичем на совет и в надежде на поддержку со стороны владимирского князя ответили послам: «аще нас всех не будеть, то все то ваше будеть», а сами послали за помощью к Юрию Всеволодовичу во Владимир и к Михаилу Всеволодовичу — в Чернигов. Но ни тот, ни другой не помогли рязанцам. Новгородский летописец, выражая общее недовольство близорукой политикой владимирского князя, враждовавшего с Рязанью, писал: «Юрии же сам не поиде, ни послуша князей Рязанских молбы, но сам хоте особь брань створити».

При таких условиях рязанцам ничего не оставалось, как перед лицом огромного численного превосходства татаро-монголов укрыться в своих крепостях. Героически, но в одиночку погибли один за другим рязанские города. Рязань шесть дней выдерживала осаду, а на седьмой, 23 декабря 1237 г., город был взят, жители перебиты или сожжены, погибли все воины и воеводы во главе с князем Юрием Игоревичем — «вси равно умроша». Следом пали Пронск и другие города, и «ни един от князей друг другу не поиде на помощь». Правда, Юрий Всеволодович приспал на рязанское пограничье дозорный отряд воеводы Еремея Глебовича, который, однако, вместе с рязанским полком был окружён в Коломне, где «бишася крепко», но был в конце концов весь истреблён. Рязанская земля подверглась полному опустошению. О степени её разорения повествует древнее сказание: «Град и земля Рязанская изменися... и отиде слава ея, и не бы что в ней благо ведати, токмо дым и земля и пепел».

От Коломны в начале 1238 г. татаро-монголы подступили к Москве. Москвичи стойко оборонялись под руководством воеводы Филиппа Нянка, но были, наконец, побеждены и многие истреблены: «а люди (в Москве) избиша от старца и до сущего младенца»; город и окрестные села татары сожгли. Далее татарские полчища направились к Владимиру; князь Юрий Всеволодович, отклонив предложенный татарами «лживый мир», вышел с войском из города по направлению Ярославля, собирать дополнительные силы. З февраля 1238 г. враги осадили город Владимир — столицу Северо-Восточной Руси; жители города «начаша крепко боротися». Но во главе обороны стоял молодой князь Всеволод Юрьевич, не сумевший должным образом возглавить отпор врагу.

Пока часть татар окружала город осадными машинами, подготавливая штурм, другие рати монголов рассредоточились по всему княжеству, «коии же идоша к Ростову, а ини же к Ярославлю, а ини на Волгу и на Городец, и те поплениша все по Волзе и до Галича Володимерьского, а ини идоша к Перея-

лавлю, и тот град взяша, оттоле всю страну ту и город[а] мнози поплениша: Юрьев, Дмитров, Волок, Тверь... и до Торжку, несть места идже не повоеваша, и по всей стране Ростовской и Сузdalьской земли взяша городов четырнадесяте (т. е. 14), опроче (т. е. не считая) слабод и погostов».

Особым отрядом был занят город Сузdalь, где татары «двор княж огнем пожгоша», а что касается людей «старыя и моло-дыя... то все иссекоша, а прочие люди и жены и дети босы и беспокорны, изыхающим им от мраза, и бе тогда видети трепет велий зело», и всё это «множество полона» татары «сведоша во станы своя».

Между тем за Владимир шла жестокая борьба — татары решили во что бы то ни стало взять столицу и «борющюся крепко о град», бросая против него всё новые массы войск. Наконец, была разрушена стена, город подожжён, татары ворвались в жилые кварталы, и началось поголовное истребление жителей. Столица Владимира-Сузdalьской Руси подверглась неистовому разорению.

Далее основная часть войска под командованием Бурундая двинулась на север против князя Юрия, и 4 марта 1238 г. на берегу реки Сити владимирские полки во главе с князем Юрием были окружены огромным татарским войском и мужественно сложили свои головы, защищая русскую землю. Чтобы князю Юрию не оказал помоши Новгород, в котором правил его племянник Александр Ярославич, татаро-монголы предусмотрительно осадили лежавший на Новгородской земле пограничный Торжок.

Небольшой город мужественно защищало население, простой народ: «оступиша (татары) град Торжок... и биша пороки (осадными машинами) по две недели и изнемогоша люди в городе, а из Новагорода не бысть им помоши». Новгородское боярство решило отсиживаться в своём городе, и Торжок пал 5 марта 1238 г. Далее путь татаро-монголов лежал на Новгород, но весенняя распутица застала их по дороге, и они не дошли до него «за сто верст». Их цель была — завоевание всей Европы, и татарские правители, повидимому, понимали, что, владея Поволжьем, они поставят боярскую республику под свой контроль.

Поэтому татаро-монголы повернули обратно; они прошли по восточным землям Смоленского и Черниговского княжеств. Здесь русские города также оказали им ожесточённое сопротивление. Из всех городов русский летописец особо отметил город Козельск, жители которого в течение семи недель выдерживали осаду татаро-монгольской армии.

Козельцы, говорит летописец, «ум крепкодушный имели» и сражались до последнего человека на разрушенных стенах горящего города; неоднократно бои переходили в рукопашные схватки, когда «козляне на ножи резахуся» с татарами. В бою пало немало врагов, в том числе «три сыны темничи» (т. е.

командующего «тьмой» — 10 000 войском). Взяв, наконец, развалины Козельска, Батый буквально стёр город с лица земли и «изби вся и до отроча же сосущи млеко». Таким образом, почти на два месяца задержал татаро-монгольскую армию героический Козельск.

Стойкая и мужественная оборона русских городов спутала расчёты монгольских завоевателей; полки поредели, а впереди была ещё половина Руси, и татаро-монголы, повернув обратно, ушли за Волгу, чтобы, пополнив свои войска, продолжить завоевание Европы.

Осенью 1239 г. хан Батый, выступив из-за Волги, вновь двинулся на Русь, теперь уже на южную и юго-западную; лишь вспомогательный отряд был послан на север, где подчинил мордовскую землю и вышел к Мурому на Оке, который и занял, вызвав своими действиями в разорённой Сузdalьшине «пополох велик по всей земли». Главное войско двигалось в Киевщину. С боем, «копьем» Батый занял Переяславль и «изби и весь», затем — Глухов в Черниговской земле, а в октябре 1239 г. был окружён Чернигов, который после жестоких боёв татары 18 октября «взяша и запалиша огнем».

Между тем в Киеве произошли перемены. Ещё в 1237 г. князь Ярослав Всеволодович покинул город и ушёл в Сузdalскую землю, где и переждал татаро-монгольский погром; в Киеве же обосновался князь черниговский Михаил Всеволодович. С приближением татар он покинул город и уехал в Венгрию, а галицко-волынский князь Даниил Романович прислал сюда своё войско во главе с воеводой Дмитром, которому и поручил держать оборону бывшей столицы русской земли.

Выйдя на берег Днепра, хан Батый был поражён величием Киева, он «удивился красоте его и величеству»; хан привёл под Киев огромное войско, он пришёл «в силе тяжце многом множеством силы своей»; при войске татар находились их крупнейшие воеводы, такие, как Субедэ, Бурундай, Гуюк и другие.

Киев был окружён множеством осадных машин, которые «беспрестаны» днём и ночью обстреливали город, ломали стены; но жители героически задевливали проломы; «и ту бяше видити лом копейный и щитов скепание, стрелы омрачиша свет»; горожане защищали Киев «на избитие», т. е. стояли на смерть. Наконец враг прорвался в город через огромные проломы, и 19 ноября 1239 г. Киев пал. Как и в других городах, русские воины и жители подверглись массовому истреблению, тысячи людей были уведены в рабство. Самому воеводе Дмитрю, который израненным был захвачен в плен, Батый сохранил жизнь, «мужества ради его».

Сокрушив древний Киев, татаро-монгольские захватчики устремились в начале 1240 г. далее на запад — в Галицко-Волынскую Русь. В результате упорных боёв, «копьём» были заняты столичные города Галич и Владимир-Волынский, в кото-

рых монгольское войско уцелевших жителей «изби не щадя», а также были захвачены «инии грады мнози, им же несть числа». Местные князья, а также население приграничных земель укрывалось за рубежом; князь Даниил уехал в Венгрию.

Таким образом, для завоевания Руси татаро-монголы потратили 1236—1240 гг., понесли значительные потери в людях и технике и вышли за западные рубежи русской земли значительно ослабленными. Героическая оборона русским народом родной земли, родных городов явилась решающей причиной срыва плана татаро-монгольских захватчиков по завоеванию всей Европы.

Уходя из пределов Руси на запад, монголы решили создать в районе западной Киевщины продовольственную базу. Войдя в контакт с местным боярством Болоховской земли, монгольские захватчики не разорили здешних городов и сёл, но обязали население снабжать своё войско зерном: «оставили бо их татарове, да им оруть пшеницио и проса». Однако галицко-волынский князь Даниил, полагая, что татары навсегда «сошли суть из земли русской», возвратившись в Галичину, предпринял поход на болоховских бояр-изменников, земли которых были расположены на стыке границ княжеств Киевского, Галицкого и Волынского. Он «грады их огневи предастъ и гребля их раскопаша», подорвав тем самым снабжение монгольских войск.

Из Галицко-Волынской Руси одна часть татаро-монгольского войска под командованием Бурундая двинулась весной 1241 г. на Польшу, а другая, предводимая Батыем, на Венгрию. Польский сандомирский князь Болеслав «Стыдливый» был разбит у Ополя (между Люблином и Сандомиром), татары заняли и разорили Люблин, Завихост, Сандомир. От Сандомира часть войск направилась в Великую Польшу, а другая — в Малую Польшу — на Краков и Вроцлав. Краков был разорён, а во Вроцлаве горожане сумели отстоять цитадель.

У Лигница 9 апреля 1241 г. большое войско под командованием краковского князя Генриха «Благочестивого», подкреплённое «союзными» прусскими крестоносцами, было наголову разбито татаро-монголами, которые, согласно преданию, отправили в далёкую Монголию девять мешков с правыми ушами убитых как наглядное свидетельство успеха своего оружия.

12 апреля 1241 г. другая татарская армия Батыя разгромила шестидесяттысячное войско венгерского короля Бела IV; сам король бежал через Австрию в Загреб.

Но ослабленные непрерывными многолетними боями татаро-монголы не пошли ни на Австрию, ни на Богемию, где чешский король Вацлав I проводил деятельную подготовку к обороне.

В феврале 1242 г., когда замёрз Дунай, все татаро-монгольские силы разделились на две части: одна под командованием Батыя продолжала завоевание Венгрии, где обосновалась на-

столькоочно прочно, что сумела наладить даже выпуск собственной монеты, другая армия, предводимая Киданем, пересекла Драву, вступила в Хорватию и разорила Загреб.

Завоевание Руси, Польши, Венгрии монголами вызвало большой страх в Европе, лихорадочно готовились к обороне такие отдалённые города, как Любек и Нюрнберг; страх достиг и берегов Англии, где одно время был даже прерван выход судов в море для ловли сельди из опасения перед татаро-монголами.

В конце 1242 г., получив известие о переменах в великоханском правительстве Монголии, а, главное, понимая, что сил нехватает ни для завоевания всей Европы, ни даже для удержания в руках того, что захвачено, Батый принял решение о возвращении на восток. Одна часть войска шла по маршруту Босния — Сербия — Болгария — южная Русь; другая, разграбив окрестности Дубровника (Рагуза), предав огню Котор (Каттаро) и селения близ Скутари, вышла через Болгию к низовьям Дуная, где встретилась с войском Батыя, прошедшим через Трансильванию и Молдавию. Следовательно, татаро-монголы пробыли за пределами Руси около двух лет.

За время своего нашествия они разорили ряд стран Восточной Европы и более всего — Русь, которая вследствие этого была ими превращена в вассальную, зависимую от хана страну, хотя далеко не все русские земли были в равной степени опустошены нашествием; если Северо-Восточная Русь, к тому же и географически ближе расположенная, была весьма сильно, за исключением, может быть, Ростовской земли, опустошена, то юго-западная Русь сумела достаточно быстро оправиться от последствий нашествия; наконец, северо-западная Русь (Новгород, Псков, Полоцк, Витебск, Смоленск) в основном не знали ужасов нашествия.

Глава седьмая

РЕШАЮЩИЕ ПОБЕДЫ РУССКОГО НАРОДА НАД ШВЕДСКИМИ И НЕМЕЦКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ

Положение в северо-западной Руси в эти годы было тревожное. Русскую землю опустошали татаро-монголы, а на северо-западные границы Новгородской земли стягивались силы немецких, датских и шведских крестоносцев; в то же время Литовское княжество пыталось присоединить уцелевшие от татаро-монголов земли Смоленска, Витебска и Полоцка.

В этот трудный момент князь новгородский Александр и его отец Ярослав Всеволодович, ставший владимиро-суздальским князем после гибели князя Юрия на Сити, приняли ряд срочных мер по укреплению русской западной границы.

В 1239 г. Ярослав Всеволодович изгнал из Смоленска обосновавшегося там литовского князя. Владимирские князья постоянно стремились не выпускать Смоленска из-под своего влияния. Смоленск, а равно экономически связанные с ним Витебск и Полоцк, имели «вольный путь» по Двине в море, признанный по соглашению 1229 г. немецкими рыцарями и рядом северо-германских городов. Кроме того, смоленские купцы вели торговлю в Суздальской земле.

В том же 1239 г. Александр Ярославич женился на Александре, дочери полоцкого князя Брячеслава; венчался князь в Полоцке, а брачную кашу ел в Торопце — опорном пункте

антилитовской обороны, тем самым подчеркнув политическое значение своего брака.

Наконец, в том же 1239 г. князь Александр «с Новгородци сруби городци по (реке) Шелоне», вдоль которой проходил путь с запада. Принятые меры принесли результаты — в течение ближайших лет Литовское княжество не нарушило русских границ.

Иначе сложились дела на северо-западной границе. Немецкие крестоносцы готовили решительное вторжение в Русь. Особая опасность заключалась в том, что на этот раз к походу была привлечена Швеция. Шведские феодалы первыми двинулись в наступление.

Русско-шведские противоречия возникли не вдруг; они, как мы видели, ясно обнаружились ещё в XII в. Невская битва была лишь одним из важнейших этапов ожесточённой борьбы между Новгородской Русью и Швецией в восточной Прибалтике.

Повидимому, в эти годы новгородское правительство приняло какие-то меры для восстановления своих позиций в землях еми и суми. Такой вывод позволяет сделать содержание буллы (послания) папы Григория IX, отправленной им 9 декабря 1237 г. главе шведской церкви архиепископу Упсалскому. «Как сообщают дошедшие до нас ваши письма,— писал папа,— народ, называемый тавастами (т. е. финны.— В. П.), который когда-то большим трудом и заботами вашими и ваших предшественников был обращён в католическую веру, ныне стараниями врагов креста — своих близких соседей (т. е. русских.— В. П.) снова обращён к заблуждению старой веры и вместе с некоторыми варварами, и с помощью дьявола совершенно уничтожает молодое насаждение церкви божией в Тавастии».

Григорий IX призывал шведских феодалов с оружием в руках выступить против финнов, чтобы в этих трудных условиях «с тем большей охотой поднялись бы мужи богообязненные (так имеет папа шведских феодальных захватчиков.— В. П.) против наступающих отступников и варваров... поручаем братству вашему апостолическим посланием: где бы только в означенном государстве (т. е. Швеции.— В. П.) или соседних островах ни находились католические мужи, чтобы они против этих отступников и варваров подняли знамя креста и их силой и мужеством изгнали по побуждению благодетельного учения».

Из этой буллы следует, что неудачи шведских феодалов в земле финнов объясняются вмешательством русских. Причём неудачи эти были настолько велики, что папская курия в целях поддержки шведских крестоносцев провозгласила крестовый поход и против финнов и против русских. Как видим, положение было здесь сходно с тем, что мы наблюдали в земле лэттов и эстов. Можно думать, что папская булла, поскольку она основана была на информации из Швеции, правильно передаёт сложившееся при королевском дворе убеждение, что шведские по-

зиции в земле финнов и в заливе не могут быть упрочены до тех пор, пока не будет подчинена не только земля еми, но и сама Новгородская Русь. Что вообще положение шведов в финской земле было не из лёгких, можно заключить и из того, что в 40-х годах XIII в. сам престарелый епископ Томас «из страха перед русскими и карелами» оставил свой пост и отправился доживать свои дни на остров Готланд.

Следовательно, папская курия участвовала в подготовке наступления на Русь не только с запада, где она содействовала в том же 1237 г. объединению сил ливонских, прусских и датских крестоносцев, но и с севера, поддерживая организацию крупного наступления шведских феодалов. Шведское правительство решило направить экспедицию не столько против еми, сколько против Новгородской Руси. Целью похода был захват Невы и Ладоги, а в случае полной удачи — Новгорода и всей Новгородской земли. Захватом Невы и Ладоги сразу достигались две цели: во-первых, земли финских племён отрезались от Руси, а лишённые русской поддержки, они гораздо легче могли стать добычей шведских феодалов; во-вторых, с захватом Невы в руки Швеции переходил единственный для Новгорода (и для всей Руси) выход к Балтийскому морю, т. е. вся внешняя торговля Руси на северо-западе поступала бы под шведский контроль.

Едва ли можно сомневаться в том, что выступление Швеции было согласовано с действиями ливонских крестоносцев, которые в том же 1240 г. предприняли наступление на Изборск и Псков, причём не как обычно зимой, а летом. Косвенным подтверждением этого соглашения является сообщение «Жития» князя Александра о том, что шведский король решил выступить лишь после того, как «слышав» об Александре Ярославиче от немецких крестоносцев.

Для похода на Русь шведское правительство короля Эриха «Картавого», ярла (князя) Ульфа Фаси¹ и зятя короля Биргера выделило значительное войско. Охотников поживиться русскими землями, не разоренными татаро-монголами, нашлось немало: шли шведские духовные и светские рыцари-феодалы, искавшие в грабительском походе земель и средств поправить свои дела; шли крестоносцы-рыцари — профессионалы, искавшие богатства и славы; шли, наконец, просто отбросы общества — знатные нищие, спешившие туда, где, казалось, можно было поживиться без особого риска. Грабительский смысл похода прикрывался разговорами о необходимости распространить среди русских «истинное христианство» — католицизм.

К походу были привлечены и норвежские феодалы («Мурмане», как их именует летописец), а также вспомогательные финские отряды из покорённых частей земли еми и суми.

¹ Что ярлом был не Биргер, а Ульф Фаси, нам указано И. П. Шескольским, за что приносим ему благодарность.

К части князя Александра Ярославича нужно сказать, что в 1239 г. он позаботился не только об охране западных, но и северных границ, установив тщательную охрану залива и реки Невы. Места там были труднопроходимые и пути шли только вдоль рек. В районе реки Невы, к югу от неё, между Вотьской (с запада) и Лопской (с востока) новгородскими волостями находилась Ижорская земля. Здесь жило небольшое племя — ижоряне, его социальная верхушка уже владела землёй, приняла христианство и несла службу новгородским властям. В частности, «муж старейшина в земли Ижерской» по имени Пелгусий крестился, принял имя Филиппа, хотя основная масса населения оставалась в язычестве. В Ижорской земле имелся и «тиун», т. е. судебный чиновник, поставленный Новгородом.

Старейшине Пелгусию была поручена князем Александром «стража морская», т. е. охрана путей к Новгороду с моря; «стражи», повидимому, стояла по обоим берегам залива, как сказано в «Житии» Александра — «при краи моря, стерегущу обои пути».

Описание прихода шведских войск и их разгрома составил современник князя Александра, вероятно, один из его дружиных. Позднее митрополит Кирилл включил это описание в состав «Жития» Александра.

О себе автор описания говорит так: «Аз худый и грешчый малосмыленный покушаюсь написати житие... князя Александра... понеже бо слышахом от отецъ своихъ и самовидецъ есмъ возраста его, и сице рад быхъ исповедал... славное и честное житие его». Вот что узнаём мы от этого «самовидца».

Однажды на рассвете июльского дня 1240 г., когда Пелгусий лично нес охрану Финского залива, он вдруг «услыша шум стражен по морю». Это шли шведские корабли, «многы зело», посланные в поход королём, который «собра вой множество, силу велику зело: свея (шведы) с князем и с пискупы (епископами) своими и мурмане и сумь и емь». Пелгусий поспешил в Новгород и сообщил князю о виденном. Шведская флотилия между тем прошла по Неве до устья реки Ижоры. Здесь было решено сделать временную остановку; очевидно, часть судов вошла в устье Ижоры, а другая, большая часть причалила к берегу Невы, вдоль которого предстояло плыть.

С причаливших судов были переброшены мостики, на берег сошла шведская знать, в том числе Биргер в сопровождении епископа, затем высадились и рыцари. Слуги Биргера раскинули для него большой, шитый золотом шатёр. Шведский предводитель не сомневался в успехе. В самом деле, положение Новгорода было не из лёгких, помочи ждать было неоткуда, и шведский полководец, «шатаяся безумием своим, хотяще въсприятии Ладогу, также и Новъград и всю область Новгородчкую», отправил посла в Новгород, приказывая передать князю: «Аще можеши противитись мне, королеве, то се уже есть зде и пленю

Поединок Александра Невского с Биргером (с картины Рёриха).

землю твою». Видимо, он не ждал сопротивления, считая, что без владимирских полков Новгород ему не страшен. Однако Биргер просчитался.

Достоверно известно, что князь Александр, получив это сообщение, собрал у Софии в Новгороде свою дружину, «укрепил» её речью и принял решение о немедленном выступлении на врага, поэтому, кроме дружины, он взял в поход немногих новгородцев: «уже бо приближишася ратни, тем же мнози новгородцы не совокупилеся бяху, понеже ускоре князь поити». Войско выступило из Новгорода и двинулось к Ижоре вдоль Волхова до Ладоги, где к нему присоединился отряд ладожан. Вполне вероятно, что и ижоряне участвовали в походе. К концу дня 15 июля всё войско подошло к Ижоре.

Тот факт, что Александр Невский ускорил выступление, конечно, объясняется его желанием нанести удар шведам, во-первых, неожиданно, во-вторых, именно на Ижоре и Неве. Из описания подвигов русских воинов складывается общее представление о плане битвы, предложенном Александром. Нужен был удар, сочетавший в себе внезапность, храбрость и хитрость, так как шведское войско было значительно многочисленнее русского; «иде на них в мале дружине», — сообщает летописец.

План этого удара исходил из того, что большая часть судов противника, направлявшегося к Ладоге, стояла у берега Невы, что значительная часть войска находилась на судах, так как остановка была временная, и что знатная, рыцарская, наиболее боеспособная часть войска находилась вместе с Биргером на берегу. Согласно плану, конная дружина князя Александра, вероятно, должна была ударить вдоль Ижоры и в центр расположе-

жения шведских войск; в то же время «новгородецъ именем Миша (видимо, из простых людей, так как летописец не приводит его отчества) сий пешь с дружиною своею», конечно, тоже пешей, должен был наступать вдоль Невы и, тесня шведов, уничтожать мостки, соединявшие корабли с сушей, отрезая шведам, опрокинутым неожиданным ударом конницы, и отступление и помощь.

В случае успеха этого плана численное соотношение войск на суше серьёзно улучшалось в пользу русских; двойным уда-

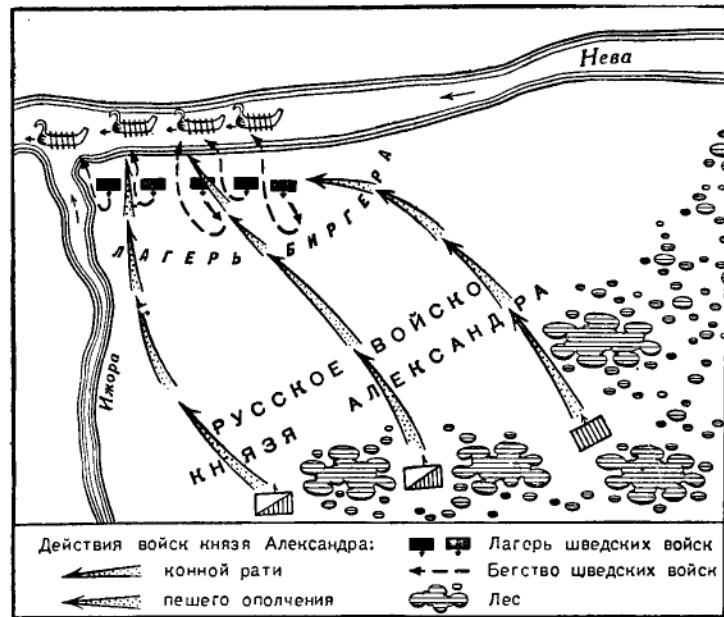

Схема Невской битвы.¹

ром вдоль Невы и Ижоры важнейшая часть вражеского войска оказывалася зажатой в углу, образуемом реками; в ходе боя пешая и конная русские рати, соединившись, должны были оттеснить врага к реке и сбросить его в воду.

В шесть часов вечера 15 июля русские войска внезапно обрушились на шведский лагерь. Летописец не оставил описания хода боя, но он сообщил о наиболее выдающихся подвигах русских людей; так, он говорит о центральном эпизоде боя, когда князь Александр, пробившись в центр расположения шведских войск, сразился с Биргером и тяжело ранил его копьём: «возложи [ему] печать на лице острым своим копьем»; тот же

¹ Схемы Невской битвы и Ледового побоища даются по эскизу автора.

«самовидец» сообщает, что один из «молодых» дружиинников — Савва — «наихав шатор великий и златоверхый [и] подсече столп шатерный». Падение шатра воодушевило русских воинов: «и полчи Александрове видеша падение шатра, и возрадовашася».

Говорит очевидец и об успешных действиях новгородского пешего ополчения, которое, продвигаясь вдоль берега Невы, не только рубило мостки, отбиваясь от шведов с суши и с реки, но даже захватило и уничтожило три шнеки: «наскочи, погуби три корабля».

Конная рать, бившаяся у Ижоры, тоже имела столкновения со шведами, бывшими на судах; так, в частности, дружиинник Гаврила Олесич, преследуя бежавших шведского епископа и королевича, ворвался вслед за ними по сходням на корабль: «нашедши на шнеку, и виде королевича, мчаща (т. е. убегающего) под руку», и «изоиха по д[о]ске (по ней же схожау) до самого корабля и втекоша пред ним в корабль». Произошёл беспримерный бой всадника с противником на судне. Шведам удалось сбросить Гаврилу Олесича в воду («свергоща его с ко-нем со д[о]ске в море»), но он сумел быстро выбраться «и опять наиха и бися крепко с самым воеводою посреде полку их»; им были убиты шведский воевода и епископ.

Бой шёл жестокий, русские воины были «страшны в яности мужества своего», а талантливый полководец Александр Ярославич сумел правильно нацелить удар по врагу. Как подчеркнул автор описания, «и бе мужество их с князем крепко».

Автор отметил подвиги ещё нескольких воинов — новгородца Сбыслава Якуновича, который «наихавше многажды биящеся единым топором, не имея страха в сердце и паде неколико от руки его»; ловчего княжеского полоцкого уроженца Якова, который «наихав на полк (шведский) с мечем, мужествовав много, и похвали его князь»; слуги княжеского Ратмира, который «бися пешь, и оступиша его мнози (шведы)», он после яростного боя «от многих ран падци и тако скончася».

Бой, проведённый в стремительном темпе, принёс блестящую победу русскому народу. Бесславно, в панике бежали шведские захватчики: «посрамлени отъидаша... и множество много их паде». Русские воины собрали трупы более знатных рыцарей, «накладше корабля два» и «пустиша и к морю» и «потопиша [они] на море»; прочих же, что навеки остались на русском берегу, «ископавше яму, вметаша [их] в ню бещисла».

План талантливого полководца Александра Ярославича, в сочетании с изумительным геройством и самопожертвованием простых русских воинов, обеспечил быструю и славную победу при наименьших потерях со стороны русских. Новгородцев и ладожан пало около двадцати человек. За умелое руководство боем и личное мужество, проявленное в битве, народ прозвал князя Александра Ярославича «Невским». Это прозвание осталось за ним в истории.

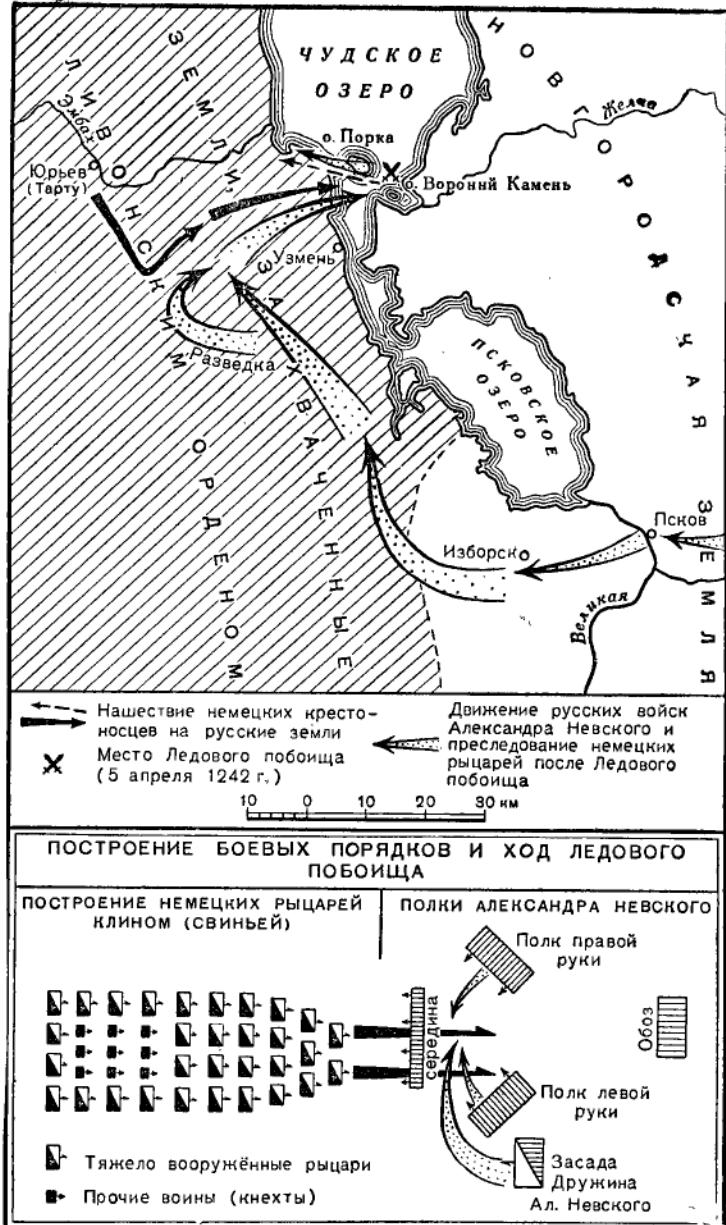
Так геройски сражались мужественные русские люди на крайнем рубеже родной Невы, отстаивая от врага северо-западную Русь, единственно уцелевшую от татарских полчищ, в то время как остальная русская земля дымилась в развалинах городов, сёл и слобод.

Борьба за устье Невы была борьбой всей Руси за сохранение выхода к морю; в форме решительных военных столкновений, как справедливо отметил член-корреспондент Академии наук СССР М. Н. Тихомиров, началась она именно при Александре Невском, и Невская битва была великим её этапом. Потеря берегов Финского залива уже в XIII в. означала бы полную экономическую блокаду Руси, оборвала бы её торговый обмен с другими странами и затруднила бы борьбу русского народа за независимость, за свержение татаро-монгольского ига.

Победа над шведскими захватчиками была, однако, лишь частью великого дела обороны родины. В том же 1240 г. немецкие крестоносцы, собранные из всех крепостей Ливонии, в том числе и из Оденпэ, Дерпта, Феллина, направляемые предателем, князем Ярославом Владимировичем, захватили русскую крепость Изборск. Когда об этом стало известно в Пскове, то местное ополчение, в которое вошли «вси и до души» боеспособные псковичи, выступило против немцев. Однако оно было разбито превосходящими силами противника. В неравном бою пал и княжеский воевода во Пскове Гаврила Гориславич; псковичей крестоносцы «гоняче, много побиша, а инех руками изоимаша».

Немцы, «пригонивше под град (Псков) и зажгоша посад весь, и много зла бысть, и погореша церкви, и честныя иконы и книги, и много сел попустиша» около города. Немецкие войска целую неделю осаждали Псков, однако взять его не смогли. Они и не взяли бы город, который выдержал в своей истории 26 осад и ни разу не открыл ворот врагу, если бы не бояре-изменники. После поражения псковских войск и гибели княжеского воеводы эти бояре-изменники, что «перевет держаче с немци», сперва добились того, что Псков выдал крестоносцам в залог детей «добрых муж», затем некоторое время прошло «без мира», и, наконец, боярин Твердило и другие «подовели» немцев во Псков. Опираясь на немецкий гарнизон, изменник Твердило «сам поча владети Пльсковом с немци». Власть его была только видимостью, а на деле весь государственный аппарат прибрали к рукам немецкие феодалы. Те из бояр, которые не согласились на измену, бежали с женами и детьми в Новгород. Изменник Твердило и его сторонники помогали немецким захватчикам, «воюя села новгородская». Таким образом, они продали русскую землю врагу, который нёс русским людям истребление, разорение и ярмо феодального рабства.

Положение было опасное, и меры для обороны нужны были срочные и суровые. Понятно, что князь Александр Ярославич, не рассчитывая на слишком большую помощь из недавно разо-

рённой Владимиро-Сузdalской Руси, возложил на новгородское боярство крупные расходы по подготовке к войне, а также, вероятно, после Невской победы постарался упрочить свою власть в республике. Новгородское боярство, ставя интересы своего кошелька выше интересов родины, вступило с князем в конфликт, в результате которого зимой 1240 г. «выиде князь Олександр из Новагорода к отцу в Переяславль с матерью и с женою и со всем двором своим, распревся с новгородціи».

В начале 1241 г. немцы начали всё чаще вторгаться в новгородские владения. Так, они вместе со вспомогательными отрядами эстов напали на землю воды.

Немцы поставили своей целью захватить не только землю воды, но и ижорян, а также — территорию вдоль Невы и Карелию. Папская курия даже «передала» все эти земли под юрисдикцию эзельского епископа Генриха. В апреле 1241 г. епископ Генрих в свою очередь заключил договор с рыцарями.

Тогда же немцы «учиниша» в копорском погосте укреплённый город. Летописец, сообщив об этом, продолжает, что «и не то бысть зло, но и Тесов (на реке Оредеж) взяша, и за 30 верст до Новагорода гоняшася; гость (т. е. купцов) биюще». Наконец, немцы стали воевать «семо Лугу и до Сабля», т. е. до Сабельского погоста, что лежал в 40 верстах от Новгорода. В это время, когда в Новгород из всех окрестных сёл и погостов сбегалось спасавшееся от немцев население, здесь вспыхнуло народное движение, поддерживавшее сторонников союза с владимиро-сузальскими князьями. Новгородские горожане, не желавшие в угоду корыстному боярству становиться рабами тевтонов, требовали организовать им отпор.

Новгородское вече отправило послов к Ярославу Всеволодовичу, и он отпустил к ним княжить своего старшего сына Андрея. Но последний не отличался особыми военными талантами и не подходил для столь ответственного дела. Поэтому собравшиеся на вече новгородцы послали к Ярославу Всеволодовичу владыку Спиридона «с мужи» просить к себе Александра Ярославича. В это время немцы, собрав полки, а также какие-то отряды из эстов и литовцев, продвигались вперёд. Они «поимаша по Луге вси кони и скот, и нельзе бяше орати по селом и нечимъ». Об этом сообщили послы Ярославу и он «вда... сына своего Александра опять». Любопытно, что вторжение ливонских крестоносцев в новгородские земли происходило в то время, когда их собратья — тевтоны Прусского ордена — терпели поражение от татаро-монголов при Лигнице.

Приезду мужественного князя «ради быша новгородци». В том же году князь Александр, собрав войско из новгородцев, ладожан, карел и ижорян, выступил против немцев и неожиданным ударом выбил их из Копорья: «князь же Олександр изыде на ня воскоре и изверже град из основания, а самех избиша,

Александр Невский у Вороньего камня (миниатюра).

а ови с собой поведоша». Тогда же была освобождена от немцев земля води. Захваченных изменников-переветников из числа води и эстов, перешедших на службу к немецким феодалам, князь приказал казнить.

Решительные действия Александра Ярославича и мужество русских и союзных им полков принесли первый успех, но главное было впереди. Известие о начале успешной войны против немцев вызвало новый взрыв антинемецких движений в земле эстов. В 1241 г. вспыхнуло восстание героических и непокорных эзельцев. Широко подготавливая контрнаступление на немцев, князь Александр Невский обратился за помощью во Владимир, и князь Ярослав Всеволодович отправил ему на помощь свои владимиро-суздальские «низовские» полки, которые и привёл в Новгород Андрей Ярославич.

Со всеми объединёнными силами, которыми тогда располагала Русь, князь Александр Ярославич вступил в землю эстов; от действий его войска зависела судьба Русской земли. Начав наступление на землю эстов, князь Александр вдруг свернулся ко Пскову и неожиданно, «изгоном» освободил от немцев и предателей-бояр этот древний русский город. Пленных немцев и эстов князь «сковал поточи» в Новгород, а псковские переветники-предатели, вероятно, разделили судьбу копорцев. Освободив Псков, Александр Ярославич опять повёл своё войско в землю эстов, дав право войску воевать «в зажития», т. е. нанося максимальный ущерб врагу.

Когда князь с войском находился на западном берегу Чудского озера, то здесь в районе селения Хаммаса русский дозорный отряд, предводимый братом новгородского посадника Домашем Твердиславичем и одним из «низовских» (тверских) воевод Кербетом, разведал основную массу немецких войск, завязал с ними бой и был разбит, при этом немцы убили «мужа честна» Домаша «и инех с ним, а инех руками изоимаша», остальные же «к князю прибегоша в полк». Таким образом приближалась решительная битва, которой искал князь и о которой с тревогой и надеждой думал народ и в Новгороде, и во Пскове, и в Ладоге, и в Олонце, и в Твери, и во Владимире.

Князь Александр отступил на лёд Чудского озера. Чтобы понять этот шаг выдающегося полководца, необходимо сказать несколько слов о военной организации ордена крестоносцев.

В средние века в Западной Европе ядро армии состояло из феодалов-рыцарей, которые сражались каждый в одиночку и в любой момент из страха или в погоне за добычей могли оставить поле боя. С этим безуспешно пытались бороться; так во время первого крестового похода было установлено резать носы и уши тем, кто до полной победы бросится грабить. Но эти меры не помогли. Крестовые походы достаточно ясно обнаружили слабость рыцарских армий, а нужда в постоянном войске привела к созданию рыцарских орденов.

Встреча новгородского и рыцарского войска на льду Чудского озера (миниатюра).

Орден являлся более или менее стройной военной организацией, с обязательным подчинением командирам, с известной дисциплиной и т. п. Вступая в орден, каждый рыцарь давал обет беспрекословного послушания. Уставы всех трёх орденов того времени — тевтонов,templиеров и иоаннитов — тщательно регламентировали поведение рыцарей в походе и в бою; орденские заправилы слишком хорошо знали своих «братьев», которые и в составе ордена мало чем отличались от разбойников. Организаторам Тевтонского ордена удалось создать по тому времени достаточно дисциплинированное, отлично вооружённое войско, которое в бою применяло специальный строй — клин, или, как его называют наши летописи, «свинью». Германцы издавна знали этот строй. По словам одного римского историка, так сражались варвары; описывая одну битву, он говорит, что отряды варваров напали, «выражаясь грубо, по-солдатски, строем, похожим по внешней форме на голову кабана».

Крестоносцы, таким образом, лишь использовали древний строй. По описаниям, «свинья» имела следующий вид: в первый ряд становились три-пять конных рыцарей; во вторую шеренгу вставали уже пять-семь рыцарей, таким образом фланги второй шеренги увеличивались на два человека, и т. д.; таких постепенно увеличивающихся рядов могло быть до десяти, а всего рыцарей могло насчитываться до полутораста. Этот треугольник (вернее, трапеция) и был «свиньёй», остальные рыцари строились колонной, имевшей ширину последней шеренги «свиньи».

Во главе «свиньи» обычно вставали командоры и наиболее известные рыцари; здесь же, под охраной, везли знамёна. Пока реет знамя, предписывал устав, никто из «братьев» не имел права бежать с поля битвы. На случай, если неприятель свалит знамя, имелось запасное, которое немедленно водружали, дабы «братья» не спешили обратиться в бегство.

Пешими в бой шли оруженосцы, слуги, кнекты, представители покорённых народов. Главная цель пехоты состояла в том, чтобы помочь рыцарям тогда, когда конная атака рыцарей разбивала строй центрального полка противника.

Первыми в бой вступали рыцари, а пехота стояла под отдельными знамёнами. Если в бой вводили и пехоту, что, повидимому, имело место в Чудской битве, то её строй замыкал ряд рыцарей, ибо пехота отмеченного выше состава была не слишком надёжна.

Число колонн могло быть различно; при Аскalonе, например (1099), против египтян шло девять колонн. Задача клина сводилась не к тому чтобы разрезать войска противника, а к раздроблению его центральной, наиболее сильной части и последующему охвату и разгрому его флангов. Если удар был неудачен, то колонна, сохранив свой строй, превращалась в карре. Понятно, что, применяя такое построение, немецкие крестоносцы наносили поражения разрозненным отрядам ливов, лэттов,

эстов... Но русские, а позднее и литовцы, нашли средства борьбы с закованной в панцыри «свиньей».

Блестящим тому примером является битва на льду Чудского озера. Обычно русские войска в бою имели сильный центр, где стоял большой полк («чело»), и два менее сильных фланга, где были полки правой и левой руки. Такой строй находим мы и в позднейших Раковорской (1268) и Куликовской (1380) бит-

Ледовое побоище; бегство рыцарей (миниатюра).

вах. Это построение, однако, не было наилучшим в борьбе с крестоносной «свиньей». Александр Невский смело сломал сложившуюся традицию, изменил тактику русских войск и тем немало способствовал победе. Эта новая тактика и вызвала отступление русских на обширное пространство замёрзшего озера, где легче было решать задуманный тактический манёвр. Как и следовало ожидать, «немцы же и Чудь поидаша на них». Ожидая приближения противника, князь Александр «поставиша полк на Чудском озере» в районе Узмени, у Вороньего Камня.

5 апреля 1242 г. вся масса немецких войск устремилась на русских, «наехаша на полк немци и Чудь и проши боялся

7 В. Т. Пашута

Ледовое побоище (с картины Горбунова).

свиною сквозе полк». Рыцари пробились сквозь русскую рать и считали битву выигранной, когда внезапно были атакованы основными силами русских, сосредоточенными на флангах; и «бысть сеча ту велика немцемъ и чуди». С обеих сторон действовали большие массы войск: «бяше бо обоих множество много», но русские сражались за справедливое дело, за родину, они «исполншася духа ратна, и бяху бо сердца им, аки львом». «Самовидец» битвы рассказывал, что «труск от копий ломлениа и звук от мечного сечения» был такой, что будто «морю померзшою двинулись и не бе видети леду: покрыто об бе все кровию».

Русские люди «кровь свою прольяша» не напрасно, ибо «немци ту падоша, а Чудь (эсты) даша плеща», т. е. бежали. Победа была решительная: русские яростно преследовали врага по льду до Суболичского берега, было убито одних только рыцарей — 400, кроме того, 50 рыцарей русские «руками яша», эстов же «паде бещисла». Пленных крестоносцев со срамом вели в Новгород, как сказано в псковской летописи: «овы изби, а овы связав босы, поведе по леду». Видимо, убегавшие рыцари сбрасывали с себя тяжёлые доспехи и обувь.

«Возвратив же ся Александр со славною победою: бяше бо полона множество в полку его, и ведяху их подле конь, иже именуются божии рыторе (т. е. Ritter — рыцари)». Когда войско приблизилось ко Пскову, то встретил его народ «и перед градом поюще славу князю Александру» и русскому войску.

Победа на Чудском озере — Ледовое побоище — имела огромное значение для всей Руси, для всего русского и связанных с ним народов, ибо эта победа спасла народы от немецкого феодально-крепостного рабства. Значение этой победы ещё шире, она имеет международный характер. Не случайно К. Маркс высоко оценил эту битву, выделив её в «Хронологических выписках» из массы исторического материала: «Александр Невский выступает против немецких рыцарей, разбивает их на льду Чудского озера, так что прохвости... были окончательно отброшены от русской границы».¹ Этой крупнейшей битвой того времени впервые в международной истории был положен предел немецкому грабительскому продвижению на восток, которое немецкие правители непрерывно вели в течение нескольких столетий; не удалось крестоносным грабителям «укорить словенский язык ниже собе».

Автор «Жития» князя Александра правильно отметил, что с этой поры «нача сlyти имя Александрово по всем странам: и до моря Хупожьского (Каспийского), и до гор Аравитъских и об ону страну моря Варяжского (Балтийского), и до самого Рима». Ледовое побоище сыграло решающую роль в борьбе литовского народа за независимость, оно отразилось и на положении других народов Прибалтики.

¹ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. V, М., 1938, стр. 344.

Ледовое побоище (с картины Трузе).

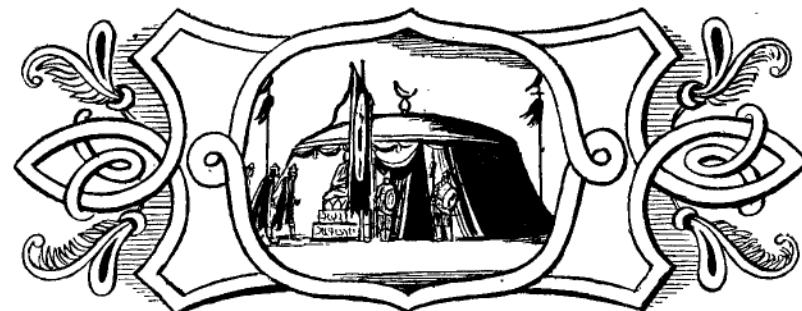
В том же 1242 г. на борьбу против крестоносцев вновь поднялись народы Литвы и Поморья. В Куронии, где немцы успели продвинуться после поражения у Шавлей, построив и заняв ряд замков (Гольдинген, Амботен, Виндава, Ангермюнде и др.), создавая угрозу южным землям литовских жмудин, произошло восстание. Куроны призвали на помощь великого князя Миндовга, «богатого короля литовцев», как именует его немецкая рифмованная хроника. Миндовг прибыл с тридцати тысячным войском и развернул операции в районе Амботена. По словам немецкого хрониста, он «очень ненавидел крестоносцев», и война затянулась надолго.

В том же 1242 г. поморский славянский князь Святополк, женатый на сестре галицко-волынского князя Даниила Романовича, решительно порвал былое соглашение с прусскими крестоносцами и, вторгшись в их владения, возглавил восстание пруссов; помочь Святополку оказал Миндовг. Немецкий хронист Пётр Дюсбург именует Святополка «сыном греха и погибели» и говорит, что в то время «вся почти Пруссия была окрашена христианской (т. е. немецкой) кровью». Святополк опустошил Хельминскую землю и нанёс прусским рыцарям страшное поражение у Рейзенского озера.

Так решающий удар, нанесённый крестоносцам русскими войсками, отозвался во всей Прибалтике, потрясая до основания и Ливонский и Прусский ордена. Только вмешательство немецких правителей, папской курии, а также отсутствие единства среди славянских князей, спасли немецких захватчиков от полного разгрома; к 1253 г. восстание было свирепо подавлено, и тогда же прусские крестоносцы основали на побережье крепость Кёнигсберг, закрыв устье р. Прегель.

Что касается ливонских рыцарей, то в 1243 г. они «прислаша [послов] с поклоном» в Новгород. Послы заявили: «что есмы зашли Водь, Лугу, Пльсков, Лотыгулу мечем, того ся всего отступаем, а что есмы изоимали мужий ваших, а теми ся разменим: мы ваши пустим, а вы наши пустите». На этих условиях новгородское правительство в 1243 г. «умиришася» с Ливонским орденом.

Мирный договор был подписан в 1243 г. «без князя» Александра. Он в это время находился во Владимиро-Сузdalской Руси, замещая отца, которого в ту пору вызвали в Сарай, в ханскую ставку. Отношения с татаро-монголами становились к этому времени делом первостепенной важности.

Глава восьмая

ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО И БОРЬБА ПРОТИВ ПРОИСКОВ ПАПСТВА

Татаро-монгольская феодальная знать во главе с ханом Батыем по возвращении из европейского похода (1243) обосновалась на Нижней Волге, образовав новое государство, так называемую Золотую Орду, со столицей в Сарае. Это государство находилось в номинальном подчинении у монгольского великого хана, пребывавшего в Монголии, в далёком Каракоруме.

Золотоордынские ханы в своей политике поставили как одну из важнейших задач — подчинить в качестве вассальных все русские земли — и завоёванные ими и незавоёванные. Однако противоречия между золотоордынскими и великими ханами, возникшие из-за права обладания богатым «русским улусом», а также отсутствие должного уровня развития государственной организации не позволяли им рассчитывать на быстрое осуществление этих планов.

Русь не была политически единой, и поэтому в своей политике ханам надо было считаться с правительствами отдельных княжеств. Однако, с другой стороны, отсутствие политического единства на Руси создавало и определённые удобства для ордынских политиков, которые, опираясь на вооружённую силу, широко использовали заложничество, подкуп, убийства, обман; татаро-монгольские ханы способствовали усилению феодальных распреяй на Руси: и в Сарае и в Каракоруме русские князья стремились свести друг с другом старые счёты.

Всё это пагубно отражалось и на внешнеполитическом положении Руси, вызывая на западе, в частности у папской курии, стремление, подняв шум о крестовом походе европейских стран против татар, договориться с последними за счёт русских интересов. В создавшихся условиях владимирским князьям было нелегко найти правильную политическую линию взаимоотношений с восточными победителями и западными захватчиками, нелегко было и найти средства преодолеть внутреннюю путаницу между княжеских союзов; это было тем более затруднительно, что подчинение русских земель татаро-монголами началось с Владимиро-Сузdalльской Руси.

Князь Ярослав Всеволодович, став во главе Владимиро-Сузdalльской Руси (1239) после ухода из неё татаро-монгольских войск, прежде всего поспешил принять меры к восстановлению расстроенного татарским нашествием аппарата великокняжеской государственной власти, к восстановлению действовавшего законодательства, охранявшего интересы светских и духовных феодалов, их власть над зависимым крестьянством.

Как говорит летопись, по возвращении во Владимир он «пока ряда рядити», «судити людем (т. е. светским лицам)... в правду, а нищим (т. е. духовным лицам)... — в суд», т. е. восстановил действие светских («Русская Правда») и духовных («Суд») феодальных законов. К сожалению, характер источников по истории Северо-Восточной Руси данного периода не позволяет подробно раскрыть этих мероприятий.

В 1243 г. Батый вызвал к себе из Руси князя Ярослава Всеволодовича, который не решился ответить хану отказом. Вместе со своими «мужами», т. е. боярами, он двинулся в ханскую ставку, а сына Константина отправил с дарами к великому хану в Каракорум. Батый, как говорит владимирский придворный летописец, оказал Ярославу «великую честь»: он назначил его великим князем всей Руси, передав, в частности, в его ведение и южную Русь — Киевщину, где в разорённом Киеве был посажен княжеский воевода — Дмитрий Ейкович.

Ярослав Всеволодович, в качестве крупного ханского вассала, приобрёл большой вес при золотоордынском дворе. Другие претенденты на южную Русь — черниговские князья Михаил Всеволодович и Андрей Мстиславич — были вызваны в Сарай и убиты (1246 г.), а князь галицко-волынский Даниил Романович лишь за большую дань и ценой отказа от Киевщины и Болоховщины добился того, что хан признал его своим «мирником». В придворной летописи князя Даниила этот результат был оценён как «злая честь».

Однако положение самого владимирского князя Ярослава оказывалось непрочным, ибо в великоханской ставке были недовольны назначением его великим князем.

В Каракоруме хотели иметь собственного ставленника на Руси. При дворе великого хана Гуюка скрыто действовала придворная

партия великой ханши Огуль-Гамиш и ханши Туракины, которые, отражая взгляды определённой части знати, не доверяли золотоордынскому хану Батью. В 1246 г. ханша добилась того, что князь Ярослав Всеволодович был отправлен из Сарай в Каракорум на великоханское утверждение, и в том же году князь Ярослав с большой свитой отбыл в далёкий Каракорум; добраться туда было нелегко, и в пути люди из свиты князя в большом количестве умерли.

При дворе великого хана князь Ярослав, по свидетельству современника, папского послы Иоанна Плано-Карпини, не получил «никакого должного почёта». Здесь уже было решено убить князя, «чтобы свободнее и окончательнее завладеть его землёй». Известие о готовящемся убийстве достигло Руси, в связи с чем жена князя Феодосия Игоревна и хан Батый отрядили в Каракорум своего гонца Угнея, но он опоздал. Отец Александра Невского был отправлен и умер 20 сентября 1246 г. Убийство Ярослава, крупного государственного деятеля того времени, вызвало широкий отклик и возмущение на Руси; даже в летописи враждебного Ярославу князя Даниила Романовича галицко-волынского высказано резкое осуждение по адресу татар, которые владимирского князя «зельем умориша».

Отравив старого князя, ханша Туракина, по словам Плано-Карпини, «поспешно отправила послов» к Александру Ярославичу, «зовя его под тем предлогом, что хочет подарить ему землю отца его». Князь Александр, бывший тогда в Сарае, однако «не пожелал ехать, так как все знали, что ханша его либо умертвит, либо предаст вечному плению».

Между тем хан Батый принял брата погибшего князя — Святослава и, в соответствии с русской традицией, назначил его великим князем. Новый великий князь не внёс никаких перемен в распределение княжеских столов, в частности, за Александром Ярославичем остался Новгород. Однако в Каракоруме не признали и этого назначения, исходившего от Батыя.

В том же 1247 г. князья Андрей и Александр Ярославичи, подчиняясь новому вызову из Монголии, вынуждены были отправиться через Сарай в великоханскую ставку. Между тем в татаро-монгольском правительстве произошли перемены. Умер великий хан Гуюк, и престолом завладела его вдова Огуль-Гамиш (1248—1251); великая ханша, зная о связях князя Александра с Батыем, назначила великим князем Андрея Ярославича, а Александру дала Киевщину и Переяславщину.

Однако и это досталось князю Александру, видимо, не без крупных дипломатических усилий; ханша, идя на такой шаг, вероятно, хотела взаимно ослабить русских князей, с одной стороны, и подорвать влияние Батыя на Руси — с другой.

Александр Невский (деталь с картины Семирадского «Александр Невский в Орде»).

В конце 1249 г. князья возвратились на Русь. Политическое положение на Руси отличалось крайней неустойчивостью, и трудно было найти верный курс.

Как и отец, Александр Невский несколько позднее развил активную деятельность по укреплению аппарата государственной власти в северо-западной Руси. С его именем, как установил Л. В. Черепнин, связано появление древнейших статей так называемой «Псковской судной грамоты» — основного судебного закона Псковской боярской республики. Эти статьи, восходящие к «Русской Правде», составляли часть судебного закона, дан-

ного князем Пскову, когда князь «списал такову грамоту, по чому ходити». Сделал он это, вероятно, после освобождения Пскова и изгнания сидевших там около двух лет немецких судебных тиунов — фогтов.

В частности, князь Александр, укрепляя свои позиции среди горожан Псковской боярской республики, восстановил, повидимому, уничтоженный немцами старинный цеховой суд «братьчин» — русских ремесленных цехов. «А братышина судить как судьи», — гласит данная князем Александром статья Псковской судной грамоты.

В начале 50-х годов Александр Ярославич, подавив сопротивление своих братьев — князя владимирского Андрея, князя Переяславского Ярослава — и связанного с ними боярства и став владимирским князем, также принимал меры к упрочению государственной великокняжеской власти. Князь, по словам автора «Жития», «церкви воздвиге, град исполни, люди разбегшая собрал в доми своя».

Выдающийся государственный деятель князь Александр Ярославич сумел наметить также и наиболее соответствовавшую в то время интересам Руси внешнеполитическую линию. Эта линия, во-первых, заключалась в поддержании мирных отношений прежде всего с наиболее сильным врагом — с ханом Золотой Орды, для вооружённой борьбы с которым пока что не было сил; во-вторых, в объединении всех русских земель, которые можно объединить для решительного вооружённого отпора крестоносным захватчикам с запада, которые с благословения папской курии продолжали настойчиво наступать на северо-западную и юго-западную Русь.

XIII в. в Западной Европе — это период расцвета политического могущества папства, которое вело ожесточённую борьбу с германскими императорами, стремясь утвердить свою власть в Европе. В то же время, преследуя свои политические и экономические интересы, папская курия развернула широкое наступление под флагом воинствующего католицизма на славянские и языческие земли Восточной Европы, с целью их захвата и ограбления. Особое внимание курии, нашедшей в этом полную поддержку со стороны немецких феодалов, привлекла Русь — крупнейшая европейская страна, имевшая устойчивые позиции в языческой Прибалтике (земли ливов, лэттов, эстов), Карелии, земле финнов (емь), Литве и даже в Польше (Мазовия). Избранная политическая линия вскоре привела князя Александра к столкновению с теми русскими князьями, которые, недооцененная силы татаро-монголов, завязывали переговоры о союзе с западными соседями и папской курией, безнадёжно пытаясь оказать сопротивление Золотой Орде, ставя этим свои земли под новые удары кочевников и ослабляя их перед лицом крестоносной угрозы немецких, шведских, датских, венгерских и иных захватчиков.

Вопрос о взаимоотношениях с папской курией поэтому не случайно занял особо важное место. Александр Ярославич лучше других русских князей понимал истинные цели политики папской курии. Он постоянно чувствовал за спиной немецких, шведских и датских крестоносцев направляющую руку папских доверенных лиц. Он понимал, что католическая пропаганда как одно из средств крестоносной агрессии является составной частью политики папства, направленной на захват и ограбление земель Восточной Европы.

О широких планах и политике папской курии давно знали на Руси. Описание, например, захвата в 1204 г. крестоносцами Константинополя, крупнейшего политического и культурного центра того времени, подвергшегося варварскому разгрому, было в начале XIII в. включено в Новгородскую летопись со слов очевидца, русского боярина Добрыни Ядрейковича.

Уже вскоре после захвата Константинополя крестоносцами папа Иннокентий III обратился к русским князьям с посланием (в 1207 г.), в котором, ссылаясь на то, что центр православной церкви пал, предлагал русским князьям принять католичество и подчиниться власти курии. «Так как страна греков и их церковь почти полностью вернулись к признанию апостольского креста,— писал папа,— и подчиняется распоряжениям его, представляется заблуждением, что часть не соглашается с целым и что частное откололось от общего»; таким образом папа пытался расчистить путь разбойничью наступлению крестоносцев на Восток.

Одновременно папа принял и другие меры: он потребовал от правителей католических стран (Польша, орден, Швеция, Норвегия и др.) установления торговой блокады Руси и связанных с нею земель, запрещая ввоз в них железа, оружия и тому подобных предметов. Однако немецкая балтийская торговля не могла в то время существовать в отрыве от крупнейших центров Европы — Новгорода, Полоцка, Смоленска и других русских городов, и на практике немецкое купечество нарушило папское предписание и, как мы видели, заключало торговые договоры с русскими.

Татаро-монгольское нашествие, казалось, открывало перед курией новые возможности. Целый ряд причин толкал папскую курию на сближение с ханами. Во-первых, можно было попытаться склонить самих ханов к принятию католичества и затем договориться с ними, как с сюзеренами русских князей, и получить из ханских рук признание за папством прав верховного владения русской церковью. Экономические и политические выгоды такого акта не вызывали сомнений. Во-вторых, курия опасалась татарской угрозы тем странам Восточной Европы, которые признавали церковную власть папства (Венгрия, Польша, Чехия, отчасти Прибалтика). Наконец, татаро-монголы интересовали курию как возможные союзники по борьбе с турками-сельджуками, кото-

рые успешно изгоняли крестоносцев с Ближнего Востока, ликвидируя последние их приобретения в «святой земле».

Ведя двуличную политику и ссылаясь на русским князьям помочь против татар, папская курия в то же время сама приняла меры к установлению связей с татаро-монголами. Папа Иннокентий IV, едва успев начать свой понтификат (1243—1254), поспешил озабочиться о таких связях. Созданный им в 1245 г. Лионский собор уделил большое внимание татарскому вопросу. На соборе было заслушано сообщение о татах русского игумена Петра Акеровича. Он был прислан в Лион черниговским князем Михаилом Всеволодовичем, искавшим у курии помощи против татар, и впоследствии (1246), подобно Ярославу Всеволодовичу, убитым татарскими правителями. Прелаты настойчиво расспрашивали игумена о военных силах и дипломатических приёмах татаро-монголов. В связи с обсуждением татарского вопроса папа отправил на Восток специальное посольство во главе с монахом-францисканцем Иоанном де Плано-Карпини.

Карпини выехал из Лиона в 1245 г. и возвратился туда в 1247 г.; целью его миссии была военно-политическая разведка в Сарае, Каракоруме и на Руси. Кроме того, он добивался, с одной стороны, привлечения татаро-монголов к союзу с курией, а с другой — завязал сношения с галицко-волынским князем Даниилом Романовичем и владимиро-суздальским Ярославом Всеволодовичем, склоняя их к подчинению папской курии и ссылая им помочь с её стороны против татар.

В 1247 г. папа направил второе посольство во главе с доминиканцем Асцелином с целью разведать военно-политические силы татаро-монголов на Ближнем Востоке. В итоге этих двух посольств завязались предварительные дипломатические переговоры татаро-монголов с курией; ответные татарские посольства посетили папу. Русской земле угрожал военный союз татаро-монгольских правителей с папством.

После разгрома шведских и немецких феодальных захватчиков папская курия приняла экстренные меры к укреплению своих позиций в восточной Прибалтике. Лихорадочно набирались военные крестоносные силы для Прибалтики, местные епископы были обязаны временно забыть внутренние распри из-за земель и более энергично помогать рыцарям «советом и делом». В 1245 г. папа Иннокентий IV прислал в восточную Прибалтику своего специального легата (посла) аббата Опизо из Месаны. На следующий год туда был направлен ближайший сподвижник папы Альберт Суербер — «муж близкий нашему сердцу», как называл его Иннокентий IV; наконец, в 1247 г. был прислан в помощь Альберту по прусским делам специальный легат — архиепископ Яков из Людтиха, который позднее стал папой под именем Александра IV.

Одновременно папство в лице Иннокентия IV вновь предприняло дипломатические шаги в самой Руси. В 1248 г. папа

отправил ряд писем к русским князьям, предлагая им принять католичество, обещая своё покровительство и помочь против татар. В частности, в Новгород к Александру Ярославичу с папским посланием прибыли два кардинала, через которых, по словам княжеского «Жития», Иннокентий IV заявил: «слышаом тя в земли нашей князя честна и дивна, паче же и земля твоя велика есть», и предложил князю по прочтении грамоты ознакомиться через кардиналов с католическим учением: «послушаеши учения [их]».

Однако князь Александр понимал, что папа хочет толкнуть Русь в войну с Золотой Ордой, чтобы облегчить крестоносцам их кровавое дело. Поэтому он «сдумавше с хытрицы своими», т. е. посоветовавшись со своими боярскими и духовными чиновниками, составил папе отрицательный письменный ответ, вручая который, на словах решительно отклонил папские домогательства: «вся сия добре сведаем,— сказал князь,— а от вас учения не принимаем».

Этот шаг князя Александра не только укреплял его позиции в Золотой Орде, которая внимательно следила за внешней политикой русских князей, но также и внутри Руси, ибо духовные феодалы, русские церковники, опасаясь папской курии, грозившей их доходам, поспешили заявить о своей полной поддержке политики Александра. В частности, русский митрополит Кирилл, прежде находившийся при дворе галицко-волынского князя, после поездки в Никую, где после падения Константинополя находилось византийское правительство и патриарх, числившийся главой русской церкви, перебрался во Владимир, и позднее тесно сотрудничал с князем Александром.

Несомненно также, что поддержка духовных феодалов облегчала князю Александру решение вопросов внутренней политики, в частности, церковь идеологически обосновывала политику Александра Ярославича в отношении других князей, а также Новгорода; и не случайно даже в новгородской влыдичной летописи, отражавшей взгляды местного правящего боярства, мы не находим враждебных князю Александру высказываний. В своей татарской политике князь Александр явился предшественником Ивана Калиты. Он стремился использовать татарскую силу в государственных интересах Руси, поскольку не было средств её сбросить.

Происки папской курии на Руси не дали практических результатов и среди других русских князей. Князь галицко-волынский Даниил Романович, будучи выдающимся дипломатом, сумел извлечь даже определённые политические выгоды из переговоров с курией, не дав ей ничего взамен.

Только неверная ориентация некоторых русских князей, в частности братьев Александра Ярославича, великого князя Андрея владимира-суздальского и Ярослава тверского и переяславского, пришедших к мысли в союзе с Даниилом галицким открыто

Приём Александром Невским папских легатов
(с картины Семирадского).

выступить против власти золотоордынского хана, сильно осложнила взаимоотношения с Золотой Ордой, но князь Александр сумел восстановить положение.

В 1251 г. при великоханском дворе татаро-монголов произошли перемены. Золотоордынский хан Батый добился свержения великой ханши с престола. Великим ханом в 1252 г. сделался ставленник Батыя хан Менгке.

Эта перемена не замедлила отразиться на русско-татарских отношениях. Положение великого князя Андрея Ярославича Алеутратило прочность, что произошло не без участия князя Але-

ксандра Ярославича, который в 1252 г. был в Сарае. Батый «отпустиша и с честью великой: давше ему старейшинство во всей братии его», т. е. признал Александра Невского великим князем.

Вероятно, распоряжение Батыя не признали князья-союзники, отказавшиеся подчиняться князю Александру. Батый двинул войско под командованием воеводы Неврюя против князя Андрея, который, как пишет придворный книжник князя Александра, — «сдума[л]... с своими бояры бегати нежели царем (т. е. ханам) служити». Князь Андрей, спасаясь от татарских войск, «со княгинею своею и с бояры своими» бежал к Переяславлю, а затем на время скрылся за границу.

Позднее, правда, князь Андрей признал политику Александра Ярославича и, возвратившись на Русь, находился под рукой младшего брата.

Другой брат князя Александра — Ярослав Ярославич тверской и переяславский — также пострадал от «Неврюевой рати». Сам он успел бежать в Ладогу, но его жена и воевода Жидислав были убиты ворвавшимися в Переяславль татарами, а дети были захвачены и уведены в плен. Можно думать, что известная часть местных боярских кругов северо-западной Руси, и ранее выступавшая против централизаторской политики Александра Невского, поддержала князей-союзников, стремясь укрепить свою независимость от владимирского князя.

«Неврюева рать» всей тяжестью обрушилась на простой народ, ибо татарское войско, шедшее против Андрея и Ярослава Ярославичей, «рассунушася по земли... и людий бещисла (в плен) поведоша, да конь и скота, и много зла створше отъидоша». Поход Неврюя был в духе политики татаро-монголов, которые, как отметил Маркс, стремились «путём массовых кровопролитий обессилить ту часть населения, которая могла бы поднять восстание у них в тылу».¹

Князь Ярослав Ярославич сделал попытку поднять против Александра Невского Новгородскую и Псковскую феодальные республики. Он был принят княжить во Псков, а в 1255 г. новгородское боярство также пригласило его к себе «и посадиша» на столе. Сын князя Александра Василий был изгнан из Новгорода. Александру Ярославичу пришлось с оружием в руках принуждать новгородских бояр следовать новому политическому курсу. Эти события означали новый шаг к усилению в русских феодальных республиках владимирского князя, с одной стороны, и к установлению определённых отношений между ними и Золотой Ордой, — с другой.

Александр Ярославич занял Торжок и двинулся на Новгород «со многыми полки» и отрядом новоторжцев. Ярослав Ярославич

бежал из Новгорода, но дело было уже не в нём, ибо в Новгороде вспыхнуло восстание; «меньшие» решили, говорит летописец: «стati всем: любо живот, любо смерть, за правду новгородскую, за свою отчину». Однако «меньшие» выступали обособленно от бояр и собирали своё вече не на Ярославовом дворе, а у церкви св. Николы. Восставшими были лишены должностей старый посадник, участник Невской битвы, ставленник князя Александра — Сбыслав Якунович и тысяцкий Михита Петрович. Вместо них стали посадником — Ананий, а тысяцким — Клим, вероятно, выдвинутые городскими низами.

Между тем городская знать («вятшие» люди), напуганная движением городской бедноты, заколебалась; она устроила «с[о]вет зол, како победити меньшии, а князя взвести на своей воли». В этой связи на передний план вновь выступили бояре, сторонники князя Александра, во главе с сыном старого посадника Степана Твердиславича Михаилом Степановичем. С целью «взвести» князя Александра в Новгород Михаил Степанович со своим полком задумал наступление на «меньших» людей. Постадник Ананий, узнав о подготовке Михаилом Степановичем удара по восставшим, «хотя добра» Михаилу Степановичу, не дал проведавшим об измене «черным людям» разграбить двор Михаила Степановича.

Но это не спасло Анания. Бояре «мысль злу свещаша», чтобы «самого (его) яти, а посадничество дати Михаилу». Эту же политическую линию проводил и князь Александр, подступивший к Новгороду; его посол сообщил вечу: «Выдайте ми Онанью посадника, (а) или не выдадите, (то) яз вам не князь, иду на город ратью». Сперва было бояре думали на подавлении движения «меньших» увеличить своё политическое влияние и послали князю ответ веча: «поеди, княже, на свой стол, а злодеев (так именовали бояре восставшую бедноту.— В. П.) не слушай, а Онаны гнева отдай и всем мужем Новгородьским». Но князь в ответ двинул войска и три дня держал город в осаде. За это время близкое ему боярство свалило Анания, и «поиде князь в город»; восстание было усмирено, и, как говорит боярский летописец, «злодеи омрачишася».

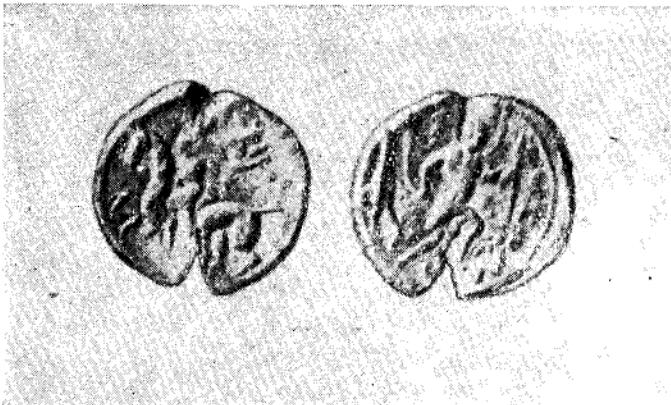
Таким образом, князь Александр вновь подчинил интересы правительства феодальных республик великокняжеским государственным интересам, в то же время он вооружённой силой решительно подавил народные выступления. Расплата за боярскую крамолу всей тяжестью легла на простой народ. Посадником сделался княжеский ставленник — боярин Михаил Степанович, а на княжеский стол возвратился Василий Александрович.

Умело избегая столкновений с золотоордынским ханом, Александр Ярославич сумел, таким образом, объединить в своих руках всю Северо-Восточную и северо-западную Русь.

¹ К. Маркс. Секретная дипломатия XVIII в.

Но если дипломатический талант Александра Ярославича позволил ему правильно решить внутриполитическую проблему между княжеских отношений и значительно упрочить великокняжескую власть в стране, то международные задачи ещё ждали своего разрешения.

Папская курия не прекращала своих происков и, узнав о том, что великоханский стол перешёл к Менгке, предприняла очередной манёвр. В 1252 г. папа и его союзник французский король Людовик IX отправили в Золотую Орду и в Монголию новое посольство во главе с Вильгельмом де Рубруквис. Король предлагал Батыю и Менгке военный союз против турок-сельджуков

Печать великого князя Александра Невского.

и Никейской империи, которая усиливала борьбу за освобождение Константинополя от крестоносцев, предлагал принять католичество и оставить Рубруквиса в качестве постоянного дипломатического агента курии в Сарае. Это были предложения о военном союзе татаро-монгольских ханов с правителями западноевропейских стран, союзе, который таил в себе глубокую угрозу Руси.

Но и на этот раз происки западных правителей были разгаданы русской дипломатией, которая в лице Александра Невского сумела оказать должное воздействие на политический курс «кибитных политиков». Русские дипломаты, видимо, играли немалую роль в Сарае, так как, например, иноземные документы, поступавшие сюда, переводились прежде всего на русский язык. Королевский посол Рубруквис не достиг ни одной из поставленных перед ним целей. Татаро-монголы сочли нецелесообразным посягать на сложившуюся в русском обществе идеологию и затрагивать экономические и политические позиции русских духовных феодалов; они сохранили прежний порядок в русско-византий-

ских церковно-политических отношениях и поставили их лишь под свой контроль посредством организованной в 1261 г. в Сарае специальной русской епископии.

Одновременно с этим татары предприняли шаги к организации своих органов власти на Руси. В 1252 г. великий хан отправил на Русь своего родственника Китата с полномочиями проводить перепись, собирать дань и доставлять её ко двору, а также с правом производить набор войск из местного населения; «тое же зимы,— сказано во Владимирской летописи,— приехаша численники, исщетоша всю землю Суждальскую и Рязанскую и Муромскую, и ставиша десятники, сотники и тысячи и темники и идоша в Орду».

Единицей обложения были «соха», «плуг», «рало», к чему были добавлены подводная повинность и обязанность русских князей как вассалов служить своими вооружёнными силами хану-сюзерену в походах.

Устанавливая властование над Русью, монголы в то же время постарались привлечь на свою сторону русских духовных феодалов, они освободили их владения от повинностей, «не чтоша игуменов, черньцов, попов, крилошан, кто зрит на святую бого родицу и на владыку».

Уходя из Руси, татарские численники оставили баскаческую военно-политическую организацию, состоявшую из десятников, сотников, тысячников и темников. Они принудительным путём сформировали особые военные отряды, в значительной части составленные из местного населения, поставив во главе их пришлый татаро-монгольский командный состав; эта организация поступала в распоряжение баскаков (от слова «бас» — «дави»), которые расположились по княжествам и были обязаны контролировать выполнение даней и повинностей и всю жизнь данного княжества.

Баскаческие отряды были поставлены в землях Муромской, Рязанской, Суздальской, Тверской, Курской, Смоленской и др., а позднее и в землях юго-западной Руси — в Болоховской, Галицкой и др. Так как во Владимире находился великий князь, то состоявший при нём баскак считался главным — «великим», которому подчинялись другие.

Баскаки и их отряды заменили, в сущности, монгольские войска. Основное назначение баскаческой организации состояло в том, чтобы «держать в повиновении» завоёванную Русь.

Господство татаро-монголов над завоёванными странами К. Маркс называл кровавой грязью монгольского ига, это иго, по мнению Маркса, «не только давило, оно оскорбляло и иссушало самую душу народа, ставшего его жертвой».

Вот как характеризовал тогдашнее положение Руси современник, владимирский епископ Серапион: «Кровь и отец и братья нашей, аки вода многа землю напои; князий наших, воевод

крепость ищезе... мъножайша же братъя и чада наша в плен ведени быша; села наши лядиною (молодым лесом) поростоша, и величество наше смирися; красота наша погыбе, богатство наше онемь в користь бысть; труд наш погании наследоваша; земля наша иноплеменником в достояние бысть; в поношение быхомъ живущим вскрай земля наша...»

Однако проведение татарской переписи натолкнулось на ожесточённое сопротивление со стороны простого народа, что ярко проявилось в Новгородской земле. В Новгородской летописи читаем, что в 1257 г. «приде весть из Руси зла», будто бы «хотять татарове тамги и десятины на Новегороде».

Произошло выступление новгородских городских низов. Волнения не прекращались в течение целого года. К зиме положение обострилось настолько, что во время одной из вспышек народного гнева был убит княжеский посадник Михаил Степанович. Видимо, движение и на этот раз возглавлялось частью оппозиционной великому князю боярской знати, к которой примкнул даже сын князя Василий Александрович. В самый разгар волнений в город прибыл князь Александр, а с ним татарские послы. Они встретили здесь энергичный отпор. Василий Александрович бежал в Псков, а новгородцы отказались подчиниться князю и допустить татарских чиновников производить перепись; они только «даша дары» хану и «отпустиша» послов «с миром».

Но это был не мир, а лишь перемирие. Татарские послы уехали, а князь вынужден был подготовить подчинение Новгородской республики татаро-монгольской власти. Подтянув к городу войска, великий князь начал расправу с «непокорными». Во-первых, он вступил в Псков, арестовал своего сына Василия и «посла (его) в Низ», т. е. во Владимир. Во-вторых, он жестоко расправился с теми, «кто князя Василья на зло повел», и предал казни наиболее инициативного руководителя движения некоего Александра-новгородца, а также его сторонников («дружины»): «овому носа урезаша, а иному очи выимаша».

Но эти суровые меры не подавили новгородскую бедноту. Назначение нового, взамен убитого, посадника Михаила Фёдоровича и нового тысяцкого Жирослава («Жирохия») не изменило положения. Только зимой 1259 г., когда в Новгород возвратились новгородские послы из Владимира и определённо заявили на вече, что в случае продолжения сопротивления князем будут двинуты против Новгорода вооружённые силы, новгородцы смирились «и яша Новгородци по число», о чём и послали известить великого князя.

Вскоре в Новгород прибыл князь Александр, а с ним «приехаша оканьни татарове — сыроядци Беркай и Касачик». Татарские чиновники-переписчики прибыли с большим штатом: «с женами своими и инех много». Но едва они приступили к переписи, как вновь и в городе, и по сёлам вспыхнуло восстание «чёрных»

людей и смердов «и бысть мятеж велик в Новегороде и по волости». Татарских чиновников, повидимому, кое-где стали истреблять, в связи с чем Беркай «нача... боятися смерти» и потребовал от князя Александра: «Дай нам сторожи, ать не избьют нас». Князь приказал «стеречи их сыну посадничю (Семёну Михайловичу), и всем детям боярским по ночём». Разумеется, такое положение не могло продолжаться долго.

Численники начали угрожать отъездом, за которым должен был последовать приход уже татарских войск. Они заявили: «Дайте нам число, или ни то бежим прочь». Новгородская знать вполне столковалась с численниками, но простой народ — «чернь не хотеша дати числа». Говоря об этом, летописец отмечает, что новгородцы «издвоиша» на враждебные лагери. Одни — «меньшии» — собирались на Торговой стороне и готовили удар через Волхов на Софийскую сторону, другие — софийская знать — собирали ладьи, подготавливая нападение на Торговую сторону.

Причиной этого «раздвоения» и борьбы было то, что «вятившие» приказывали «ся яти меньшим по числу»; но «меньшии» сопротивлялись, так как при определении норм обложения населения данью по переписи «творяху бо бояре себе легко, а меньшим зло». Ясно, что «меньшии», терпевшие гнёт боярской эксплуатации, выступали против попыток надеть им второе ярмо на шею. Великий князь, видя, что восстание разрастается, и опасаясь за жизнь татарских чиновников, уехал даже из своей загородной резиденции — Городища.

В результате произшедшей борьбы бояре подавили народное выступление, и новгородцы «яша по число», и тогда «почаша ездити оканьни по улицам, пишуче domы». Переписав население, численники собрали положенную дань и «отъехаша». Следом покинул Новгород и князь Александр, оставив здесь наместником сына Дмитрия.

Так произошло подчинение Новгородской боярской республики татаро-монгольской власти. Этот шаг, в осуществлении которого принимал участие Александр Невский, был неизбежен; он укреплял власть великого князя, избавляя Новгород от разорительного нашествия татаро-монголов и сохраняя силы новгородцев для отпора немецким крестоносцам. Но это мероприятие феодальной государственной власти было осуществлено за счёт угнетения народа.

В те же годы (1257—1259) татаро-монголы покончили и с независимостью юго-западной Галицко-Волынской Руси. Воевода Бурундай привёл огромное войско и включил галицко-волынские земли в орбиту татаро-монгольского властования. В отличие от Новгородской земли здесь были срыты укрепления главных городов, и население не раз в течение XIII в. переносило тяжесть татаро-монгольских вторжений.

Татаро-монгольское иго пало всей тяжестью на простых людей — крестьян и городскую бедноту, которые с той поры

«в работе суще и в озлоблении зле». Князья, бояре и церковники сравнительно скоро нашли общий язык с татаро-монгольской властью. Но несмотря на установление при Александре Ярославиче определённого способа сосуществования с победителями, непримиримая борьба между побеждённой страной, населённой свободолюбивым русским народом, и угнетателями-монголами продолжалась.

В 60-х годах стало ясно, что татаро-монгольское нашествие и иго не сломили и никогда не сломят великий свободолюбивый русский народ. В 1262 г., как сообщает Владимирская летопись, в Северо-Восточную Русь, а именно в Ярославль, прибыл от «цезаря татарского Кутлубия» (т. е. от великого хана Хубилая) «зол» мусульманин Титям (Титяк).

Он, повидимому, возглавлял деятельность мусульманских откупщиков, которые, беря на откуп у великого хана сбор дани русской, «велику пагубу людям творили»: тем, которые не могли платить, они давали деньги в рост под проценты («резы»), а недоимщиков уводили в рабство. Они, как говорит летопись, «работающе резы (проценты) и многи души крестьянские раздно (т. е. к себе в рабство в разные страны) ведоша».

Не выдержав чинимых насилий, в 1262 г. поднялись городские низы ряда крупнейших городов — Ростова, Суздаля, Владимира, Ярославля и др.; «бысть вечье (т. е. собрание жителей — вече) на бессермен по всем градом Русским; и побиша татар везде, не терпяще насилия от них».

В частности, в Ярославле был убит монах Зосима, который принял мусульманство и, действуя «поспехом» ханского чиновника Титяка, «творил великую досаду» населению. Когда же произошло восстание и народ прямо с веча «на врагы своя двигшася на басурмены», и когда одних «изгнаша, иных извиша, тогда и сего безаконного Зосиму убиша» и «бе тело его ядь псом и вороном».

Автопортрет новгородского литеяного мастера Авраама (деталь Корсунских ворот в Софийском соборе, XIV в.).

Во всех городах восстание сопровождалось сбором народного веча и массовым уничтожением или изгнанием татарской администрации. В это время в Орде происходила новая крупная распри между великими и золотоордынскими ханами, положившая начало отделению феодального улуса Золотой Орды от великих ханов. Татары не имели сил быстро подавить народное движение. Князь Александр, понимая, что еще не пришло время сбросить ненавистное иго, нашёл средства прекратить движение.

Подавление восстаний 1262 г., разумеется, не угласило свободолюбивых стремлений русского народа. То там, то здесь прорывалось народное возмущение против кровавых угнетателей. Новая широкая волна народных движений уже в начале XIV в. смела татаро-монгольскую систему баскачества, заставив золотоордынских ханов передать сбор дани — «выхода» в руки самих русских князей.

Развитие России и Золотой Орды пошло в разных, прямо противоположных направлениях. Если в Золотой Орде всё заметнее вызревали элементы распада, то в русских княжествах в то же время продолжался энергичный процесс образования сильного национального государства. Инициатором его создания стала Москва, основа могущества которой была заложена в годы правления Ивана Калиты.

Глава девятая

ПОЛИТИКА АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

В отношении крестоносцев Александр Ярославич придерживался в 50-х годах XIII в. прежней политики. Несмотря на татаро-монгольское нашествие, Русь отбила в 1250 г. новое наступление шведских и датских крестоносцев, сохранила выход к морю и даже закрепила свои позиции в земле карел. Мало того, установив насколько возможно мирные отношения с татаромонголами, князь Александр Ярославич выдвинул план полного уничтожения Ливонского ордена.

Разгром шведских крестоносцев на Неве не прекратил стремлений шведского королевского правительства к овладению землёй финнов. В 1247 г. ярлом Швеции стал Биргер, зять короля; папские легаты отмечали, что им управлялась вся страна. Он и занялся подготовкой похода против финнов. Дело и на этот раз не обошлось без вмешательства папской курии, которая торопила Биргера с организацией «крестового похода», обещая полную поддержку.

В следующем 1249 г. начался второй, основной этап завоевания шведскими феодалами страны финнов и покорения основного племени — еми. Ярл Биргер собрал большое рыцарское войско. Высадившись на южном берегу Нюландии, он в кровопролитных боях разбил емь. Население, отказывающееся принять христианство, беспощадно истреблялось, и к середине 1250 г. емь

была завоёвана. Основная причина поражения еми заключалась в том, что политическое положение Новгорода не позволило ему оказать помощи финнам.

Для закрепления победы Биргер заложил в центре финской земли, на берегу озера Ваная, крепость Тавастгус и поселил здесь шведских феодалов-колонистов, раздав им финские земли. Коренное население было обложено феодальными поборами и выплачивало церковную десятину. Однако шведским феодалам не сразу удалось уничтожить русско-финские связи, что ясно обнаружилось в самые ближайшие годы. Окрылённые успехом в земле финнов и тем, что Новгороду грозило татарское иго, шведские феодалы рискнули провести ещё одно наступление на северо-западную Русь.

На этот раз наступление шведов происходило в союзе с датским вассалом, правившим в Ревеле,— Дитрихом фон Кивель. В поход были двинуты также вспомогательные финские отряды. В 1256 г. «придоша Свей и Емь и Сумь и Дидман (т. е. Дитрих) со своею волостью и множество рати»,— сообщает Новгородская летопись, захватчики решили обосноваться на реке Нарове, где и «начаша чинити» (т. е. строить) город. В это время Александра Ярославича не было в Новгороде, и новгородцы послали к нему во Владимир, «по полки», а сами «по своей волости рослаша, также копяще полки». Эти приготовления не предвиделись шведскими и датскими феодалами, поэтому они «услышавши, побегоша за море».

Зимой того же года с полками из Владимира пришёл князь Александр. Он решил дать отпор шведскому правительству, организовав поход в землю финнов; однако новгородское боярство, повидимому, признавая потерю позиций в земле еми или, возможно, рассчитывая, что подчинённая емь будет приносить доход князю, а не Новгороду, не поддержало этого похода. Новгородские полки сопутствовали князю только до Копорья, и то потому, что князь не сообщил им о цели своего похода, и они «не ведяху кде князь идет». Узнав о планах князя, «инии мнози новгородци воспятиша от Копорья», и князь продолжал свой путь к земле финнов в основном «со своими полки».

Пройдя по льду Финского залива в землю еми, князь Александр опустошил здесь шведские владения. Поход в суровых зимних условиях был чрезвычайно трудным: «бысть зол путь, акы же не видали ни дни, ни ночи и многим шестником бысть пагуба»,— отметил летописец. Несмотря на то, что после жестокого шведского завоевания земля еми была обескровлена, вступление русского войска вызвало новое противовшведское восстание. Из послания папы Александра IV 1256 г. ясно, что русские и карелы напали на шведское население в стране финнов: «множество усадеб и земель предали огню... многих возрожденных благодатью священного источника привлекли, к несчастью, на свою сторону...».

Однако финский народ был так ослаблен, что не смог помочь русскому войску закрепить победу, и владимиро-суздальским полкам пришлось ограничиться разгромом шведских колоний («ковых избиша, а других изоимаша»). Хотя поход и не вернулся под власть Новгорода, он всё же показал шведскому правительству, что татаро-монгольское нашествие не изменило отношения Руси к иноземным захватчикам; можно заметить, что в течение нескольких десятилетий Швеция предпочитала не нарушать русских границ.

По карельскому вопросу у Новгородской Руси возник конфликт и с другой северной страной — Норвегией. В древней саге исландца Стурла, сына Тарда, посвящённой норвежскому королю Хакону (1217—1263), можно прочесть следующее: «В ту зиму, когда Хакон конунг сидел в Тронхейме, прибыли с востока из Гардарики («страны городов», так именовали скандинавы Русь) послы Александра конунга Хольмгарда (т. е. Новгорода). Звался Микьял (т. е. Михаил) и был рыцарь тот, кто стоял во главе их. Жаловались они на то, что делали между собой чиновники (т. е. сборщики дани) Хакона конунга и его сына на севере в Марке (т. е. Финмаркене, на окраине земли саамов) и восточные Кирьялы (т. е. карелы), те, что платили дань конунгу Хольмгарда, потому что между ними постоянно было немирье, грабежи и убийства. Были там совещания и было решено, как этому положить конец.

Им (т. е. русским послам) было также поручено повидать госпожу Кристин, дочь Хакона конунга, потому что конунг Хольмгарда велел им узнать у Хакона конунга, не отдаст ли он госпожу ту замуж за сына Александра конунга».

«Хакон конунг,— повествует далее сага,— решил так: послал мужей из Тронхейма весной и поехали (они) на восток вместе с послами Александра конунга. Стояли во главе их Виглейк, сын священника, и Биргер. Поехали они в Бьюргюн (т. е. Берген), а оттуда восточным путём (т. е. по Балтийскому морю), прибыли они летом в Хольмгард, и конунг принял их хорошо, и установили они тогда мир между собой и своими данническими землями так, чтобы не нападали друг на друга ни Кирьялы, ни финны (т. е. саамы-лопари), и продержалось это соглашение недолго.

В то время было немирье великое в Хольмгарде: напали татары на землю конунга Хольмгарда, и по этой причине не поминали больше о сватовстве том, которое велел начать конунг Хольмгарда. И после того, как они (т. е. норвежские послы) закончили порученное им дело, поехали они с востока с почётными дарами, которые конунг Хольмгарда послал Хакону конунгу. Прибыли они с востока зимой и встретились с конунгом в Вике».

Что же произошло и заставило Русь и Норвегию обменяться посольствами? За три тысячи вёрст от Новгорода русские данники-карелы в заполярной тундре столкнулись и вступили

в борьбу с представителями Норвежского государства. Александр Ярославич, придававший большое значение упрочению русских границ, серьёзно отнёсся к тому, что русская северная граница, прикрывающая русские владения, — Карелию (прионежскую и беломорскую) и значительную часть страны саамов (в первую очередь, Кольский полуостров), до сих пор ещё не была определена, ибо до той поры русско-норвежские пограничные отношения ни разу официально не оформлялись.

Этот факт свидетельствует, что русская государственная власть даже в трудных условиях начала 1250-х годов продолжала проводить активную внешнюю политику. Сам факт сватовства сына Александра Ярославича Василия к дочери норвежского короля объясняется не только желанием русской дипломатии укрепить пограничные отношения, но и стремлением установить русско-норвежский союз в противовес союзу шведско-норвежскому. Последний был упрочен в 1251 г. браком дочери Биргера Рикиссы со старшим сыном Хакона. Правда, произшедшее в 1252 г. столкновение Александра Ярославича с братьями и наступление воеводы Неврю потребовали основного внимания к восточным делам и сватовство не состоялось, но князь пышно принял приехавшее норвежское посольство, и спорные вопросы были успешно решены.

Сохранился и древний рунический текст этого выработанного при переговорах в Новгороде соглашения, оформленного в виде так называемой «Разграничительной грамоты». Из перечня географических наименований этой грамоты становится ясно, что Русь собирала дань почти до западной границы страны саамов, т. е. почти до пределов собственно норвежской территории (Ивгей-река и Люнген-фьорд). Определены были и нормы сбора дани с территории саамов: «Брать в тех крайних границах не более пяти серых шкурок (т. е. беличьих) с каждого лука (т. е. охотника), или по старине, если они (жители) хотят, чтобы по старине было». Таким образом, были установлены нормальные мирные отношения с Норвегией. Укрепление русских границ с владениями Швеции, Дании и Норвегии обеспечивало безопасность Новгородской Руси на северо-западе. Значительно сложнее были отношения на западных рубежах.

В «Житии» князя Александра отмечено: «В то же время умножишаяся языка литовского и начаша пакостити области Олександрове». Великий князь литовский Миндовг, опираясь на захваченные им феодально развитые русские земли и сильную дружину, в течение ряда лет вёл кровопролитную борьбу с местной знатью и, наконец, частью истребив, частью подчинив её, объединил в своих руках основную массу литовских земель (аукстоте, нальшанская, дъяволта и даже жмудь), возглавляя при этом борьбу литовского народа против немецких крестоносцев. Внешнеполитические условия для Литвы на востоке складывались вполне благоприятно. Князь Миндовг в течение ряда десятилетий

поддерживал дружественные отношения с волынскими князьями юго-западной Руси, что же касается Руси северо-западной, то решающие победы русских войск над немецкими захватчиками на Чудском озере определили успешную борьбу и литовского народа за независимость.

В конце 40-х годов XIII в. Миндовг, пользуясь ослаблением ливонцев, а также тем, что Русь была разорена татаро-монголами, сделал попытку овладеть городами Смоленском, Полоцком и Витебском. Он отправил на Русь своих племянников Товтивила и Эдивида со жмудским войском, которые заняли указанные города. Одновременно с этим литовские отряды стали проникать далее в глубь Руси; по сведениям Новгородской летописи, ими был занят Торопец и совершены набеги на Торжок и Бежицу, у границ Владимира-Сузdalской земли.

Новоторжская рать пыталась было преследовать литовцев, но последние нанесли ей поражение, отняли коней, «а самех избиша и поидаша с полоном проче». В 1248 г. русские соединённые силы из Новгорода, Твери, Дмитрова, Торжка и Москвы осадили литовцев в Торопце. Когда прибыл с владимирскими полками князь Александр, литовцам был нанесён ряд поражений, (под Жижцем и у Воссия) и от них был очищен Торопец. Натолкнувшись также на сопротивление и галицко-волынского князя Даниила, великий князь Миндовг вынужден был очистить также Смоленск и Витебск.

В «Житии» Александра эти события изложены как сплошные победы дружины князя Александра: «Он же выездя, поча побивать я... и множество князе, воеводы изби, ови руками изоима; слуги же его, ругающиеся им, вязахуть я ко хвостам конь своих, и начаша блюстися имени его». Всё это, может быть, так и происходило, но всё же Полоцк ушёл из-под власти князя Александра; здесь обосновался литовский князь Товтивил.

Правда, в ту пору литовский князь в Полоцке был тесно связан с русскими князьями, в том числе с Даниилом Романовичем. Но это внедрение в западные русские города литовского правящего дружинного элемента, хотя бы и усваивавшего более высокую русскую культуру и государственность, являлось в то же время началом постепенного захвата и включения русских земель в состав Литовского государства, использовавшего ослабление русских земель в результате татарского нашествия.

Пребывание литовского князя в Полоцке, разумеется, лишило отношения этого города с владимирским князем прежней устойчивости, о чём свидетельствует, в частности, попытка князя Товтивила с помощью литовского войска и полоцкой дружины в 1258 г. завоевать соседние русские земли. Он двинулся к Смоленску, разоряя по пути русские земли, а затем пограбил Торжок. Хан обратил внимание на эту активизацию литовской политики. Татаро-монголы нанесли в 1258 г. тяжёлый удар по Литовскому княжеству. Наконец, в 60-х годах источники отмечают оформле-

ние союза Руси с Литвой для совместной борьбы против немецких крестоносцев. Создание этого союза является большой заслугой великого князя Александра Невского. Союз официально выразил неоднократно проявлявшуюся тенденцию к сближению русских и литовцев на основе защиты своей независимости от немецких феодалов и заложил фундамент многовековой традиции, когда, опираясь на русскую помощь, литовцы отстаивали свою свободу от немецких поработителей.

Заключённый союз своей основной целью преследовал борьбу с вновь активизирующими ливонскими рыцарями.

Ливонские феодалы добродея десятилетие не пытались нарушить с Русью мирный договор 1243 г. Но в 1253 г. они совершили набег на псковский «посад», который и подожгли, при этом «самех их много псковичи биша». На помощь псковичам пришли новгородцы и вспомогательный карельский отряд. Русское войско перешло реку Нарову и «створиша волость их пусту». Летописец правильно указывает, что немцы заслужили эту кару, ибо они нарушили договор. Опасаясь новых ударов, ливонцы поспешили прислать послов в Новгород и подписали в том же 1253 г. договор о мире «на всей воли Новгородской и на Пльсковской».

Новое поражение рыцарей у русских границ не ослабило их агрессивных стремлений. В Западной Европе всё ещё не сомневались в победе ордена над Русью. Например, французский посол Вильгельм де Рубруквис в своём отчёте около 1255 г. писал: «За Руссией к северу находится Пруссия, которую недавно покорили всю братья Тевтонского ордена, и, разумеется, они легко покорили бы Руссию, если бы принялись за это. Ибо, если бы татары узнали, что великий священник (т. е. папа) поднимет против них крестовый поход, они все убежали бы в свои пустыни». Совершенно ясно, что потерпевший дипломатическую неудачу в Орде Рубруквис выдавал желаемое за действительное, ибо реальное соотношение сил было обратным тому, которое он рисует; лучшим свидетельством этого явились события 60-х годов XIII в.

Потерпев неудачу в занятии русских западных земель и опасаясь наступления на Литву галицко-волынского князя Даниила Романовича, Миндовг прибегнул к дипломатическому манёвру. В 1251 г. он согласился заключить мир с Орденом, при этом папская курия дала ему титул короля, а он принял католичество.

Это соглашение не могло быть прочным, ибо в то время литовский народ всё энергичнее развёртывал борьбу с крестоносцами. Немцы в 1253 г. вышли к устью Немана и основали Мемель, чем создали место стыка ливонских и прусских феодальных колоний, а также блокировали последний крупный водный путь из Литвы в море; устья Двины, Вислы и Немана попали под контроль крестоносцев. При этих условиях, сохраняя внешний мир с Ригой, великий князь Миндовг продолжал ока-

зывать помошь свободолюбивым жмудинам, которые под руководством Тройната, племянника Миндовга, не раз нападали на Мемель — «воронье гнездо», как они его называли; в конце 50-х годов они нанесли серьёзное поражение крестоносцам у Шотена.

Успехи жмудин оживили движение в покорённых немцами землях; так, в конце 50-х годов под руководством некоего Швабе восстало Семигаллия, немецкая администрация и духовенство были изгнаны, а опорные пункты немцев — Георгенбург, Анботен, Добен и другие — блокированы. Ливонский магистр поспешил в Кёнигсберг, где договорился с прусским орденским маршалом (командующим войском) Генрихом Ботель о совместном наступлении на землю жмудин. Войска собрались в Мемельбурге; здесь были ливонские крестоносцы во главе с магистром Бургардом фон Горнгузен, прусские крестоносцы во главе с Генрихом Ботель, ревельский отряд датских крестоносцев во главе с герцогом Карлом, отряды местных командоров, а также вспомогательные отряды ливов, эстов, куронов и др.

Объединённое войско направилось к Георгенбургу (в области Корсь), но, получив известие о том, что четырёхтысячный литовский отряд вторгся в Куронию, изменили направление и 13 июля 1260 г. у озера Дурбе столкнулись с литовской армией самого Миндовга. Литовское войско было подкреплено отрядами самов, натангов, пруссов и эрмов; куронские отряды, покинув немецкое войско, перешли на сторону литовцев.

Произошёл жестокий бой, и немецкие рыцари были совершенно разгромлены, были убиты магистр Бургард, маршал Ботель, герцог Карл и 150 других знатных рыцарей, не считая прочих. Следствием этой выдающейся победы литовского народа явилось новое общее восстание подчинённых немецкими феодалами племён. Литовские войска заняли Синтелен, Вархтах (где местное население, предводимое Утиле, истребило немецкий гарнизон), пали замки Георгенбург, Добен. От ордена отпали вся Семигаллия, южная Курония (на севере немцы удержали Виндаву, Ангермунде, Донданген, Гольдинген), героический остров Саремаа; восстали вновь пять прусских провинций. Восставшие пруссы, по словам немецкого хрониста, «всех христиан, каких застали в Пруссии вне укреплений, одних безжалостно убили, других, пленивши, отвезли в вечное рабство, храмы пожгли, священников и иных служителей церкви истребили». Только к середине 80-х годов XIII в. сумели немецкие феодалы полностью овладеть Семигаллией и землями пруссов и ятвягов.

После битвы при Дурбе Миндовг был признан великим князем и в жмуди; он открыто порвал с орденом и с курией — отрекся «от христианской язвы»,¹ арестовал и истребил католических агентов, бывших при его дворе, и тогда же отправил послов на Русь к Александру Ярославичу, понимая, что только с по-

мощью русских можно закрепить победу над крестоносцами; литовские послы, по словам немецкой рифмованной хроники, вернулись и сообщили, что на Руси «рады перемене чувств» Миндовга.

Резкий поворот политики Миндовга привёл к тому, что в 1262 г. князь Александр в свою очередь отправил посольство в Литву, обещая Миндовгу «большую помощь». Тогда же Александр Ярославич и Миндовг заключили союзный договор против немецких рыцарей; можно думать, что одним из условий этого договора было признание Миндовгом прав Александра Ярославича на Полоцк; был намечен совместный поход на Ригу; князю жмудскому Тройнату поручалось поднять восстание среди ливов и лэттов. Ливонским рыцарям грозило полное уничтожение.

Но что-то в соглашении было недоговорено: скорее всего жмудский князь Тройнат, опасаясь усиления Миндовга, выступил с литовскими войсками преждевременно, и когда зимой 1262 г. великий князь Миндовг, разоряя немецкие земли, пришёл под Венден, русских там не оказалось, хотя хорошо известно, что они «очень спешили».

Лишь когда Миндовг возвратился в Литву, русские полки вторглись в землю эстов. Русское войско было весьма велико: княжеский «великий полк» и новгородский сводный полк, включавший множество воинов, вёл князь Дмитрий Александрович; с полками шли: зять князя Александра князь витебский Константин, Ярослав Ярославич князь тверской и, наконец, полоцкий князь Товтивил с полоцким полком и литовской дружиной в пятьсот человек. «Житие» князя Александра также отмечает, что Александром Невским было отправлено крупное войско: «брата своего моложьшаго Ярослава и сына своего Дмитрея с новгородцы посла на западные страны и по[сла] все полки своя с ними». Сам князь Александр в это время был отвлечён ордынскими делами.

Русские войска осадили город Юрьев, который был немцами укреплён «в 3 стены», и взяли его «единым приступлением», и «люди многи града тово овы побиша/а другы изоимаша живы... и взяша товара бещисла и полона». Разорив Юрьев, русские войска, однако, поход прекратили и возвратились в Новгород; возможно, что русские полководцы получили известие об уходе литовских войск.

В том же году в Новгород прибыли немецкие послы — Шиворд из Риги, Теодорох из Любека и Олостен с Готланда — просят мира и возобновления торговли. Князь Александр заключил с ними договор о мире и торговле.

Этот договор восстановливал порядок русско-немецкой торговли, бывший до немецкого вторжения в восточную Прибалтику «Что ся учинило тяже межи Новгородцы и межю немци, и [г]оты, и со всем латиньскимъ языккомъ, то все отложихом, а мир докончахом на сей правде». Восстанавливаясь «старый

¹ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. V, стр. 344.

мир»: «Новгород[е]м гостити (т. е. торговать) на Гоцкий берег (т. е. Готланд) бес пакости, а немцем и [о]том гостити в Новгород бес пакости и всему латинскому языку, на старый мир». Эта статья буквально повторяет договор 1189 г. Да и конец договора подтверждает старину: «А се старая наша правда и грамота, на чемь целовали отци ваши и наши крест. А где ся тяжа (т. е. новый конфликт) родить, ту ю кончать. А иное грамоты у нас нетуть, ни потаили есмы, ни ведаем. На томъ кресть целуем».

Итак, блестящие победы русского оружия заставили немецких феодалов и рижских, любекских, готландских купцов отказаться от надежд не только овладеть Новгородом и Псковом, но даже изменить что-либо в прежнем порядке взаимной торговли, отказаться от попыток блокировать Русь. Вооружённой и дипломатической борьбой Русь упрочила свои рубежи с орденом и Литвой.

Западные границы Руси с немецкими крестоносцами, закрепленные победами русских войск при Александре Невском, в течение ряда столетий непоколебимо оборонылись русским народом. Последующее образование Русского централизованного государства и свержение русским народом татаро-монгольского ига привели в дальнейшем к наступлению России против немецких феодальных захватчиков, к уничтожению русскими войсками Ливонского ордена и, наконец, к восстановлению исторических прав русского народа в восточной Прибалтике.

В 1263 г. князь Александр был в четвёртый раз вызван в Орду по весьма тягостной для Руси причине. Как сказано в «Житии», татаро-монгольские ханы потребовали, чтобы Русь прислала им свои полки для участия в татарских походах и войнах: «Бе же тогда нужа велика от поганых и гоняхуть люди, веляхуть с собою воинствовати». Татаро-монголы в Золотой Орде не составляли основной массы населения, а свою армию они в значительной мере формировали из войск покорённых народов. «Князь же великий Олександро поиде ко царю (т. е. хану), дабы отмолить люди от беды». Видимо, эта миссия великого князя закончилась успешно, так как в источниках нет свидетельств о мобилизации русских полков в состав татарской армии.

Эта поездка князя Александра Ярославича была последней. На обратном пути в Русь великий князь заболел и умер в Городце 14 ноября 1263 г. Летописец, выражая общую мысль, глубоко скорбит по поводу смерти этого выдающегося русского государственного деятеля, который «много трудился за Новград и за Псков и за всю землю Русскую живот свой отдавая».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подведём некоторые итоги.

Рассмотрение истории Руси в связи с историей прибалтийских народов — ливов, лэттов, эстов, литовцев и финнов — обнаруживает глубокую давность их взаимоотношений, вначале (до XII в.) с древнерусским киевским государством, а после его расчленения — с крупнейшими феодальными центрами северо-западной Руси — Новгородом, Псковом, Полоцком, Смоленском.

Характерным для русской власти в землях этих народов, несмотря на некоторые местные различия, было фактическое сохранение раннефеодальных форм подчинения: повсеместно был установлен правильный сбор подати («оброка») посредством доставки её («повороза») в определённые для этого места («погосты»), где дань принимали местные власти и под контролем русских чиновников доставляли в основные центры русского управления, такие, как Юрьев, Куконос, Герцыкэ, Олонец и др. Русское господство в Прибалтике не сопровождалось ни постоянным занятием подвластной территории войсками, ни массовой колонизацией её русскими переселенцами-феодалами, ни, как правило, насильтвенным внедрением феодальной христианской идеологии.

В то же время тесные связи с Русью способствовали распространению в этих землях феодальной культуры и ускоряли формирование новых социально-экономических отношений; это особенно ярко обнаружилось в истории литовского народа, который в XIII в. создал свою относительно единую государственность в значительной мере при участии русских социально-экономических, правовых и культурных элементов.

Крайне напряжённая и исполненная героизма борьба русского народа за свою независимость в XIII в. против немецких, шведских, датских и татаро-монгольских захватчиков имела огромное историческое значение не только для народов Руси.

Борьба русского народа с татаро-монгольским нашествием имела всемирно-историческое значение, ибо благодаря этой борьбе были подорваны вооружённые силы татаро-монголов и сорвался их план, рассчитанный на завоевание и подчинение всей Европы.

Победы русского народа над немецкими феодальными крестоносцами имели огромное значение в первую очередь для исто-

рических судеб народов Восточной Европы, особенно для судеб славянских народов. Русская победа на льду Чудского озера впервые в мировой истории окончательно остановила продолжавшееся ряд столетий немецкое грабительское продвижение на восток. Эта победа, в частности, сыграла решающую роль в борьбе литовского народа за свою независимость.

Не менее важно и то, что именно в эти годы были заложены первые основы совместной борьбы великого русского народа и выступавших вместе с ним народов Прибалтики против захватнического стремления немецких и шведских феодалов на восток.

В этой связи велика роль многообразной деятельности Александра Невского. Александр Невский управлял Русью (1252—1263) в момент весьма опасный для её существования. Феодальные усобицы ослабили силы народа, татаро-монголы разорили часть русских земель, наложили на Русь тяжкое иго и непрерывно угрожали ей новым нашествием; с севера и запада наступали враги, стремившиеся поработить русский народ и обречь его на вымирание. В этих тяжёлых условиях Александр Ярославич оказался достойным той высокой ответственности, которую возложила на него родина.

В делах военных князь Александр обнаружил выдающийся полководческий талант и большое личное мужество. Деятельность его на военном поприще принесла неувядаемые лавры русскому оружию: исторические победы на Неве, на Чудском озере, победоносные походы на Юрьев, против Литвы и против шведских феодалов в Финляндию — таковы важнейшие вехи его военной биографии. Начатая при нём борьба за выход России на балтийские просторы была унаследована и с успехом продолжена Русским государством в новых условиях при Иване IV Грозном и Петре I. Иван IV, с именем которого связана Ливонская война, приведшая к уничтожению Ливонского ордена, выражая глубокое убеждение тогдашнего русского общества, заявил папскому послу Антонию Поссевину, что «та лифляндская земля издавна прародителей их государских... и доныне та земля в его государской державе, а к королевству польскому и государству Литовскому она не надлежала... и для того [государству русскому] всея той земли поступиться невозможно».

Пётр I, при котором в основном была решена задача борьбы России за Балтийское побережье, тогда же подчеркнул древнюю традицию этой борьбы, распорядившись в 1723 г. перевезти прах Александра Невского из Владимира во вновь основанную столицу на Неве.

В делах международных Александр Ярославич показал себя тонким и дальновидным дипломатом; успешно реализуя военные победы, одержанные Русью, он добился мирного урегулирования, оформленного договорами, с княжеством Литовским, с не-

мецким орденом, с Норвегией; с его именем связано восстановление торговых прав Новгородской Руси в северной Европе.

В своих дипломатических сношениях с папской курией князь Александр сумел разгадать захватническую сущность папской политики и дипломатии в Восточной Европе. Русская дипломатия в лице Александра Ярославича не только не позволила курии втянуть ослабленную татаро-монгольским нашествием Русь в новое столкновение с Ордой, но и успешно боролась с происками папской курии в Орде.

Восточная политика, намеченная князем Александром, была позднее унаследована и с успехом применена в целях объединения русской земли Иваном Калитой и его преемниками на московском велиокняжеском столе.

Внутри страны Александр Ярославич продолжал политику своих предшественников, направленную на объединение всех русских земель под властью владимирского великого князя. Он опирался на мелких и средних феодалов, составлявших княжеский «двор» и поставлявших князю полки, укомплектованные из феодально зависимых смердов-крестьян; опирался на поддержку торгово-ремесленных верхов Владимира, Ростова, Переяславля и других городов, которые протестовали против бесконечных войн, подрывавших торговлю и ремесло, против произвола старой боярской знати, и тяготели к прочной велиокняжеской власти, пополняя вооружённые силы князя городовыми полками; опирался он также на поддержку духовных феодалов, опасавшихся происков папской курии и связей с ней других русских князей; он опирался, наконец, на сочувствие всех, кто страдал от бессмысленных феодальных распри. Великий князь сумел соединить в своих руках не только земли Северо-Восточной Руси, но также в известной мере и Новгородской и Псковской феодальных республик и княжеств Смоленска, Витебска и Полоцка. Если это единство не пережило самого князя, то оно всё же отражало, несмотря на татаро-монгольское нашествие и разорение, постоянно нараставшую тенденцию к объединению русских земель в единое экономическое и политическое целое. Факты показывают, наконец, что в своей внутренней политике князь Александр Ярославич руководствовался интересами господствующего сословия феодального общества, стремясь удержать в узде феодально зависимых смердов и городских «чёрных» людей, на плечи которых ложилась основная тяжесть всех внутри- и внешнеполитических мероприятий велиокняжеской власти.

Выдающееся значение Александра Невского — нашего великого предка — определяется, в первую очередь, тем, что он сам отверженно защищал Русь от внешних врагов и понимал решающую роль народа в этой защите.

Прошло семь веков. Наш народ, предводимый гениальным вождём И. В. Сталиным, победоносно закончил Великую Отечественную войну и навсегда освободил славянские народы от ига германских фашистов. «Вековая борьба славянских народов за своё существование и свою независимость окончилась победой над немецкими захватчиками и немецкой тиранией»¹. Советский народ, борясь за процветание социалистического отечества и защищая его независимость от врагов, с глубоким вниманием изучает своё славное прошлое, и среди наиболее величественных исторических дел народных древние летописи повествуют ему о суровых, но исполненных героизма временах борьбы Руси с немецко-шведскими и татаро-монгольскими захватчиками.

¹ Обращение И. В. Сталина к народу 9 мая 1945 г. И. В. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза. Указ. изд., стр. 346.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- С. В. Бахрушин, Александр Невский и борьба русского народа с немецкой агрессией в XIII веке, «Вестник Академии наук СССР», 1942, № 4, стр. 58—71.
- С. Гадзяцкий, Карелы и Карелия в Новгородское время, Петрозаводск 1941.
- С. Гадзяцкий, Вотская и Ижорская земля Новгородского государства, «Исторические записки», т. 6, 1940, стр. 100—148.
- Н. Грацианский, Немецкая агрессия в Прибалтике в XIII—XV веках, «Историк-марксист», кн. 6, 1938, стр. 87—111.
- Н. Грацианский. Заэльбские славяне в борьбе с немецкой агрессией в X—XII вв., «Исторический журнал», 1942, № 8, стр. 37—42.
- Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский, Золотая Орда и её падение, М.—Л. 1950.
- Б. Д. Греков, Крестьяне на Руси, М.—Л. 1946.
- Б. Д. Греков, Новгород и Русь, «Вестник Академии наук СССР», 1942, № 4, стр. 80—88.
- Я. Я. Зутис, Русско-эстонские отношения в IX—XIV веках, «Историк-марксист», 1940, № 3, стр. 39—56.
- Я. Я. Зутис, Борьба за Балтийское море и исторические судьбы Латвии и Эстонии, «Исторический журнал», 1940, № 7.
- В. Н. Лазарев, Искусство Новгорода, М.—Л. 1947.
- Д. С. Лихачев, Галицкая литературная традиция в житии Александра Невского. Труды отдела древнерусской литературы Института литературы Академии наук СССР, т. V, М.—Л. 1947, стр. 36—56.
- Д. С. Лихачев, Новгород Великий (Очерк истории культуры Новгорода XI—XVII вв.), Л. 1945.
- Д. С. Лихачев, Русские летописи, М.—Л. 1947.
- А. Н. Насонов, Монголы и Русь, М.—Л. 1940.
- В. Пашуто, Александр Невский, Учёные записки Ленинградского гос. университета, 1939, № 36, стр. 62—84.
- В. Пашуто, Хозяйство и техника средневековой Литвы, «Вопросы истории», 1947, № 8, стр. 74—81.
- В. Пашуто, О политике папской курии на Руси (XIII век), «Вопросы истории», 1949, № 5, стр. 52—76.
- Б. А. Рыбаков, Ремесло древней Руси, М.—Л. 1948.
- С. А. Тараканова, Древний Псков, М.—Л. 1946.
- М. Тихомиров, Борьба русского народа с немецкими интервентами в XII—XV вв., М. 1941.
- М. Н. Тихомиров, Сражение на Неве, «Военно-исторический журнал», № 7, 1940, стр. 96—102.
- Л. В. Черепинин, Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. I, М.—Л. 1948.
- И. Шаскольский, Борьба Новгорода со Швецией перед Невской битвой, «Военно-исторический журнал», 1940, № 7, стр. 90—95.
- И. П. Шаскольский, Емь и Новгород в XI—XIII вв., Учёные записки Ленинградского гос. университета, серия историч., вып. 10, Л. 1941, стр. 93—115.
- И. П. Шаскольский, Договоры Новгорода с Норвегией, Исторические записки Академии наук СССР, т. 14, М.—Л. 1945, стр. 38—61.
- И. П. Шаскольский, Сигтунский поход, 1187 г., Исторические записки Академии наук СССР, т. 29, М.—Л. 1949, стр. 135—163.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
Предисловие	5
Глава первая. Северо-Восточная Русь на рубеже XIII. века	9
Глава вторая. Русь и народы Прибалтики	29
Глава третья. Вторжение немецких крестоносцев в восточную Прибалтику	44
Глава четвёртая. Первое выступление татаро-монголов и битва на Калке	56
Глава пятая. Падение Юрьева и наступление крестоносцев на Русь и Литву	61
Глава шестая. Борьба русского народа с татаро-монгольским нашествием	76
Глава седьмая. Решающие победы русского народа над шведскими и немецкими захватчиками	82
Глава восьмая. Восточная политика Александра Невского и борьба против прописков папства	101
Глава девятая. Политика Александра Невского в северо-восточной Европе	118
Заключение	127
Краткая библиография	131

Художник *С. М. Пожарский*

Редактор *В. А. Александров*

Техн. редактор *М. Д. Петрова*

Подписано к печати 6/1 1951 г. А 01304. Бумага 60×92 $\frac{1}{2}$. Бумажных л. 4,125
Печатных л. 8,25. Учётно-изд. л. 8,04. Тираж 50 тыс. экз. Цена без переплёта 2 р. 40 к.
Переплёт 50 к. Заказ 2592

Типография № 2 Управления издательств и полиграфии Исполкома Ленгорсовета,
Ленинград, Социалистическая, 14